

ДЖОН

СТЕЙНБЕК

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

К ВОСТОКУ ОТ ЭДЕМА

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Джон Стейнбек
К востоку от Эдема

«АСТ»

1952

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Стейнбек Д. Э.

К востоку от Эдема / Д. Э. Стейнбек — «АСТ»,
1952 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-102580-9

Шедевр «позднего» Джона Стейнбека. «Все, что я написал ранее, в известном смысле было лишь подготовкой к созданию этого романа», — говорил писатель о своем произведении. Роман, который вызвал бурю возмущения консервативно настроенных критиков, надолго занял первое место среди национальных бестселлеров и лег в основу классического фильма с Джеймсом Дином в главной роли. Семейная сага... История страстной любви и ненависти, доверия и предательства, ошибок и преступлений... Но прежде всего — история двух сыновей калифорнийца Адама Траска, своеобразных Каина и Авеля. Каждый из них ищет себя в этом мире, но как же разнятся дороги, которые они выбирают... «Ты можешь» — эти слова из библейского апокрифа становятся своеобразным символом романа. Ты можешь — творить зло или добро, стать жертвой или безжалостным хищником.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-102580-9

© Стейнбек Д. Э., 1952

© АСТ, 1952

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
1	7
2	9
Глава 2	11
1	11
2	14
Глава 3	15
1	15
2	19
3	21
4	25
Глава 4	29
1	29
2	29
Глава 5	32
Глава 6	37
1	37
2	39
3	43
Глава 7	45
1	45
2	48
3	50
Глава 8	58
1	58
2	61
3	63
4	65
5	67
6	68
Глава 9	72
1	72
2	74
3	77
Глава 10	80
1	80
2	81
3	84
Глава 11	87
1	87
2	88
3	91
4	92
5	95
6	96

Часть вторая	99
Глава 12	99
Глава 13	101
1	101
2	102
3	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Джон Стейнбек

К востоку от Эдема

Посвящается Паскалю Ковичи

Дорогой Пат!

Однажды ты застал меня за вырезанием миниатюрной фигурки из дерева и предложил: «Может, сделаешь что-нибудь и для меня?»

Я поинтересовался, что именно ты хочешь, и в ответ услышал: «Шкатулку».

«Для чего?»

«Складывать вещи».

«Какие именно?»

«Всякую всячину», – ответил ты.

Ну вот, шкатулка готова; в ней уместилось почти все, что у меня есть, и все равно осталось много места. Здесь боль и переживания, печали и радости, мысли дурные и хорошие – замыслы, приносящие удовлетворение и повергающие в отчаяние, а также не поддающееся описанию счастье творчества.

А поверх всего – огромная благодарность и моя любовь к тебе.

И все равно шкатулка не заполнена до конца.

Джон.

Печатается с разрешения The Estate of Elaine A. Steinbeck и литературных агентств McIntosh and Otis, Inc. и Andrew Nurnberg.

© John Steinbeck, 1952

© Elaine A. Steinbeck, Thom Steinbeck, and John Steinbeck IV renewed 1989

© Школа перевода В. Баканова, 2015

© Перевод. Г. Злобин, наследники, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Часть первая

Глава 1

1

Салинас-Вэлли расположен в Северной Калифорнии и представляет собой длинную узкую полосу равнины между двумя цепями гор, посреди которой бежит, извиваясь и петляя, река Салинас, заканчивающая свой путь в заливе Монтерей.

Я помню, как назывались во времена моего детства травы и скрывающиеся в них загадочные цветы, знаю, где находится жилище жабы, в котором часу просыпаются летом птицы, как пахнут деревья и какой аромат у каждого времени года. Помню местных жителей, их походку и даже запах. Память хранит множество разных запахов.

Помню, что раскинувшиеся к востоку от долины горы Габилан светлые и жизнерадостные, обласканы солнцем и полны очарования. Они зовут и влекут к себе, и хочется взобраться на теплые склоны, как на колени к любимой матери. Манящие горы, покрытые бурой травой и пропитанные любовью. На западе упираются в небо вершины Санта-Лусия, заслоняющие долину от океана. Темные и угрюмые, они таят враждебность и угрозу. Я всегда испытывал благоговейный страх перед западом и всей душой любил восток. Затрудняюсь объяснить причину. Возможно, она кроется в том, что из-за вершин Габилан приходит утро, а ночь наползает с хребтов Санта-Лусия, и две горные цепи ассоциируются у меня с рождением нового дня и его угасанием.

По обе стороны долины с горных ущелий в реку Салинас стекали маленькие ручейки. Зимой в дождливые годы ручейки превращались в бурные потоки, наполняющие реку до краев, и в один прекрасный день она закипала в приступе ярости и выплескивалась из берегов, разрушая все вокруг. Случалось, река отхватывала находящиеся вблизи берега большие куски фермерских угодий, опрокидывала амбары и дома, переворачивая и унося их с собой, ловила в свой капкан коров, свиней и овец, топила в бурых от грязи водах и увлекала в море. Потом, с наступлением поздней весны, река постепенно мелела, открывая песчаные берега, а летом и вовсе пересыхала, и только под высокими обрывами, где недавно бурлили глубокие водовороты, оставались лужи. Снова выростал камыш и трава, и распрямлялись ивы, на верхних ветвях которых виднелся застрявший мусор, принесенный во время паводка. Салинас – река непостоянная и течет на поверхности не круглый год, а с лучами летнего солнца уходит под землю. Она не отличается особой красотой, но другой в тех местах нет, и мы любили хвастаться грозным нравом нашей Салинас в дождливую зиму и удивительной способностью бесследно исчезать в песке засушливым летом. Впрочем, хвастаться можно чем угодно, если ничего другого под рукой нет, да и вообще чем меньше имеешь, тем сильнее тянет бахвалиться.

Низинная часть Салинас-Вэлли, которая находится между горными цепями, ниже предгорий, совершенно плоская, потому что когда-то сама долина была дном узкого морского залива длиной в сто миль. Давным-давно устье реки в Мосс-Лэндинг служило входом в этот залив. Однажды отец пробурил колодец посреди долины. Сначала бур прошел сквозь пахотный слой и гравий, а потом показался белый морской песок, в котором было полно ракушек и даже попадались частицы китового уса. Двадцать футов песка в глубину – и снова чернозем, где мы нашли обломок красного дерева, чья древесина отличается прочностью, не гниет и не портится. Должно быть, еще раньше, до появления морского залива, в долине рос лес. И все

эти чудеса творились прямо у нас под ногами. Порой по ночам мне слышался и шум моря, и шелест секвой в древнем лесу.

На равнинных землях пахотный слой толстый и плодородный. После щедрой на дожди зимы он мгновенно покрывался травой и цветами. В дождливый год весенние цветы невероятно красивы. Вся равнина и предгорья пестрели ковром люпина и маков. Как-то раз я услышал от одной женщины, что букет из разных цветов покажется еще ярче, если добавить несколько белых цветков для контраста. Лепестки люпина оторочены белой каемочкой, и потому люпиновое поле поражает невероятной синевой, в которую пылающими искрами вкрапляются калифорнийские маки. Их цвет обжигает: не оранжевый и не ярко-желтый, и стань чистое золото жидким, как молоко с отстоявшимися сливками, оно, наверное, имело бы такую же жгучепламенную окраску, что и наши маки. Маки отцветали, и им на смену поднималась в полный рост желтая горчица. Когда мой дед осел в долине, горчица была такой высокой, что над желтыми цветами виднелась только голова всадника, едущего верхом на лошади. На плоскогорьях трава усыпана лютиками, живучками и желтыми полевыми фиалками с темными серединками. Чуть позже расцветают красные и желтые индейские кастиллеи. Эти цветы растут на открытой местности, где много солнечного света.

В тени виргинских дубов расцветал венерин волос, наполняя воздух сладким ароматом, а под покрытыми мхом берегами реки свисали заросли пятипалых папоротников и золотарника. А еще там росли колокольчики, похожие на изящные кремове-белые фонарики, полные колдовских чар и скрытого порока. Они встречались очень редко, и ребенка, которому посчастливилось найти один цветочек, выделяли из всей компании, и он становился героем дня.

С наступлением июня набравшие силу травы начинали жухнуть, и холмы приобретали бурую окраску, которую и бурой-то не назовешь, скорее золотистой с желто-оранжевым отливом и примесью красного – одним словом, цвет, не поддающийся описанию. С этого момента и до следующих дождей земля на равнине становилась все суше, покрывалась трещинами, ручьи пересыхали, и река Салинас уходила в песок. По долине гулял ветер, поднимая в воздух облака пыли и сухой травы. Продвигаясь на юг, он становился все сильнее и резче, а вечером утихал. Колючий изматывающий ветер нес частицы пыли, которые въедались в кожу и раздражали глаза. На работу в поле люди надевали защитные очки и заматывали нос платком, чтобы туда не набилась грязь.

На равнине земля была богатой и плодородной, а на предгорьях пахотный слой совсем тонкий, всего несколько дюймов, на глубину вросших в него коротких корней травы. Чем выше поднимаешься в горы, тем тоньше становится плодородный слой, сквозь который проступают наружу осколки камней, и наконец за кустарниками начинается сплошная полоса кремневой гальки, от которой, слепя глаза, отражаются знойные солнечные лучи.

Я рассказал об урожайных годах, когда шли обильные дожди, но случались и страшные засухи, наводившие ужас на всех жителей долины. Дождливые и засушливые годы чередовались по тридцатилетнему циклу. Сначала выпадало пять-шесть замечательных лет с проливными дождями, когда уровень осадков составлял девятнадцать – двадцать пять дюймов, и напитанная влагой земля сплошь покрывалась сочной травой. За ними следовало шесть или семь вполне сносных лет с осадками двенадцать – шестнадцать дюймов. Потом наступали засушливые годы, во время которых дождей выпадало всего семь-восемь дюймов. Земля высыхала, трава не хотела расти, и на равнине появлялись большие, словно пораженные паршой проплешины. Виргинские дубы чахли, их кора напоминала коросту, и даже полынь становилась безжизненной и серой. Почва покрывалась трещинами, источники пересыхали, и домашний скот вяло жевал сухие ветки. И тогда все фермеры и хозяева ранчо проникались жгучей ненавистью к Салинас-Вэлли. Коровы тощали на глазах и нередко подыхали с голоду, а людям приходилось возить на фермы питьевую воду в бочках. Некоторые семьи продавали за бесценок все имущество и отправлялись искать счастья в другие края. С приходом очередной засухи

люди не вспоминали о годах урожайных и сытых, а когда снова начинались обильные дожди, напрочь забывали о голодных засушливых временах. Так и жили.

2

Вот какой была долина Салинас-Вэлли, длинной узкой лентой вклинившаяся между гор. Ее история такая же, как у всего штата Калифорния. Сначала здесь жили индейцы, никчемное пассивное племя, лишенное изобретательности и элементарной культуры. Люди, питающиеся личинками жуков, кузнечиками и моллюсками, слишком ленивые, чтобы охотиться или заниматься рыбной ловлей. Они ели то, что можно просто подобрать с земли, и ничего не сажали и не сеяли, а муку делали из горьких толченых желудей. Даже их войны походили на вымученную пантомиму.

Потом появились экспедиционные отряды суровых расчетливых испанцев. Алчные и практичные, они жаждали золота и насаждали веру в своего бога, коллекционируя людские души как драгоценные камни. Испанцы захватывали горы и долины, реки и земли, простирающиеся до самого горизонта. Именно так и в наши дни добиваются права на приобретение участка под застройку. Эти упрямые безжалостные люди сновали по всему побережью. Некоторые оседали на основании дарственной на земельные владения величиной с целое графство, пожалованной испанскими королями, не имеющими ни малейшего представления о том, что представляет собой подобный дар. Первые землевладельцы жили в бедных феодальных поселениях, и их домашний скот бесхозно бродил по окрестностям, плодился и множился. Время от времени животных забивали ради шкуры и жира, а мясо бросали на съедение грифам и койотам.

Как только испанцы появились в этих краях, сразу возникла потребность дать названия всему, что видит глаз. Такова неременная обязанность любого путешественника и первооткрывателя. Впрочем, не только обязанность, но и преимущественное право. Прежде чем нанести то или иное место на нарисованную от руки карту, нужно придумать подходящее имя. Разумеется, испанцы были людьми религиозными, а читать, писать, вести путевые дневники и записи и рисовать карты умели неутомимые и фанатичные священнослужители, путешествующие вместе с солдатами. В результате первые названия давали в честь святых или религиозных праздников, которые отмечались на привале. Святых великое множество, и все же их число не безгранично, а потому встречаются и повторы. И вот появляется Сан-Мигель, Сент-Майкл, Сан-Ардо, Сан-Бернардо, Сан-Лоренцо, Сан-Карлос, Сан-Францискито. А потом идут праздники: Нативидад (Рождество Христово), Насимьенте (Рождество Девы Марии), Соледад (Уединение). Некоторым местам давались названия в зависимости от настроения экспедиции в данный момент. Так появилась Буэна-Эсперанца, добрая надежда, и Буэна-Виста, потому что перед путешественниками открылся великолепный вид, а также Чуалар, так как местечко оказалось на удивление красивым. Далее следуют описательные названия, такие как Пасо-делос-Роблес, в честь росших в этом месте дубовых деревьев. Лос-Лаурелес обязан своим названием лавровым кустам, Туларситос – камышам, растущим на соседнем болоте, а Салинас – солончакам.

Потом названия стали давать в честь животных и птиц. Примером тому служат Габилан, так зовутся орлы, летающие в этих горах, а также Топо, где водились кроты, и Лос-Гатос, место, в котором в то время обитали дикие лесные кошки. Идея названия иногда возникала из-за особенностей самой местности. Тассахара – чашка с блюдцем, Лагу-на-Сека – высохшее озеро, Корраль-де-Тьерра – земляная насыпь, и, наконец, Параисо, место, вызвавшее у путников ассоциации с раем.

После испанцев пришли американцы, отличавшиеся еще большей жадностью, потому что их самих тоже было гораздо больше. Они захватывали земли и переделывали в свою пользу

законы. Повсюду, как грибы, росли фермерские хозяйства, сначала на равнинах, а потом и на склонах предгорий. Они представляли собой небольшие деревянные домишки, покрытые дранкой из секвойи и огороженные частоколом. Стоило появиться на земле даже самому малому источнику воды, и дом рос на глазах, а семья множилась. Во дворе перед окнами дома высаживали красную герань и розовые кусты. Вместо тропинок появились наезженные телегами колеи, а поля, засеянные кукурузой, ячменем и пшеницей, вытеснили желтую горчицу. Вдоль проезжих дорог через каждые десять миль встречалась лавка с товарами или кузница, вокруг которых вырастали небольшие поселки, такие как Брэдли, Кинг-Сити, Гринфилд.

В отличие от испанцев у американцев имелась тенденция называть поселки в честь людей. После заселения равнин названия мест стали связывать с событиями, которые там произошли, и вот они-то и приводили меня в неописуемый восторг, потому что за каждым скрывается давно забытая история. На память приходит Болса-Нуэва – новый кошелек, Морокохо – хромой мавр (интересно, кто это такой и как тут оказался?) и каньоны Уайлд-Хорс – дикая лошадь, Шерттейл – пола рубашки или Мустанг-Грейд – племенной мустанг. Такие названия отражают характер людей, которые их придумали, и бывают почтительными или, наоборот, пренебрежительными, одни дают поэтическое описание, а другие звучат уничижительно. Любое место можно назвать Сан-Лоренцо, а вот каньон Пола Рубашки или Хромой Мавр – совсем другое дело.

Днем поселения насквозь продувались ветром, и фермеры посадили эвкалиптовые деревья, которые образовали ветрозащитную полосу протяженностью в несколько миль, чтобы уберечь пахотный слой от выветривания. Вот так выглядела Салинас-Вэлли, когда мой дед привез сюда жену и обосновался на предгорьях к востоку от Кинг-Сити.

Глава 2

1

Мой рассказ о Гамильтонах основан на слухах, старых фотографиях, семейных преданиях и расплывчатых воспоминаниях, где правда смешивается с вымыслом. Они были людьми ничем не примечательными и оставили после себя мало письменных упоминаний, да и те ограничиваются свидетельствами о рождении, заключении брака и смерти, а также документом на владение землей.

Молодой Сэмюэл Гамильтон и его жена родом с севера Ирландии. Он был сыном мелких фермеров среднего достатка, которые сотни лет прожили на одном участке земли в одном и том же каменном доме. Гамильтоны умудрились получить на удивление хорошее образование, считались людьми начитанными, и, как часто случается в этой зеленой стране, их связывали узы родства и с влиятельной знатной верхушкой общества, и с беднотой. Один из многочисленных кузенов мог носить титул баронета, а другой – побираться по чужим домам. Разумеется, как все уважающие себя ирландцы, Гамильтоны вели свое происхождение от королей Ирландии.

Не знаю, что заставило Сэмюэла покинуть выстроенный из камня отчий дом и покрытую зеленью землю предков. Он никогда не интересовался политикой, и маловероятно, что причиной отъезда стало участие в мятеже. Сэмюэл был человеком кристально честным, и это исключает преследование со стороны полиции. Среди членов семьи ходили толки, которые и слухами-то не назовешь – так, некая витающая в воздухе недосказанность, – что он покинул родные края из-за любви, и отнюдь не к женщине, на которой женился. Не могу сказать, была ли эта любовь счастливой, или его чувства остались безответными и он бежал из-за уязвленной гордости. В семье все склонялись к первому варианту, ведь Сэмюэл слыл парнем красивым, обаятельным и веселым, и трудно представить молодую ирландскую крестьянку, которая не ответила бы ему взаимностью.

Дед приехал в Салинас-Вэлли в расцвете сил и здоровья. Энергия била из него ключом, а голову переполняли всевозможные идеи и замыслы. Глаза Сэмюэла поражали удивительной синевой, и когда он уставал, один глаз начинал слегка косить. Он был человеком мощного телосложения, а по натуре деликатным и в некотором роде утонченным. Даже занимаясь крестьянским трудом, где без грязи никак не обойтись, он всегда выглядел безукоризненно чистым и опрятным. А еще Сэмюэл славился золотыми руками. Он был искусным кузнецом, плотником и резчиком по дереву и мог из любой деревяшки или куска металла смастерить какую-нибудь диковинку. Дед постоянно изобретал новые способы выполнить хорошо известное дело лучше и быстрее, но всю свою жизнь был начисто лишен таланта наживать деньги. Другие люди, в полной мере обладающие этим даром, брали на вооружение задумки Сэмюэла, выгодно продавали и богатели, в то время как сам изобретатель едва сводил концы с концами.

Трудно сказать, что привело деда в Салинас-Вэлли, место малоподходящее для человека, родившегося в краю, покрытом зеленью. Однако он приехал сюда за тридцать лет до начала двадцатого столетия вместе с миниатюрной женой-ирландкой, женщиной суровой и непреклонной, совершенно лишенной чувства юмора. Она придерживалась строгих пресвитерианских правил и моральных принципов, по которым все, что есть приятного в жизни, является грехом и подлежит осуждению.

Ума не приложу, где Сэмюэл ее отыскал, как ухаживал и почему женился. Подозреваю, что где-то в дальнем уголке сердца запечатлелся образ совсем другой девушки, так как дед был натурой порывистой и страстной, а его супруга проявляла свои чувства весьма скупно. Тем не

менее за все годы, прожитые в Салинас-Вэлли, с юности и до самой смерти, никто не слышал, чтобы Сэмюэл ходил к другим женщинам.

Когда Сэмюэл и Лайза появились в Салинас-Вэлли, все хорошие земли на равнине, плодородные предгорья и ложбины на склонах, а также участки, покрытые лесом, были уже разобраны, но еще оставались не занятыми земли малопродуктивные. Вот дед и обосновался на пустоши, раскинувшейся на холме к востоку от места, где сейчас находится Кинг-Сити.

Он поступил как все: взял земельный надел в сто шестьдесят акров на себя и столько же на жену, а поскольку та была беременна, прибавил еще сто шестьдесят акров на ребенка. За годы супружеской жизни родилось девять детей, четыре мальчика и пять девочек, и с рождением каждого ребенка к ранчо добавлялось по участку, что составило одиннадцать земельных наделов общей площадью тысяча семьсот шестьдесят акров.

Попадись Гамильтонам стоящая земля, они стали бы людьми богатыми, но почва на полученных участках была сухой и твердой, без источников воды и с таким тонким пахотным слоем, что на поверхность то тут, то там выступали осколки кремня. Польша и та выживала с трудом, а дубы из-за нехватки влаги превратились в карликов. Даже в сравнительно благоприятные годы корма отощавшей домашней скотине не хватало, и она бродила по окрестностям в поисках еды. С высоты своих пустошей Гамильтонам оставалось только любоваться раскинувшимися внизу на западе богатыми цветущими землями и зелеными полями по берегам реки Салинас.

Сэмюэл построил дом своими руками, так же как амбар и кузницу. Он очень скоро понял, что даже имея десять тысяч акров лишней воды каменистой земли в горах, семью не прокормить. Золотые руки и тут не подвели, и дед смастерил бурильную установку и стал бурить колодцы на землях более удачливых соседей. Он изобрел и сам смастерил молотилку и во время сбора урожая ходил по расположенным на равнине фермам, обмолачивая зерно, которое не родилось на его бесплодных землях. Дед натачивал лемеха плугов, чинил бороны и сломанные тележные оси и подковывал лошадей. Фермеры со всей округи несли Сэмюэлу в починку инвентарь, а кроме того, любили послушать его рассказы и рассуждения о жизни, поэзии и философии, которые существовали далеко за пределами Салинас-Вэлли.

Дед обладал роскошным, проникающим в самое сердце голосом, который звучал одинаково красиво, пел ли он песню или рассказывал очередную историю. Ирландский акцент у Сэмюэла отсутствовал, но его речь отличалась особой напевностью, мелодичностью и богатством интонаций, которые ласкали слух неразговорчивых фермеров с равнины. Они обычно приносили с собой виски и, отойдя в сторонку, подальше от кухонного окна и осуждающего взора миссис Гамильтон, украдкой отпивали из бутылки, а потом жевали зеленые листья дикорастущего аниса, чтобы отбить запах спиртного. День считался неудачным, если у кузницы не толпились три-четыре человека, прислушивающихся к ударам молота и внимающих речам Сэмюэла. Фермеры называли деда великим шутником и забавником и старались запомнить и донести до дома его рассказы, а потом несказанно удивлялись, когда в пересказе у себя на кухне история теряла всю прелесть и вовсе не казалась смешной.

Владея бурильной машиной, молотилкой и кузницей, Сэмюэл должен был давно разбогатеть, однако у него полностью отсутствовала предпринимательская жилка. Клиенты, которым вечно не хватало денег, обещали расплатиться после жатвы, потом после Рождества и снова откладывали срок платежа, пока и вовсе не забывали о долге. Сэмюэл стеснялся им напомнить, и потому Гамильтоны оставались бедняками.

Дети в нашей местности появлялись на свет с завидной регулярностью, и перегруженные работой врачи округа нечасто заезжали на ранчо, чтобы принять роды, за исключением случаев, когда радостное событие превращалось в кошмар, тянувшийся несколько суток. Сэмюэл Гамильтон собственноручно принимал всех своих детей, аккуратно перевязывал пуповину, как полагается, шлепал младенца по попке и наводил порядок в доме. Когда при рождении младшего возникли осложнения и ребенок начал синеть, Сэмюэл прижался губами к роту

малютки и стал вдыхать в него воздух, пока младенец не задышал самостоятельно. У деда были искусные и ласковые руки, и соседи приезжали за двадцать миль с просьбой принять роды, а он одинаково хорошо справлялся со своей задачей, будь то женщина, лошадь или корова.

На полке у Сэмюэла на видном месте стояла толстая книга в черном переплете с тисненным золотом названием «Доктор Ганн. Семейный справочник по медицине». Некоторые странички были загнуты и потрепаны от частого употребления, а другие вообще никогда не открывались. По книге доктора Ганна можно узнать всю историю болезней семейства Гамильтонов. Чаще всего дед обращался к разделам о переломах, порезах, синяках, болях в пояснице и детских болезнях, таких как свинка, корь, скарлатина и дифтерит. Большое внимание уделялось ревматизму, женским болезням и, конечно же, всему, что связано с беременностью и родами. Гамильтонам либо сильно везло, либо они и правда отличались высокой нравственностью, потому что страницы, посвященные гонорее и сифилису, так и не увидели света.

Сэмюэл, как никто другой, умел справиться с приступом истерики или успокоить перепуганного ребенка, и все благодаря проникновенным ласковым речам и нежной чувствительной душе. Соблюдая тело в чистоте, он оставался чистым и в помыслах. Люди, приходившие в кузницу поболтать и послушать рассказы деда, на время забывали о бранных словах, и не потому, что сдерживали себя и не давали волю языку. Они делали это автоматически, чувствуя: здесь не место сквернословью.

Сэмюэл всегда отличался от остальных жителей, оставаясь чужаком. Возможно, все дело в особом, размеренном и напевном темпе речи, одинаково действующем на мужчин и женщин, заставляя их вести с Сэмюэлом откровенные разговоры, на которые они никогда бы не отважились с родственниками или самыми близкими друзьями. Из-за несколько странноватого характера дед держался особняком и благодаря этой особенности стал хранителем чужих тайн, надежным, как могила.

Лайза Гамильтон, тоже ирландка, была слеплена совсем из другого теста. В ее маленькой круглой головке умещались непритязательные примитивные убеждения и принципы. Глядя на пуговичный носик в сочетании с упрямым, будто срезанным подбородком и дерзко выступающей вперед нижней челюстью, становилось ясно, что миссис Гамильтон не свернет с раз избранного пути, даже если этому воспротивятся призывающие к смирению ангелы небесные.

Лайза хорошо готовила незамысловатую еду, и ее дом – а она всегда считала его своей собственностью – неизменно сиял чистотой. Беременность и роды не слишком мешали и не отрывали надолго от дел. Обычно она остерегалась заниматься тяжелой работой не более двух недель. Должно быть, таз миссис Гамильтон был сделан из китового уса, так как она легко и быстро рожала одного за другим крупных младенцев.

Лайза остро чувствовала малейшее проявление греха. Безделье считалось грехом, как и игра в карты, которая в ее глазах также являлась праздным времяпрепровождением. К любому проявлению веселья она относилась с подозрением и опаской, будь то танцы, пение или обычный смех. В ее понятии люди, весело проводящие время, непременно становятся добычей дьявола. И это вызывало досаду, так как Сэмюэл был человеком веселым и любил посмеяться. Подозреваю, он мог легко попасть в лапы дьяволу, и жена по мере сил оберегала его от такой участи.

Лайза всегда убирала волосы назад и завязывала в тугий узел. Разумеется, я не помню, как она одевалась, но наверняка одежда в точности соответствовала ее характеру и образу мыслей. У миссис Гамильтон полностью отсутствовало чувство юмора и лишь иногда проскальзывали проблески язвительного остроумия. Внуки боялись Лайзу, так как она была начисто лишена каких-либо человеческих слабостей. Всю свою жизнь она мужественно и без единой жалобы переносила страдания, свято веря, что Господь повелел всем своим чадам жить именно так, а награда за долготерпение придет потом.

2

Когда переселенцы из Европы, где вся земля была поделена и шла драка за каждый клочок, впервые появились на Западе и увидели необъятные просторы, для получения которых в собственность достаточно поставить подпись на бумажке и заложить фундамент под дом, их обуяла неумная жадность. Хотелось приобрести все больше и больше земли, по возможности хорошей, но годилась любая.

Возможно, у людей засели в памяти обычаи феодальной Европы, где богатые влиятельные семьи становились таковыми благодаря приобретению собственности. Первые поселенцы расхватывали землю, которая им была не нужна, не имея возможности ее обработать. Забирали даже никчемную бесплодную землю, только чтобы числиться ее владельцем. И все традиционные взаимосвязи поменялись. Человек, способный жить вполне обеспеченно на десяти акрах в Европе, становился нищим как церковная крыса на двух тысячах в Калифорнии.

Очень скоро все земли на гористых пустошах вблизи Кинг-Сити и Сан-Ардо разобрали, и по холмам расселились изнуренные работой бедные семьи, которые трудились до седьмого пота, чтобы прокормиться с бесплодной каменистой земли. Вместе с койотами они влачили жалкое существование и изворачивались, как могли. Эти люди приехали без денег и необходимых для работы орудий труда, без надежды получить кредит, а главное, ничего не зная о новых краях и как к ним приспособиться, чтобы выжить. Не понимаю, что толкнуло их на столь безрассудный шаг, святая глупость или великая вера. Теперь такого духа авантюризма и отваги в мире не встретишь. И действительно, семьи умудрялись выживать и росли числом. Все-таки у них имелся некий инструмент или, если хотите, оружие, которое впоследствии куда-то пропало, а может быть, просто затаилось до лучших времен. Утверждают, что они выстояли, потому что не сомневались в справедливости, честности и милосердии Господа, которому доверили свое главное достояние – веру, отменяя в сторону все суетное и мелкое. Но я считаю, эти люди просто верили в себя и уважали в себе личность, так как не сомневались в собственной значимости и способности стать нравственной основой нового общества. Именно это позволило им отдать Господу в заклад свое мужество и чувство собственного достоинства, которые он впоследствии вернул в сохранности обратно. Теперь ничего подобного не происходит, вероятно, потому, что люди больше не верят в свои силы, а если и приходится пойти на риск, предпочитают тащиться следом за сильным и решительным человеком, хотя тот может сто раз ошибиться и завести совсем не туда.

Многие явились в Салинас-Вэлли без гроша в кармане, но встречались и такие, кто, распродав все имущество, приехал с кругленькой суммой, намереваясь начать новую жизнь. Эти переселенцы тоже покупали землю, но непременно хорошую, и строили дома из тесаных бревен, обзаводились коврами и вставляли в окна цветные узорчатые стекла. Подобных семей насчитывалось немало. Они скупили лучшую землю на равнине, очистили ее от желтой горчицы и посеяли пшеницу.

Среди них был и Адам Траск.

Глава 3

1

Адам Траск родился на ферме, на окраине небольшого поселка, расположенного недалеко от одного из крупных городов штата Коннектикут. Он был единственным сыном в семье и появился на свет спустя шесть месяцев после того, как в 1862 году его отца призвали на службу в Коннектикутский полк. Мать Адама вела хозяйство на ферме, носила под сердцем сына и, несмотря на занятость, находила время для изучения основ теософии. Чутье подсказывало, что муж непременно погибнет от руки свирепых дикарей-мятежников, и она готовилась к встрече с супругом в загробной жизни. Но он вернулся домой с оторванной по колено ногой через шесть недель после рождения Адама. Приковывал на грубо обструганной растрескавшейся деревяшке, которую сам вырезал из бука. Вынул из кармана и положил на стол в гостиную свинцовую пулю, которую грыз, пока ампутировали покалеченную ногу.

Отец Адама Сайрус слыл сущим дьяволом и всегда отличался необузданным нравом. Он с такой лихостью раскатывал в двуколке, что казалось, деревянная нога не мешает, а, наоборот, помогает. Служба в армии со всеми ее тяготами приносила Сайрусу радость, его сумасбродной натуре пришлась по душе недолгая воинская подготовка с неизменными кутежами, азартными играми и распутством. Потом его отправили на юг с частями пополнения, и эту весть он тоже принял с радостью. По дороге Сайрус знакомился со страной, воровал кур и не упускал случая затащить в стог сена девушку-южанку.

Долгие маневры с их унылой безысходностью, да и сами сражения обошли Сайруса стороной. Первая встреча с противником произошла весенним утром в восемь часов, а в половине девятого в правую ногу попал тяжелый снаряд, превративший ее в кровавое месиво, так что о лечении не шло и речи. Но и тогда удача не отвернулась от Сайруса. Войска конфедератов отступили, и полевые хирурги немедленно пришли на помощь раненым. Правда, Траск все же натерпелся страху, когда на ноге обрезали лохмотья мяса, пилили кость и прижигали открытую рану. Подтверждением тому служат отметины от зубов, оставшиеся на пуле. В антисанитарных условиях, характерных для полевых госпиталей того времени, рана заживала плохо и причиняла много мучений, но на редкость живучий Сайрус и тут сохранил присущую ему самонадеянность и бесшабашность. Целыми днями он старательно вырезал из бука ногу и уже бойко ковылял на костыле, когда в один прекрасный день его поманила свистом укрывшаяся за штабелем досок молодая негритянка и взяла за удовольствие десять центов.

Вскоре обнаружилось, что девушка наградила Сайруса гонореей. Закончив работу над деревянной ногой, он узнал неприятную новость и дни напролет занимался поисками злополучной негритянки, рассказывая приятелям, что с ней сделает, когда найдет. Замышлялось отрезать негоднице перочинным ножом уши и нос и получить назад деньги. Ковыряя ножом деревянную ногу, Сайрус демонстрировал товарищам, как станет резать девушку на части. «Отделаю сучку так, что все обхохочутся, – говаривал Сайрус. – С такой уродиной не захочет иметь дело даже пьяный индеец». Должно быть, предмет «пламенной любви» почувствовал его намерения, потому что девушка как в воду канула. К моменту выписки из госпиталя и демобилизации из армии гонореею подлечили, но, когда Сайрус вернулся домой в Коннектикут, оставшегося хватило, чтобы заразить жену.

Миссис Траск была бледной, замкнутой в себе женщиной. Солнечные лучи никогда не касались ее щек, не знакомых с румянцем, а губы ни разу не сложились в беззаботную, веселую улыбку. Религия служила лекарством от всех зол, существующих на белом свете и в собственной душе, и миссис Траск приспособливала ее под каждый конкретный грех. Когда необходи-

мость в теософии, предназначенной для общения с покойным супругом, отпала, она занялась поисками нового несчастья и вскоре обрела достойную награду в виде заразы, которую принес домой с поля боя Сайрус. Узнав о болезни, мать Адама изобрела новую богословскую теорию, согласно которой Бог из средства общения с потусторонним миром превратился в орудие возмездия. Такое божество наилучшим образом соответствовало чаяниям миссис Траск и, как выяснилось впоследствии, стало ее последним творением. Она с готовностью списала недуг на определенного рода сновидения, посещавшие ее во время отсутствия мужа.

Однако болезнь показалась недостаточно суровой карой за разврат во сне, а новый бог знал толк в наказаниях и требовал от своих приверженцев жертвы. Миссис Траск долго ломала голову в поисках достойной жертвы, которая поможет претерпеть величайшее унижение, и очень обрадовалась, когда поняла, что лучше всего принести в жертву собственную жизнь. Написание прощального письма, редактирование и исправление ошибок заняло две недели. Миссис Траск признавалась в преступлениях и каялась в грехах, которые при всем желании не имела возможности совершить. Лунной ночью, облачившись в сшитый тайком саван, она вышла из дома и утопилась в пруду, таком мелком, что пришлось встать на четвереньки в самую грязь и держать голову под водой. Подобный поступок требовал большой силы воли. Миссис Траск уже начала погружаться в теплые волны забвения, как вдруг в угасающем сознании мелькнула досадная мысль, что, когда утром ее станут вытаскивать из пруда, белый полотняный саван будет перепачкан грязью. Именно так и случилось.

Сайрус Траск оплакивал жену в обществе бочонка виски и трех армейских друзей, которые заглянули к нему по дороге домой в штат Мэн. Малышка Адам проснулся и начал реветь. Безутешный муж и его приятели не имели понятия, как ухаживать за детьми, и забыли покормить младенца. Сайрус быстро нашел выход и, обмакнув тряпку в виски, сунул ее в рот малышу. После третьего захода Адам уснул. В процессе скорбной церемонии он просыпался еще несколько раз с жалобным плачем, но тут же получал смоченную в виски тряпочку и снова погружался в сон. Младенец пьянствовал в течение двух с половиной суток. Трудно сказать, как запой повлиял на юный мозг и умственное развитие ребенка, но на обмен веществ алкоголь явно оказал благотворное действие, так как с тех пор Адам отличался железным здоровьем. По прошествии трех дней его папаша наконец выбрался из дома и купил козу. Малыш с жадностью набросился на молоко, его вырвало, но он все пил и пил, и приступы рвоты продолжались. Состояние младенца не вызвало тревоги у отца, так как его самого в это время выворачивало наизнанку.

Через месяц Сайрус присмотрел себе в жены семнадцатилетнюю дочь жившего по соседству фермера. Ухаживание было коротким и не оставляло места для романтических иллюзий. Никто не сомневался в честности его намерений, основанных на трезвом расчете. Отец девушки одобрил ухаживание, так как у него имелось еще две младших дочери, а Элис уже исполнилось семнадцать лет, и до сих пор никто не просил ее руки.

Сайрус нуждался в женщине, которая будет присматривать за Адамом, вести домашнее хозяйство и готовить еду, а прислуга стоила дорого. Кроме того, он был мужчиной сильным и темпераментным и не мог жить без женского тела, которое тоже обходится недешево, если не вступить с ним в законный брак. На сватовство, помолвку и венчание ушло две недели, по истечении которых Элис уже оказалась беременной. Соседи не видели в действиях Сайруса ничего предосудительного и не считали, что он слишком торопится, так как в то время мужчина в течение жизни успевал отправить на тот свет трех, а то и четырех жен, и никого это не удивляло.

Элис Траск обладала рядом неоценимых достоинств. Она была чистюлей и содержала дом в идеальном порядке. Красотой не блистала, и поэтому необходимость приглядывать за ней отпадала сама собой. Несмотря на водянистые глаза, землистый цвет лица и кривые зубы, она отличалась редкостным здоровьем и ни разу не пожаловалась во время беременности. Неиз-

вестно, испытывала ли она любовь к детям, потому что никто ее об этом не спрашивал, а Элис обычно молчала как рыба, пока не зададут вопрос. Сайрус расценивал это качество как главное достоинство жены. Она никогда не высказывала своего мнения, а если кто-нибудь из мужчин говорил, делала вид, что внимательно слушает, продолжая заниматься домашними делами.

Юность, неопытность и молчаливый характер Элис Траск оказались для Сайруса весьма ценным приобретением. Как и соседи, он продолжал вести хозяйство на ферме и в это же время нашел себе новое занятие – стал воином-ветераном. Бьющая ключом энергия, которая толкала его на разгульную жизнь, устремилась в другое русло и заставила работать мысль. За пределами Военного ведомства никто не знал о характере и продолжительности его службы, а деревянная нога служила красноречивым доказательством военного прошлого и гарантией, что его никогда не возьмут в армию. Немного робея, Сайрус принялся рассказывать Элис о кампаниях, в которых принимал участие, но по мере того как искусство рассказчика росло, описываемые сражения приобретали все более грандиозный размах. Поначалу он понимал, что бессовестно врет, но очень скоро и сам поверил в правдивость своих повествований. До службы в армии Сайрус не проявлял особого интереса к книгам на военную тему, а сейчас скупал их все, вчитывался в каждую сводку, подписался на нью-йоркские газеты и внимательно изучал карты. Раньше он имел весьма туманное представление о географии и совсем не разбирался в стратегии и тактике ведения боя, однако теперь стал настоящим авторитетом в этих вопросах. Он не только знал назубок названия всех сражений, походов и военных операций, но мог без запинки перечислить все подразделения, принимавшие в них участие, вплоть до названий полков, места их формирования и имен командиров. Повествуя о сражениях, Сайрус мало-помалу уверовал, что лично в них участвовал.

Метаморфозы произошли не вдруг, события развивались постепенно, а в это время Адам и его младший сводный брат потихоньку подрастали. Адам и Чарльз в почтительном молчании слушали рассказы отца, как тот или иной генерал составлял план сражения, где допустил ошибку и что следовало в действительности сделать во избежание печальных последствий. По словам Сайруса, он вовремя замечал каждый просчет полководцев и немедленно указывал на него Гранту и Маклеллану, упрасывая согласиться с его оценкой сложившейся ситуации. Раз за разом генералы отклоняли его советы, но впоследствии правота Сайруса неизменно подтверждалась.

И все же у Сайруса хватило ума не повышать себя в звании. Мудрое решение. Начав воинскую службу рядовым, он остался таковым до конца. Из рассказов Сайруса выходило, что он был самым вездесущим и легким на подъем рядовым за всю историю войн, которому нередко доводилось присутствовать одновременно в четырех разных местах. Однако он, действуя скорее всего бессознательно, никогда не рассказывал о разных сражениях в одном и том же повествовании. В глазах Элис и обоих сыновей он был простым рядовым солдатом, который гордится своим званием и не только принимал участие во всех значительных сражениях, но имел свободный доступ на заседания штаба и либо соглашался с генералами, либо оспаривал их решения.

Смерть Линкольна стала для Сайруса страшным ударом, и он на всю жизнь запомнил чувство безысходного горя, которое испытал, услышав печальную весть. Стоило кому-нибудь заговорить на эту тему, как глаза Сайруса застилала слезы, и хотя он сам ничего подобного не утверждал, создавалось стойкое впечатление, что рядовой Траск являлся одним из самых близких и душевных друзей Линкольна. Когда у мистера Линкольна возникало желание ознакомиться с положением дел в армии, под которой подразумевались закаленные в боях воины, а не напыщенные тупицы в золотых галунах, он неизменно обращался к рядовому Траску. Непонятно, каким образом Сайрису удалось убедить в этом окружающих, ведь он ни разу прямо не упомянул о близких отношениях с Линкольном, используя лишь туманные намеки и недомолвки, но можно назвать это ярчайшим примером торжества инсинуации. Никто не рискнул

бы назвать рядового Траска лжецом, потому что ложь прочно засела у него в голове, и даже чистая правда, порой срывающаяся с его уст, пахивала враньем.

Очень скоро он начал писать письма, а затем и статьи о недавно закончившейся войне, и его выводы звучали разумно и убедительно. Сайрус развивал свое мышление и в результате стал блестящим военным стратегом. Его критические замечания по поводу минувшей войны и нынешнего положения дел в армии попадали точно в цель, а статьи, появляющиеся в различных журналах, привлекали всеобщее внимание. Письма Сайруса в Военное ведомство тут же перепечатывались в газетах и оказывали существенное влияние на принятие решений по поводу проблем, имевших место в армии. Вполне вероятно, не набеги «Великая армия Республики»¹ такого большого политического веса, и не будь ее деятельность столь целенаправленной, Вашингтон не услышал бы голоса Сайруса, и его выступления не имели бы такого громкого резонанса. Однако с мнением человека, выступающего от имени организации, которая насчитывает почти миллион человек, приходится считаться. Именно таким оракулом в военных делах и стал Сайрус Траск. Случалось, с ним советовались по вопросам, касающимся структуры армии, вооружения, взаимоотношений между офицерами и кадрового состава. Осведомленность Сайруса в подобных делах не вызвала сомнений у тех, кому посчастливилось его услышать. Он обладал выдающимися способностями к военным наукам и, кроме того, являлся одним из тех людей, благодаря которым «ВАР» превратилась в сплоченную и влиятельную силу, оказывающую существенное влияние на жизнь страны. Сайрус сменил в организации несколько неоплачиваемых должностей, но потом занял оплачиваемый пост секретаря, который и занимал до конца своих дней. Он ездил по всей стране, посещая лагерные сборы и всевозможные собрания. Вот так протекала его общественная жизнь.

Новое увлечение Сайруса повлияло и на его частную жизнь. Будучи натурой увлеченной и беззаветно преданной избранному поприщу, он установил военный порядок в доме и на ферме и требовал от жены регулярных отчетов о хозяйственных делах. Вполне вероятно, Элис это устраивало, так как она по природе была немногословна и отдавала предпочтение лаконичным рапортам в армейском духе. Она занималась воспитанием мальчиков и домашними делами, а кроме того, приходилось рассчитывать и беречь силы, хотя об этом Элис не упоминала ни в одном из рапортов, которых требовал муж. Время от времени внезапно накатывал приступ слабости, и тогда приходилось садиться на ближайший стул и ждать, когда полегчает. По ночам она обливалась потом и прекрасно понимала, что больна чахоткой, о которой регулярно напоминал жестокий изнуряющий кашель.

Элис не знала, сколько еще протянет. Некоторые больные жили несколько лет, общих правил тут не существовало. Вероятно, она не решалась рассказать о недуге мужу, который изобретал собственные способы борьбы с болезнью, больше похожие на экзекуцию. Боль в животе лечилась ударной дозой слабительного, после которой человек только чудом оставался в живых. Признайся Элис супругу в недомогании, и Сайрус тут же приступил бы к лечению, способному угробить быстрее любой чахотки. Кроме того, по мере роста боевого духа мужа и перестройки домашнего быта на военный лад Элис быстро усвоила единственный способ, позволяющий выжить простому солдату. Она всеми силами старалась не привлекать внимания к своей персоне, не начинала разговор, пока к ней не обратятся, добросовестно выполняла свои обязанности, но никогда не проявляла инициативы и не стремилась получить повышение в звании. Одним словом, превратилась в неприметного рядового, пристроившегося в замыкающей шеренге. Такой образ жизни казался гораздо проще. Элис все больше уходила в тень, и в конце концов ее вообще перестали замечать.

¹ «Великая армия Республики» – Общество ветеранов Гражданской войны – северян; образовано в 1866 г. в Декейтере, шт. Иллинойс, для увековечения памяти погибших и оказания помощи их семьям. Было настолько влиятельным, что в течение почти 40 лет контролировало Республиканскую партию в северных штатах, где победа кандидатов на выборах зачастую зависела от поддержки этой организации. – Здесь и далее примеч. пер.

Зато сыновьям доставалось с лихвой. Сайрус решил, что, несмотря на все недостатки и несовершенство, армия является единственным достойным занятием для мужчины. Его удручало, что из-за деревянной ноги нельзя навсегда остаться солдатом, но для сыновей он не мыслит иного поприща, кроме военной карьеры. Сайрус считал, что службу в армии нужно начинать рядовым, как сделал он сам, и тогда узнаешь всю подноготную на собственном опыте, а не из учебников и чертежей. Он принялся обучать мальчиков приемам строевой подготовки, едва те начали ходить. Когда настало время идти в начальную школу, сыновья уже всюю маршрутировали сомкнутым строем, проклиная в душе ненавистную муштру. Отец не давал пощады и при выполнении очередного упражнения отбивал тростью ритм по деревянной ноге. Он отправлял их в длительные походы с тяжелыми, нагруженными камнями рюкзаками за спиной, укрепляя, таким образом, спину и плечи. Сайрус стремился сделать из сыновей метких стрелков и то и дело гонял их на тренировки в рощу за домом.

2

Когда ребенок впервые застаёт взрослого за неблагоприятным поступком или ловит на лжи и в его маленькую смышленную головку приходит понимание, что взрослые вовсе не обладают выдающимся умом, их суждения не всегда мудры, образ мыслей бывает неправильным, а приговоры несправедливыми, детскую душу охватывает отчаяние и смятение. Кумиры свергаются с пьедесталов, и чувство безопасности утрачивается. Что касается падения с пьедестала, то речь идет не о мягкой посадке, нет, низвергнутые кумиры либо разбиваются вдребезги, либо безнадежно вязнут в зловонной грязной жиже. Установить их на прежнее место стоит огромных трудов, и никогда больше они не обретут прежнего блеска и величия. Мир ребенка тоже не вернется к первозданному состоянию и не обретет прежней чистоты и цельности. Взрослеть в таких условиях мучительно больно.

Адам разоблачил отца, и дело не в том, что тот изменился. Другим стал сам Адам. Как любое здоровое живое существо, он ненавидел дисциплину и порядок, но их существование было оправданным, целесообразным и неизбежным, как корь, которую бессмысленно не принимать или проклинать, к ней можно испытывать только тихую бессильную ненависть. А потом в один прекрасный день Адама вдруг осенило, что методы, которых придерживается отец, не имеют ничего общего с окружающим миром и представляют важность лишь для самого Сайруса, и не важно, как к ним относятся окружающие. Бесконечная муштра и занятия военным делом придуманы не во благо сыновей и служат единственной цели – сделать Сайруса важным человеком. И тут внутренний голос снова подсказал Адаму, что на самом деле отец важным человеком не является. Обычный маленький человечек, но на редкость целеустремленный и обладающий огромной силой воли, нацелившийся на себя для пушного шика нарядный гусарский кивер, чтобы казаться повыше. Кто знает, как ребенок делает подобные открытия? Случайный взгляд, нечаянно всплывшая на поверхность ложь или минутная неуверенность? И вот уже в его глазах кумир свергнут с пьедестала.

Адам рос послушным ребенком. Все его существо противилось любому проявлению насилия, он ненавидел скандалы и напряженное молчание в доме, которое угнетает и давит хуже самой громкой ссоры. Мальчик стремился к спокойной жизни, не проявлял жестокости и всячески избегал конфликтов, а потому приходилось прятать свои чувства, так как в любом человеке в той или иной мере живет склонность к насилию. Он скрывал переживания, отгородившись непроницаемой завесой, и по безмятежному взгляду ясных глаз никто не догадывался, какая богатая и насыщенная жизнь бурлит за ней. Это не защищало от оскорблений и нападков, но помогало воспринимать их менее болезненно.

Сводный брат Чарльз, младше Адама немногим больше года, унаследовал отцовскую самоуверенность и напористость. Он родился спортсменом – от природы ловкий, с великолеп-

ной координацией и неумным желанием всегда одерживать победу, которое и способствует успеху в жизни.

Чарльз побеждал Адама во всех соревнованиях, независимо от того, требовалось ли там мастерство, физическая сила или сообразительность. Он выигрывал с такой легкостью, что вскоре утратил интерес к играм с братом и отправился искать достойных соперников в компании других детей. В результате между мальчиками возникла взаимная привязанность, больше похожая на любовь брата и сестры, чем на дружбу двух братьев. Чарльз дрался со всеми мальчишками, посмеявшись обидеть Адама, и, как правило, выходил победителем. Он защищал сводного брата от крутого нрава отца, всячески выгораживая его, и даже, случалось, брал вину на себя. Чарльз испытывал к Адаму особое чувство нежности, которую люди обычно питают к существам беззащитным, наподобие слепых щенков или новорожденных младенцев.

А Адам выглядел из-за завесы, скрывающей его мысли, и изучал окружающий мир и людей сквозь бездонные колодцы глаз. Вот взять хотя бы отца. Поначалу он казался грозным одноногим великаном, по праву занимающим пьедестал, чтобы маленькие глупые мальчишки чувствовали себя еще ничтожнее и в полной мере осознали собственную глупость. После низвержения с пьедестала Адам увидел в отце приставленного к нему с самого рождения жандарма, которого можно обмануть, обвести вокруг пальца, но возражать и вступать с ним в спор нельзя. В бездонных глазах-колодцах сводный брат Чарльз предстал сверкающим яркими красками существом удивительной породы, проворным и ловким, с сильными мускулами. Он словно явился из другого мира и вызывал такое же восхищение, как потягивающаяся с ленивой грацией грозная черная пантера, и никому не придет в голову сравнивать себя с ней. У Адама также никогда не возникало желания откровенничать с братом, поведать ему о своих чаяниях, неясных мечтах, замыслах и тайных радостях, скрывающихся по ту сторону глаз-колодцев. Все равно что изливать душу приглянувшемуся дереву или пролетающему над головой фазану. Общество Чарльза доставляло Адаму радость сродни той, что испытывает женщина, владеющая крупным бриллиантом. Он зависел от брата, как упомянутая владелица редкого бриллианта зависит от игры, блеска и цены своего сокровища, вселяющей чувство уверенности и надежности, но любовь, привязанность и способность сопереживать оставались выше его понимания.

По отношению к Элис Траск Адам испытывал тщательно скрываемую стыдливую нежность. Он знал, что Элис ему не родная мать, слышал это много раз. По тону, которым говорилось о посторонних вещах, мальчик понял, что когда-то у него была мать, которая совершила постыдный поступок. Наверное, забыла вовремя накормить и загнать в курятник кур или промахнулась, стреляя по мишени, установленной в роще. И из-за этой оплошности ее теперь здесь нет. Иногда Адаму приходило в голову, что если бы он знал, какой грех совершила мать, то без колебаний последовал бы ее примеру, только бы оказаться подальше от дома.

Элис с обоими мальчиками обращалась одинаково, кормила и следила, чтобы они ходили опрятными, а все остальное оставляла отцу, который ясно и недвусмысленно дал понять, что физическое и умственное воспитание детей является его исключительным правом. Даже хвалил и ругал детей только он сам. Элис никогда не жаловалась, не затевала ссор, ни разу не рассмеялась и не заплакала. С ее губ, привычно сомкнутых в тонкую линию, не сорвалось ни единого возражения или предложения сделать что-нибудь по-своему. Но однажды, когда Адам был еще совсем маленьким, он незаметно для Элис зашел на кухню. Мачеха штопала носки и улыбалась. Адам тихонько выскользнул из дома и побежал в рощу, где у него имелось тайное укрытие под одним из пней. Там он заполз в ямку между дающих надежную защиту корней.

Потрясение было так велико, будто он застал Элис без одежды. Из груди Адама вырывалось прерывистое дыхание. По сути дела, Элис действительно предстала перед ним обнаженной и беззащитной в тот момент, когда улыбалась. Как только она осмелилась на такую шалость?! И Адам страстно потянулся к ней всей душой, сам не понимая, что происходит. Тоска обез-

доленного сироты по материнской ласке, желание посидеть на мягких коленях, почувствовать нежные прикосновения любимых рук, прижаться к теплой груди с упругим соском и услышать голос, в котором звучат любовь и сочувствие. Все переживания слились в сладкое, щемящее душу чувство тревожного ожидания, но Адам не знал о существовании таких простых вещей, а как можно тосковать о том, с чем никогда не приходилось сталкиваться?

Разумеется, Адаму не раз приходило в голову, что он ошибся, поддался обману, созданному игрой света и теней. Тогда он снова восстанавливал запечатлевшуюся в памяти картину и ясно понимал, что у Элис улыбались не только губы, но и глаза. Значит, свет здесь ни при чем, и обмануться дважды нельзя.

С тех пор Адам стал следить за каждым шагом мачехи, как во время хитроумной игры, когда караулил сурков на холме. День за днем он часами вылеживал, припав к земле, и выжидал, когда старые пугливые сурки вынесут детенышей погреться на солнышке. Он тайно шпионил за Элис, наблюдая краешком глаза за ее поведением, и в очередной раз убеждался в своей правоте. Да, ошибки быть не могло.

Когда Элис оставалась одна и была уверена, что ее никто не видит, она давала волю фантазии и тихо улыбалась. Адам не переставал удивляться ее способности мгновенно стереть улыбку с лица и запрятать куда-то очень глубоко, как сурки прячут в норку беззащитных малышей.

Адам бережно хранил драгоценное открытие в сокровенных уголках души и намеревался каким-либо образом отблагодарить за полученную радость. Элис вдруг стала находить подарки наподобие пары гвоздик, яркого перышка из птичьего хвоста или кусочка зеленого сургуча в самых неожиданных местах: то в корзинке для рукоделия, то в потрепанной сумочке, то просто под подушкой. Поначалу находки пугали, но вскоре она привыкла, и когда обнаруживала очередной неожиданный дар, лицо на мгновение озарялось знакомой улыбкой, которая тут же гасла, подобно форели, которая, блеснув чешуей, исчезает в глубине пруда.

Больше всего кашель донимал Элис по ночам, такой громкий и надрывный, что Сайрусу в конце концов пришлось перевести жену в другую комнату, а иначе он не смыкал ночью глаз. Но он часто навещал Элис, прыгая босиком на одной ноге и придерживаясь за стену, чтобы не упасть. Мальчики слышали, как содрогается дом, когда отец скачет к кровати Элис, а потом возвращается назад.

Взрослеющий Адам больше всего на свете боялся дня, когда его заберут в армию, а отец при каждом удобном случае напоминал, что этот день не за горами. Ведь именно Адаму нужно пройти армейскую школу, чтобы стать настоящим мужчиной, потому что Чарльз и без этого уже успел им стать. Действительно, даже в свои пятнадцать лет Чарльз был взрослым мужчиной, с которым опасно связываться, а ведь Адаму уже исполнилось шестнадцать.

3

С годами привязанность между братьями росла. Пожалуй, Чарльз относился к Адаму с некоторым пренебрежением, но за ним скрывалось желание защитить. Однажды вечером мальчики играли во дворе перед домом в новую игру «чижик». Маленький колышек кладется на землю, и играющий ударяет по одному концу битой. Колышек взлетает в воздух, и в это время его нужно отбить как можно дальше.

Адам не отличался особой ловкостью в играх, но на сей раз, по счастливой случайности, умудрился обыграть брата. Четыре раза подряд он отбил колышек дальше, чем Чарльз. Чувство одержанной победы было новым и необычным, и, опьянев от радости, Адам перестал следить за настроением брата, как привык делать. Он отбил колышек в пятый раз, и тот, жужжа, словно пчела, улетел далеко в поле. Адам повернул счастливое лицо к брату и застыл на месте, будто внутри что-то оборвалось. Злоба, исказившая лицо Чарльза, пугала.

– Все вышло случайно, – смущенно пролепетал Адам. – Больше мне этого ни в жизнь не повторить.

Чарльз положил колышек на землю, ударил битой, и когда тот взлетел вверх, размахнулся еще раз – и промазал. Он медленно двинулся на Адама, буравя его пустыми холодными глазами. Адам в ужасе попятился. Повернуться и броситься наутек не хватило смелости, так как Чарльзу ничего не стоило его догнать. Он медленно отступал, чувствуя, как все внутри сжимается от страха, и тщетно пытаясь проглотить застрявший в горле комок. Чарльз подошел совсем близко и ударил брата битой по лицу. Адам зажал руками разбитый нос, из которого хлынула кровь, а Чарльз снова замахнулся и с такой силой ударил по ребрам, что едва не вышиб из него дух, а потом огрел по голове и сбил с ног. Адам без чувств упал на землю, а Чарльз изо всей силы пнул его в живот и ушел.

Через некоторое время Адам пришел в себя. Грудь болела, дышалось с трудом. Он попытался сесть и снова упал от пронзившей живот боли. Юноша заметил в окне Элис. Никогда прежде не видел он на лице мачехи такого выражения. Адам не мог определить, что оно означает. Ни следа обычной покорности и мягкости. Скорее ненависть. Элис поймала его взгляд, задернула занавеску и отошла от окна. Адам с трудом поднялся на ноги и, согнувшись, пошел на кухню, где его уже ждали таз с горячей водой и чистое полотенце. В соседней комнате надрывно кашляла мачеха.

Чарльз обладал замечательной способностью никогда не чувствовать за собой вины, что бы ни случилось. Он ни словом не обмолвился об избиении брата и, похоже, даже не вспомнил об этом происшествии. Однако Адам приложил все усилия, чтобы больше никогда и ни в чем не превосходить Чарльза. Исходящую от брата угрозу он чувствовал всегда, но сейчас ясно осознал, что выигрывать у него ни в коем случае нельзя, разве только чтобы потом убить Чарльза. А Чарльз не мучился угрызениями совести, он просто нашел самый простой способ выплеснуть переполнявшие его чувства.

Чарльз не рассказывал отцу об избиении, Адам тоже хранил молчание, не говоря уже об Элис. Однако Сайрус каким-то образом обо всем узнал. В последующие месяцы он обходился с Адамом на удивление мягко, разговаривал ласковее обычного и больше не наказывал. Почти каждый вечер он вел с Адамом нравоучительные беседы, но без прежней неистовости и жестокости. Доброта отца пугала Адама гораздо больше привычной суровости, и юноше казалось, что его собираются принести в жертву и напоследок перед закланием окружают заботой и лаской. Именно так ублажали людей, предназначенных в жертву богам, чтобы они с радостью вошли на жертвенный алтарь, а не гневили богов унылым видом.

Сайрус терпеливо посвящал Адама в тонкости солдатской службы, и хотя его познания основывались больше на теории, а не на личном опыте, он хорошо разбирался в вопросе и рассказ получался толковым. Он поведал сыну о печальной, но в высшей степени достойной судьбе солдата, о необходимости его существования по причине грехов, в которых погрязло человечество. По словам Сайруса, солдат несет в себе кару за моральное несовершенство людей. Похоже, в процессе рассказа Сайрус открывал многое и для себя, так как из его речей исчез урапатриотизм и неумная воинственность прежних лет. Он считал, что от солдата не случайно требуют полного повиновения и покорности. Тогда и в роковой час он безропотно пойдет на бессмысленную омерзительную смерть, проявив смирение в последний раз. Сайрус беседовал с Адамом наедине, не разрешая Чарльзу присутствовать во время их разговоров.

Однажды ближе к вечеру Сайрус взял Адама на прогулку и обрушил на сына шквал мрачных умозаключений, сделанных за долгие годы размышлений и научных изысканий, которые подняли в душе юноши волну кромешного ужаса.

– Ты должен уяснить, – нравоучительным тоном начал Сайрус, – что из всех людей на белом свете солдат является самым безгрешным, так как на его долю выпадают наиболее тяжкие испытания. Попробую объяснить понятнее. Посуди сам, во все времена людей учили, что

убийство себе подобных является непростительным злом. Любого человека, совершившего убийство, следует предать смерти, так как это великий грех, возможно, самый страшный из всех, что есть на свете. И вот мы призываем солдата, вкладываем ему в руки орудие убийства и говорим: «Пользуйся им на свое усмотрение, по-хозяйски». Мы не контролируем его действия и никак не сдерживаем. Иди, убивай себе подобных существ из другого рода-племени, чем больше, тем лучше. А уж мы тебя вознаградим за нарушение заповеди, которую учили соблюдать с детства.

Адам облизнул пересохшие губы, намереваясь задать отцу вопрос, но сумел это сделать только со второй попытки:

– Но почему они так поступают? Почему все так устроено?

Слова сына тронули Сайруса до глубины души, и он заговорил тоном, которого Адам от него прежде не слышал.

– Не знаю, – честно признался Сайрус. – Я многое изучил и, возможно, понял, как устроен мир, но не имею ни малейшего представления, почему происходит так, а не иначе. И тебе не следует ждать от людей понимания того, что они совершают. Ведь многое делается бессознательно, так же как пчела производит мед или лиса обмакивает лапы в ручье, чтобы сбить со следа собак. Разве лиса может объяснить свое поведение или пчела помнит о прошедшей зиме и ждет наступления следующей? Когда я понял, что ты должен идти в армию, то решил положиться на волю случая и дать тебе возможность до всего дойти самому. Но потом подумал, а не лучше ли попробовать тебя защитить и поделиться немногими знаниями, которые у меня имеются. Теперь уже совсем скоро. Ведь ты достиг нужного возраста.

– Не хочу, – выдохнул Адам.

– Уже совсем скоро, – повторил отец, словно не расслышав его слов. – Хочу заранее предупредить, чтобы потом не удивлялся. Сначала с тебя сдерут всю одежду, но этим не ограничатся. Тебе не оставят ни капли чувства собственного достоинства, и ты утратишь естественное право жить по своему усмотрению, как ты его понимаешь. Заставят есть, спать и справлять нужду рядом с другими людьми, а когда снова оденут, ты не сможешь отличить себя от остальных. Нельзя даже повесить на грудь какой-нибудь значок, чтобы выделиться из толпы.

– Не хочу так жить, – заявил Адам.

– Через некоторое время, – продолжил Сайрус, – ты станешь думать и говорить, как все остальные, и поступать так же, как они. В любом отступлении от общих правил почувствуешь угрозу для всей толпы одинаково мыслящих и одинаково действующих людей.

– А если я не соглашусь?

– Да, иногда случается и такое. Время от времени находятся люди, которые не желают выполнять то, что от них требуют. И знаешь, что тогда случается? Вся огромная машина направляет свои усилия на равнодушное и планомерное уничтожение этой непохожести. Твою душу, нервы, тело и разум будут сечь железными прутьями, пока не выбьют опасное инакомыслие. А если все-таки не покоришься, тебя просто изрыгнут и оставят умереть на обочине, уже не частицу армии, но и не освободившегося от нее человека. С армией лучше не спорить, она действует так в целях самозащиты. Такая потрясающе бессмысленная и лишенная всякой логики машина, как армия, не может допустить сомнений, которые ослабят ее ряды. Однако если отбросить в сторону ненужные сравнения и издевательские насмешки, то медленно, но верно приходишь к выводу, что в армии имеются свой резон, логика и даже некая пугающая прелесть. Человек, который не принимает существующую в армии систему, совсем не хуже, а порой и лучше других. Слушай хорошенько, потому что я долго над этим размышлял. Некоторые, окунувшись в наводящую тоску рутину солдатской службы, быстро сдаются и теряют индивидуальность, но такие и прежде ничего путного собой не представляли. Может, и ты из их числа. Но есть и другие, они тоже погружаются с головой в общее болото, а потом всплывают на поверхность более цельными натурами, чем были раньше, потому что... потому что изба-

вились от мелочного тщеславия и приобрели неоценимое сокровище, став единым целым со своей ротой или полком. Если падаешь так низко, то сумеешь и подняться на высоту, о которой не мечтал, и познаешь святое счастье дружбы, сродни общению с небесными ангелами. И вот тогда ты сможешь узнать, чего стоит любой человек, даже если он молчит. Но достигнуть этого можно, лишь опустившись на самое дно.

По дороге домой Сайрус свернул влево и направился в рощу. Уже смеркалось.

– Видите тот пенек, отец? – сказал вдруг Адам. – Я часто прятался между корней с той стороны, когда вы меня наказывали или если было просто паршиво на душе.

– Пойдем посмотрим, – предложил отец, и Адам подвел его к пню. Сайрус взглянул на углубление между корнями, похожее на гнездо. – Я давно знаю об этом тайнике, – признался он. – Однажды, когда ты пропадал слишком долго, я догадался, что у тебя есть тайное убежище, и вскоре нашел его. Сердцем чувствовал, какое место ты для него выберешь. Видишь, как притоптана земля и вокруг оборвана трава? Когда ты тут скрывался, то сдирает кору и разламывал ее на кусочки. Я сразу понял, что это здесь.

Адам с изумлением уставился на отца:

– Но вы ни разу не пришли сюда за мной.

– Да, – согласился Сайрус. – А зачем? Так можно любого довести до крайности, но я на это не пошел. Перед смертью человеку всегда нужно оставить хотя бы один путь к спасению. Запомни мои слова! Думаю, я и сам понимал, как жестоко с тобой обошелся, и не хотел подталкивать к последней черте.

Отец и сын быстрым шагом шли через рощу.

– Хочется столько тебе рассказать, – признался Сайрус. – Потом я все забуду. Так вот, солдат жертвует многим, чтобы получить взамен нечто очень ценное, и ты должен это понять. Со дня появления на свет сама обстановка, существующие в природе законы и правила общения людей учат ребенка защищать свою жизнь. Поначалу им движет великий первобытный инстинкт самосохранения, и все вокруг подтверждает его непреложность. Но вот он становится солдатом, и теперь надо научиться нарушать законы, которые каждый обязан чтить. Солдат должен спокойно, без суеты, освоить науку быть готовым в любую минуту расстаться с жизнью и при этом не свихнуться. И если он ей овладеет, то в награду получит самый бесценный в мире дар. Правда, не каждому это по силам. Послушай, сынок, – с серьезным видом продолжил Сайрус, и в его голосе слышалась неподдельная искренность, – почти все люди испытывают страх и сами не знают, что является его причиной: расплывчатые тени, неизвестность, бесчисленные опасности, которым нет названия, или ужас перед безликой, неумолимой смертью. Но если хватит мужества встретиться лицом к лицу не с безымянной тенью, а настоящей смертью, которую легко узнать, будь она от пули или сабли, стрелы или копья, страх навсегда исчезнет. По крайней мере тот, что не давал покоя раньше. И вот тогда ты действительно будешь выделяться среди толпы, оставаясь спокойным, когда другие трясутся и вопят от страха. И это великая и, возможно, единственная награда. Чистота высочайшей пробы, к которой не пристаёт плавающее вокруг дерьмо. Однако уже стемнело. Продолжим разговор завтра вечером, чтобы у нас обоих было время подумать над моими словами.

– Почему вы не ведете таких бесед с братом? – недоуменно спросил Адам. – Пусть Чарльз идет в армию, такая жизнь подходит ему гораздо больше, чем мне.

– Чарльз в армию не пойдет, – отрезал Сайрус. – Бессмысленная затея.

– Но из него получился бы отличный солдат.

– Только с виду, – возразил Сайрус. – Внутри он останется прежним. Чарльзу не знаком страх, а потому он никогда не поймет, что представляет собой настоящее мужество. Он ничего не видит, кроме себя, и не в состоянии осмыслить то, что я попытался тебе объяснить. Отдать Чарльза в армию – значит выпустить на волю все самое худшее и опасное, что в нем живет и что следует держать в узде. Нет, слишком рискованно, и я на это не пойду.

– Вы никогда не наказываете Чарльза, – обиделся Адам. – Разрешаете делать все, что ему вздумается, и только хвалите. Ни разу не отругали. А теперь еще он и в армию не пойдет.

Он испугался своих слов и остановился, ожидая, что отец обрушит на него свой гнев или презрение, а то и поколотит.

Сайрус молча вышел из роци с низко опущенной, свисающей на грудь головой. Он переступал со здоровой ноги на деревянную, которая монотонно постукивала по земле. Перед каждым шагом вперед деревяшка уходила в сторону, описывая полукруг.

Уже совсем стемнело, и из открытой двери кухни струился золотистый свет. Элис стояла в дверном проеме, вглядываясь в темноту, но, услышав неровные шаги, ушла на кухню.

Подойдя к крыльцу, Сайрус остановился и поднял голову.

– Ты где? – обратился он к сыну.

– Здесь, у вас за спиной.

– Ты задал вопрос, и думаю, на него надо ответить. Правда, я не уверен, стоит ли это делать. Ты не блещешь умом, не знаешь, чего хочешь, и позволяешь людям издеваться над собой. Порой мне кажется, что ты просто слабак и всю жизнь просидишь в куче дерьма. Я ответил на твой вопрос? Но я всегда любил тебя больше Чарльза. Наверное, не стоило так говорить, но это правда. Да, тебя я люблю больше. А иначе зачем бы я стремился причинить тебе боль? Ну, хватит стоять, разинув рот. Иди ужинать, а завтра поговорим. У меня разболелась нога.

4

Ужин прошел в молчании, которое нарушали хлюпанье супа и хруст жующих челюстей, да еще отец время от времени взмахивал рукой, отгоняя ночных бабочек от керосиновой лампы. Адаму казалось, что брат исподтишка за ним наблюдает, а когда он вдруг поднял глаза, то поймал на себе взгляд Элис. Закончив трапезу, Адам отодвинул стул и заявил:

– Пожалуй, пойду прогуляюсь.

– И я с тобой. – Чарльз тоже поднялся с места.

Элис и Сайрус проводили их взглядом, и Элис, явно нервничая, обратилась к мужу с вопросом, что случилось крайне редко:

– Что ты натворил?

– Ничего, – откликнулся Сайрус.

– Заставишь его пойти в армию?

– Да.

– А он знает?

Сайрус с мрачным видом уставился в темноту за дверью.

– Знает.

– Ему там будет тяжело. Армия не для таких людей, как он.

– Не важно, – буркнул Сайрус и уже громче повторил: – Не важно. – Судя по тону, он хотел сказать: «Заткнись и не лезь не в свое дело». Некоторое время они сидели молча, а потом он с виноватым видом добавил: – Ведь Адам не твой сын.

Элис в ответ промолчала.

Мальчики шли по изрытой колеями дороге. Впереди виднелись редкие огоньки поселка.

– Что, хочешь заглянуть на постоянный двор и выпить? – предположил Чарльз.

– Да мне и в голову не приходило, – признался Адам.

– Тогда какого черта ты на ночь глядя потащился на прогулку?

– Тебя никто не просил идти со мной, – откликнулся Адам.

Чарльз придвинулся к брату:

– Что он тебе рассказывал днем? Я видел вас вместе. Что он сказал?

– Да просто говорил об армии, как всегда.

– Что-то не похоже. – Чарльз с подозрением посмотрел на брата. – Я видел, как он к тебе наклонился. Он так разговаривает с приятелями. Понимаешь, не рассказывает, а беседует по душам.

– Он просто рассказывал, – терпеливо повторил Адам, стараясь дышать ровно, так как внутри шевельнулся страх и противно засосало под ложечкой. Он сделал глубокий вдох и задержал дыхание, пытаясь с ним справиться.

– И что же он рассказывал? – настаивал Чарльз.

– Про армию и солдатскую жизнь.

– Не верю, – не унимался младший брат. – Лживая тварь! Что ты скрываешь?

– Ничего, – совсем растерялся Адам.

– Твоя сумасшедшая мамочка утопилась! – грубо выкрикнул в лицо брату Чарльз. – Наверное, посмотрев на тебя. Тут любой на себя руки наложит.

Адам тихо выдохнул скопившийся в груди воздух, стараясь подавить гнетущий страх, и промолчал.

– Ты пытаешься отнять у меня отца! – орал Чарльз. – Не знаю, как тебе это удастся. Сам-то соображаешь, что творишь?!

– Ничего я не творю, – прошептал Адам.

Чарльз в один прыжок перегородил Адаму путь, и тому пришлось остановиться. Братья стояли лицом к лицу, почти касаясь друг друга, и тут Адам осторожно попятился, будто увидел змею.

– А помнишь его день рождения? – продолжал возмущаться Чарльз. – Я купил ему немецкий нож за семьдесят пять центов – три лезвия, отвертка и перламутровая рукоятка. Ну и где тот нож? Ты когда-нибудь видел, чтобы отец им пользовался? Может, он отдал нож тебе? Даже ни разу его не наточил! Может, он сейчас у тебя в кармане? Интересно, куда отец подевал нож? А мне только буркнул «спасибо». И все. С тех пор я так и не видел немецкого ножика с перламутровой рукояткой за семьдесят пять центов!

В голосе Чарльза слышался гнев, и Адам почувствовал, как по спине ползет холодок, но он знал, что в запасе еще есть немного времени. Много раз он наблюдал за разрушительной машиной, в которую превращается брат, сокрушая все на своем пути. Сначала вырывается наружу неудержимая ярость, а ей на смену приходят холодное спокойствие, пустой взгляд и довольная улыбка, играющая на губах. Криков больше не слышно, только шепот. Вот тогда-то машина настраивается на убийство, хладнокровное и рассчитанное до мелочей, когда кулаки наносят умелые и точные удары. Адам судорожно сглотнул слюну, чтобы смочить пересохшее горло. Он не мог подобрать подходящих слов, чтобы урезонить брата, потому что в гневе Чарльз никого не слушал, а вернее, вообще утрачивал способность слышать. В темноте фигура Чарльза казалась ниже ростом, более массивной и широкой в плечах, но он еще не пригнулся, готовясь к решающему прыжку. При свете звезд губы Чарльза влажно блестели, но улыбка на них не играла, а в голосе по-прежнему звучала ярость.

– Что ты подарил отцу на день рождения? Думаешь, я не видел? Может, раскошелился на семьдесят пять или хотя бы пятьдесят центов? Нет, ты принес щенка-дворняжку, которого нашел в роще. Потом еще смеялся, как последний дурак, и говорил, что из него выйдет отличная охотничья собака. Эта псина спит у отца в комнате, он с ней играет и гладит, когда читает. Обучил дворнягу разным штучкам. А куда подевался мой ножик? «Спасибо» – вот и все, что мне досталось.

Чарльз перешел на шепот и пригнулся.

Адам, в отчаянной попытке спастись, отскочил назад, закрывая руками лицо. Каждое движение его брата было точно рассчитано, а ноги твердо стояли на земле. Он выбросил вперед руку, примеряясь к удару, а потом началось безжалостное, хладнокровное избиение. Мощный удар в живот – и руки Адама бессильно повисли как плети. Затем последовали четыре удара по

голове, и Адам услышал, как что-то хрустнуло в носу. Он снова поднял руки и тут же получил удар в грудь. Все это время Адам не сводил с брата растерянного, обреченного взгляда, каким приговоренная к смерти жертва смотрит на палача.

Вдруг, сам того не ожидая, он взметнул кулак вверх, нанося наугад неумелый удар, растворившийся в пустоте. Чарльз быстро наклонился и ловко поднырнул под руку брата, которая в следующее мгновение беспомощно обвилась вокруг его шеи. Адам обнял Чарльза и с рыданиями прижался к нему теснее. Он чувствовал, как кулаки молотят по животу и к горлу подкатывает рвота, но рук не отпускал. Время словно замедлило свой бег. Чарльз пытался коленом раздвинуть ему ноги, а когда это удалось, нанес сильный удар в пах, и дикая боль белой молнией обожгла все тело. Адам разомкнул руки и согнулся вдвое. У него началась рвота, но это не остановило хладнокровного убийцу.

Град ударов сыпался на голову, лицо, глаза. Кожа на разбитых губах болталась лоскутами, застревающая между зубов, но Адам потерял чувствительность, будто на него надели непробиваемый резиновый чехол. В мозгу тупо свербела мысль: почему до сих пор не подкосились колени и сознание остается ясным? Удары обрушивались один за другим, и Адам слышал частое, прерывистое, как у молотобойца, дыхание брата. В тусклом свете звезд, сквозь пелену смешанных с кровью слез, он видел лицо Чарльза. Простодушный, ничего не выражающий взгляд, легкая улыбка на влажных губах. Вдруг полумрак прорезала яркая вспышка света, и все погрузилось в темноту.

Чарльз постоял над братом, жадно хватая ртом воздух, словно выбившаяся из сил собака, а потом направился к дому, потирая на ходу разбитые костяшки пальцев.

Сознание вернулось к Адаму быстро, и в то же мгновение он испытал смертельный страх. В разламывающейся от боли голове стоял туман, а тело отяжелело от побоев. На дороге слышались торопливые шаги, и он мгновенно забыл о боли. На него накатился животный страх вперемешку со свирепой злобой, как у загнанной в угол крысы. Адам приподнялся на четвереньки и сполз на обочину, в сточную канаву, по краям которой росла высокая трава. Адам осторожно заполз в воду глубиной примерно на фут, стараясь ни единым всплеском не выдать своего присутствия.

Шаги приближались, прошли то место, где укрылся Адам, но потом вернулись. Из своего убежища Адам мог различить только черное пятно на фоне непроглядной ночи. Вот чиркнула спичка, и в слабом свете дрожащего синего огонька он рассмотрел карикатурно искаженное лицо брата. Чарльз поднял спичку повыше, осмотрелся по сторонам, и тут Адам заметил у него в правой руке небольшой топорик.

Спичка погасла, и ночь показалась еще чернее, чем прежде. Чарльз прошел вперед и зажег еще одну спичку, а потом еще одну. Он пытался найти на дороге следы брата, но вскоре бросил эту затею, размахнувшись, зашвырнул топорик в поле и быстро пошел прочь, туда, где тусклым светом мерцали огни городка.

Адам еще долго лежал в холодной воде, размышляя над тем, что сейчас испытывает брат, когда гнев постепенно угасает: панический ужас, раскаяние, угрызения совести или вообще ничего? Все эти чувства Адам переживал вместо брата. Связанный с Чарльзом невидимыми узами, он страдал за его грехи, как в те времена, когда взваливал на себя чужие обязанности и делал за него домашнее задание.

Адам выполз из канавы и поднялся на ноги. От страшных побоев тело задеревенело, а кровь на лице засохла коркой. Он решил подождать на улице, пока отец и Элис улягутся спать. Адам все равно не сможет ответить на их вопросы, так как просто не знает, что сказать, а изворачиваться в поисках правдоподобной лжи воспаленный мозг не в состоянии. Сознание снова стал завлакивать туман, перед глазами забегали синие огоньки, и Адам понял, что сейчас снова упадет без чувств.

Широко расставив ноги, он медленно плелся по дороге. Подойдя к крыльцу, Адам остановился и заглянул внутрь. Подвешенная на потолке лампа отбрасывала желтый круг света, который падал на Элис и стоящую на столе корзинку для шитья. Отец сидел напротив и грыз деревянную ручку. Время от времени он обмакивал ручку в чернильницу и делал какие-то записи в своем журнале в черном переплете.

Элис подняла глаза и увидела перепачканное кровью лицо Адама. Она в испуге поднесла руку ко рту, прикусив пальцы.

Адам с трудом всполз на первую ступеньку, потом на следующую и прислонился к дверному косяку.

Сайрус тоже поднял голову и посмотрел на сына с равнодушным любопытством, постепенно осознавая, кто перед ним стоит. С озадаченным видом он поднялся с места, положил ручку в чернильницу и вытер руки о штаны.

– За что он тебя так? – тихо спросил Сайрус.

Адам хотел ответить, но во рту пересохло, и язык не хотел слушаться. Он облизнул губы, и изо рта снова пошла кровь.

– Не знаю, – выдавил Адам.

Стуча по полу деревянной ногой, Сайрус подошел к сыну и с такой силой ухватил его за плечи, что тот передернулся от боли и попытался освободиться от отцовских объятий.

– Не смей врать! В чем причина? Вы что, поссорились?

– Нет.

– Рассказывай! – рявкнул Сайрус, выворачивая Адаму руку. – Я хочу знать правду и заставлю тебя говорить! Черт побери, ты всегда его защищаешь! Думаешь, я не знаю? Неужели надеялся меня одурачить?! А теперь давай, рассказывай, а иначе заставлю простоять здесь всю ночь!

Адам лихорадочно подыскивал слова для ответа.

– Он думает, что вы его не любите.

Сайрус отпустил руку сына и, доковыляв до стула, сел. Поболтал ручкой в чернильнице, уставившись невидящим взглядом в журнал.

– Элис, помоги Адаму добраться до кровати. Рубашку, полагаю, придется разрезать. Помоги ему.

Сайрус снова встал и направился в угол, где на вбитых в стену гвоздях висела верхняя одежда, нащупал под ним дробовик, удостоверился, что ружье заряжено, и, хромая, вышел на улицу.

Элис подняла руку, будто желая удержать мужа с помощью невидимой веревки, но веревка оборвалась, а лицо приняло непроницаемое выражение.

– Ступай в свою комнату, – обратилась она к Адаму. – Я принесу таз с водой.

Адам лежал на кровати, укрытый по пояс простыней, а Элис обмывала раны смоченным в теплой воде платком. Долгое время она молчала, а потом вдруг закончила предложение, которое не успел договорить Адам:

– Он думает, отец его не любит, но ты-то его любишь и любил всегда.

Адам ничего не ответил.

– Он странный мальчик, – снова заговорила Элис. – Нужно его понять. Вся грубость и злоба – это напускное, пока не узнаешь его хорошенько. – Она замолчала и, склонившись, закашлялась. Вскоре приступ прошел, но он отнял у Элис силы, и на щеках зардели два ярких пятна. – Нужно его понять, – повторила мачеха. – Вот уже долгое время он делает мне маленькие подарки, прелестные вещицы, которые мальчишки обычно и не замечают. И он не отдает подарки мне в руки, а прячет там, где я их непременно найду. Можно наблюдать за ним часами, но он ничем себя не выдаст. Нет, надо его понять.

Глава 4

1

А Чарльз в это время опирался о стойку бара в местном питейном заведении и радостно смеялся над забавными рассказами остановившихся на ночь коммивояжеров. Он извлек из кармана кисет, где позвякивало несколько серебряных монет, и заказал им выпивку, чтобы коммивояжеры рассказали еще что-нибудь. Он ухмылялся, потирая разбитые костяшки пальцев. Приняв угощение, коммивояжеры подняли бокалы и выпили за здоровье Чарльза, который пришел в полный восторг. Он снова заказал выпивку для новых друзей, а потом отправился вместе с ними искать приключений в другом славном местечке.

Выйдя на улицу, Сайрус тяжело заковылял в непроглядную тьму. Душу переполнял бешеный гнев на сына. Не обнаружив следов Чарльза на дороге, он направился в трактир, но сын уже оттуда ушел. Найди отец Чарльза той ночью, он, вероятно, его убил бы или избил до полу-смерти. Любой судьбоносный поступок меняет ход истории, однако вполне вероятно, что в определенной степени это присуще всем событиям вообще, вплоть до самых незначительных, когда, например, наступаешь на камень, валяющийся на дороге, с замиранием сердца смотришь на прелестную девушку или нечаянно ломаешь ноготь, работая в саду.

Разумеется, Чарльзу вскоре донесли, что отец охотится за ним с дробовиком, и парень на две недели исчез, а когда в конце концов вернулся домой, об убийстве не было и речи. Сайрус выплеснул на Чарльза обычную порцию гнева и в виде наказания нагрузил работой, а сын с лицемерным видом демонстрировал покорность отцовской воле.

Адам провел в постели четыре дня. Любое движение причиняло нестерпимую боль, и время от времени он жалобно стонал. На третий день отец на деле подтвердил влияние, которым он пользуется в военных кругах, потешив тем самым свое самолюбие и наградив Адама за страдания. В спальню больного зашел кавалерийский капитан в сопровождении двух сержантов в синих парадных мундирах. Во дворе ждали два солдата, которые держали под уздцы лошадей. Прямо в постели Адама зачислили в армию рядовым кавалеристом. В присутствии отца и Элис он подписал Военный кодекс и принял присягу. На глазах у Сайруса блестели слезы.

После ухода военных отец долго сидел у постели Адама.

– Я не зря записал тебя в кавалерию, – признался Сайрус. – От долгого сидения в казарме мало радости, а кавалерия занимается настоящим делом. Уж я-то знаю. Тебе придется по душе походы в земли индейцев. Скоро начнется большая работа. Не имею права говорить, откуда мне известно, но грядет война.

– Да, отец, – откликнулся Адам.

2

Меня всегда удивляло, что в армию, как правило, попадают люди подобные Адаму. Ему совсем не нравилось воевать, и, в отличие от многих других, он так и не полюбил солдатскую службу, испытывая все большее отвращение к насилию. Офицеры не раз присматривались к Адаму, пытаясь уличить его в пренебрежении служебными обязанностями, но повода для обвинений не находилось. За пять лет воинской службы Адам перешеголял по количеству нарядов всех солдат в эскадроне, но если от его руки и пал хоть один противник, то произошло это по чистой случайности, или пуля попала рикошетом. Будучи метким стрелком, он на удивление часто промахивался. К тому времени война с индейцами походила на полный опас-

ности перегон скота на новое место. Индейские племена подстрекали к мятежу, прогоняли с исконных территорий и безжалостно уничтожали, а те, кому удалось выжить, с угрюмой безнадежностью оседали на бесплодных землях. Работа не слишком приятная, но, принимая во внимание путь развития, который избрала страна, выполнить ее было необходимо.

Адам являлся инструментом в чужих руках и видел не фермы, которые появятся на отвоєванных территориях, а вспоротые животы сильных здоровых людей. Зрелище вызывало омерзение и поражало бессмысленностью. Осознанно стреляя мимо цели, он совершал предательство по отношению к боевым товарищам, но угрызений совести не испытывал. Неприятие насилия крепло с каждым днем, пока не переросло в предрассудок, который, как любой другой, отупляет и препятствует работе мысли. Адам отрицал насилие как таковое, и не важно, над кем и с какой целью оно совершалось. Болезненная чувствительность – а иначе такое состояние и не назовешь – завладела всем его существом, напрочь вытеснив способность здраво рассуждать. Однако в армейской характеристике ни слова не говорилось о проявленной Адамом трусости. Напротив, ему трижды объявляли благодарность, а впоследствии и наградили за отвагу.

Соппротивление насилию крепло, и Адам, следуя зову сердца, ударился в другую крайность. Много раз он подвергал риску свою жизнь, вынося с поля боя раненых, и в свободное от службы время добровольно работал в полевых госпиталях, невзирая на смертельную усталость. Товарищи смотрели на него со снисходительной симпатией и скрытым страхом, свойственным людям при виде душевных порывов, которые им не дано понять.

Чарльз регулярно писал брату, сообщая новости о жизни на ферме и в городке, о напавшей на коров болезни, родившемся у кобылы жеребенке, пастбищах, что добавились к их угольям, и о сгоревшем от удара молнии амбаре. Сообщил, что Элис умерла от чахотки, а отец получил оплачиваемую должность в «Великой армии Республики» и переехал в Вашингтон. Как часто бывает, Чарльз, не умеющий красиво выразить словами свою мысль, писал на удивление складно, доверяя бумаге свое одиночество, тревоги и сомнения, а также многое другое, о чем сам не подозревал.

За время своего отсутствия Адам узнал брата гораздо лучше, чем до армии и после возвращения. Благодаря переписке между братьями установилась близость, о которой ни один из них даже не мечтал. Одно письмо Адам хранил особенно бережно. На первый взгляд все в нем было понятно, и все же он усмотрел в послании брата тайный смысл, докопаться до которого не мог.

Дорогой брат Адам! Пишу в надежде, что ты пребываешь в добром здравии. – Чарльз всегда начинал письмо одной и той же фразой, чтобы потом было легче перейти к сути. – Я пока не получил ответа на последнее письмо, но думаю, у тебя и так дел по горло (ха-ха!). Дожди пошли некстати, и яблоневоый цвет погиб, так что яблоч на зиму не запasti. Но постараюсь хоть что-то сберечь. Сегодня занимался уборкой. Теперь все в доме мокрое и в мыле, но чище, похоже, не стало. Интересно, как это у матери все блестело и сияло? Мне так не сумеет. Повсюду какая-то липкая гадость, не знаю, откуда она берется, но отскоблить невозможно. Ну да ладно, по крайней мере я равномерно размазал грязь по дому (ха-ха!).

Отец писал тебе о поездке? Отправился аж в Сан-Франциско, в Калифорнию, на слет «Великой армии Республики». Туда же приедет и военный министр. Отец должен его представить. Теперь-то ему это раз плюнуть! Он уже раза три или четыре встречался с президентом и даже ужинал в Белом доме. И мне хотелось бы взглянуть на Белый дом. Может, съездим на пару, когда вернешься домой? Отец приютит нас на несколько дней, и потом, он все равно захочет с тобой повидаться.

Думаю, мне нужно подыскать жену. Ферма наша хорошая, и пусть я сам не слишком удачное приобретение, ни одна девушка не откажется стать на ней хозяйкой. Как думаешь? Ты не говорил, собираешься ли вернуться домой после армии. Надеюсь, так и будет. Скучаю.

Здесь письмо обрывалось. На листке виднелись царапины и большая клякса, а дописали его уже карандашом, но тон был уже совсем другим.

В приписке карандашом говорилось:

Продолжаю. Ручка вдруг перестала писать. Сломалось перо. Придется идти в поселок за новым. Это совсем ржавое.

Дальше мысли ложились на бумагу более гладко.

Пожалуй, надо было купить новое перо и не связываться с карандашом. Но я засиделся на кухне при включенной лампе и задумался. Вот и не заметил, как наступила ночь. Должно быть, уже за полночь. На часы я не смотрел. В курятнике закукарекал старина Черный Джо, а потом заскрипело матушкино кресло-качалка, будто она сидит там собственной персоной. Ты же знаешь, я в такую чепуху не верю, но вдруг на ум полезла всякая всячина из прошлой жизни. Сам понимаешь, иногда находит. Пожалуй, разорву это письмо. Что толку писать разную ерунду?

Потом слова понеслись вскачь, будто торопились занять свое место на бумаге и не успевали.

Уж если я решил выбросить письмо, пожалуй, все-таки сначала допишу. Дом словно ожил, и со всех сторон смотрят чьи-то глаза. Кажется, стоит выглянуть за дверь – а там люди, только и ждут, чтобы войти. Просто волосы встают дыбом. Да, я вот что хочу сказать... Давно собираюсь... Хочу сказать, что до сих пор в толк не возьму, почему отец так поступил. То есть почему ему не понравился нож, что я подарил на день рождения. Ну почему? Нож был хороший и нужен отцу. Если бы он хоть раз им воспользовался, или по крайней мере наточил, или просто вынул из кармана, чтобы посмотреть. Ничего большего и не требовалось. Если бы нож пришелся отцу по душе, и я бы на тебя не набросился. А так пришлось поколотить. Кажется, матушкино кресло чуть покачивается. Нет, просто игра света. Не верю я во всякую чушь. Мне вот все думается: что-то осталось незаконченным. Так бывает, когда сделаешь работу наполовину и не знаешь зачем. Да, что-то не сложилось, пошло не так. Мне здесь нечего делать. Я должен путешествовать по свету, а не сидеть на нашей славной ферме и заниматься поисками жены. Произошла какая-то ошибка. Будто дело не доведено до конца и все случилось слишком быстро, а что-то важное упущено. Я должен быть на твоем месте, а ты – здесь. Никогда раньше об этом не думал. Наверное, во всем виновата ночь... Хотя она уже на исходе. Вот выглянул в окно – уже начало светать. Похоже, я так и не уснул. И почему это ночь пролетела так быстро? Спать уже не пойду. Да и все равно не уснуть.

Подпись под письмом отсутствовала. Наверное, Чарльз забыл, что собирался его порвать, и отправил брату. Адам долго хранил послание Чарльза, и всякий раз, когда перечитывал, по телу пробегала дрожь, хотя причины он не понимал.

Глава 5

На ранчо Гамильтонов подрастало потомство, и каждый год на свет появлялся очередной младенец. Джордж был высоким красивым мальчиком, добрым и кротким, и с детства отличался покладистостью и учтивыми манерами. Даже в раннем возрасте он был вежлив и, по словам взрослых, не доставлял никаких хлопот. От отца он унаследовал опрятность во всем, будь то одежда, собственное тело или прическа, и даже в бедном платье выглядел хорошо одетым и подтянутым. Джордж рос безгрешным ребенком и остался таким, когда сделался взрослым. За всю жизнь за ним не числилось ни одного серьезного проступка, совершенного преднамеренно, а случайные оплошности не выходили за рамки порой досадных, но невинных мелочей. Уже в зрелые годы, когда медицина продвинулась вперед, у Джорджа обнаружили злокачественную анемию, и вполне возможно, все его добродетели объяснялись нехваткой жизненной энергии.

Уилл, брат Джорджа, младше всего на год, рос коренастым и крепким. Богатым воображением он не обладал, зато энергия была ключом. С самого детства Уилл отличался удивительным трудолюбием, и, если ему поручали какое-нибудь дело, повторять дважды не приходилось, он работал без устали. Уилл был человеком консервативных взглядов, и не только в политике, но и во всем остальном. Любые новые веяния он считал революционными, относился к ним подозрительно и с омерзением и решительно их отвергал. Уилл хотел жить так, чтобы никто не мог к нему придраться, а потому приходилось изо всех сил подстраиваться под других людей.

Возможно, на неприязнь Уилла ко всем новшествам и переменам повлиял отец. Взросление мальчика пришлось на период, когда отец прожил в Салинас-Вэлли недостаточно долго, чтобы по праву считаться старожилом. Да он и был здесь чужаком-ирландцем, а ирландцев в то время в Америке недолюбливали и относились к ним с презрением, особенно на Восточном побережье. Впрочем, пренебрежительное отношение к этим людям просочилось и на Запад. Сэмюэл не просто отличался ото всех остальных жителей долины, он постоянно что-то изобретал и был неистощим на разные выдумки. В маленьких, живущих в своем крошечном мирке общинах к таким людям всегда относятся с подозрением, пока они своим поведением не докажут, что не представляют опасности для окружающих. Незаурядный яркий человек наподобие Сэмюэла всегда доставляет массу беспокойства. К примеру, к нему могли проникнуться симпатией женщины, мужа которых и сами понимали, что не представляют собой ничего интересного. Кроме того, он был хорошо образован, много читал, покупал и брал у людей книги и знал такие вещи, которые вроде бы и не нужны, потому что их не съешь, не наденешь на себя и не используешь в хозяйстве. А еще интересовался поэзией и ценил хорошую литературу. Стань Сэмюэл богачом, вроде Торнов или Делмаров, и поселись в большом красивом доме на равнине, он непременно бы собрал замечательную библиотеку.

У Делмаров библиотека имелась – большая комната, заполненная книгами, с отделанными дубом стенами. Сэмюэл брал у них книги и прочел гораздо больше, чем сами хозяева. В то время богатому человеку позволялось иметь хорошее образование. Он мог отправить сына учиться в колледж, не вызывая пересудов, носить по будням жилет, белую рубашку с галстуком и перчатки, а также содержать ногти в чистоте. У богатых свои, непонятные для простых людей жизнь и привычки, и кто знает, что им пригодится, а что – нет. Другое дело бедняк. Зачем ему поэзия, живопись или музыка, под которую не споешь и не спляшешь? Разве подобная чепуха поможет собрать хороший урожай или одеть детишек? А уж если он упорствует и продолжает чудить, то, наверное, имеет на то причины, в которые лучше не вникать.

Взять хотя бы Сэмюэла. Прежде чем приступить к работе с деревом или железом, он делает чертеж. Это понятно и абсолютно правильно. Остается только позавидовать. Но на полях чертежей он делает непонятные зарисовки: деревья, лица людей, животных или жуков, а иногда и вообще не разберешь что. Люди только смущенно посмеивались над его чудаче-

ствами. И потом, никогда не угадаешь, что у Сэмюэла на уме, что он скажет и как поступит. От него можно ждать чего угодно.

В первые годы жизни в Салинас-Вэлли люди относились к Сэмюэлу с недоверием. Возможно, в раннем детстве Уилл слышал разговоры, которые велись в магазине в Сан-Лукасе. Мальчишкам не нравится, когда их отцы не похожи на других мужчин. Вероятно, именно тогда и пустил корни его консерватизм. Позже, когда родились и подросли другие дети, Сэмюэл стал в долине своим, и им гордились, как гордится своим приобретением владелец павлина. Люди перестали его бояться, так как Сэмюэл не соблазнял чужих жен и не нарушал их размеренной серой жизни. В Салинас-Вэлли полюбили Сэмюэла, но к тому времени характер Уилла уже успел сформироваться.

Некоторые люди, порой совсем того не заслуживая, становятся настоящими баловнями судьбы и без малейших усилий получают все, чего пожелают. К их числу принадлежал и Уилл Гамильтон. Он получал от судьбы подарки, которые мог по достоинству оценить. Уиллу везло с детства. В отличие от отца, который так и не научился наживать деньги, Уиллу они сами плыли в руки. Стоило Уиллу Гамильтону завести кур и они начали нестись, как цены на яйца сразу подскочили. В ранней юности два его приятеля, которые содержали небольшой магазинчик, оказались на грани бесславного банкротства и попросили у Уилла немного денег, чтобы расплатиться по счетам за квартал. Желая хоть как-то отблагодарить друга, они предложили взять его в долю третьим владельцем. Уилл не был скрягой и ссудил приятелей нужной суммой. Через год дела в магазинчике пошли на лад, через два он заметно вырос и стал солидным магазином, а через три открылось уже несколько филиалов. Сейчас дочерние магазины образовали огромную торговую сеть, которая занимает ведущее положение во всем штате.

Кроме того, в уплату давно просроченного долга Уилл получил мастерскую по ремонту велосипедов, а через некоторое время несколько богачей в долине купили автомобили, и его механик стал на них работать. Потом к Уиллу привязался один неугомонный мечтатель, стремившийся выразить свои чаяния в латуни, чугуне и резине. Звали этого человека Генри Форд, а его планы выглядели смехотворными, не сказать хуже – противозаконными. Уилл после долгих уговоров согласился стать его представителем в южной части Салинас-Вэлли, а через пятнадцать лет вся долина кишела «фордами», а сам Уилл разбогател и разъезжал на «мармоне».

Третий сын Гамильтонов Том пошел в отца. Он появился на свет с яростным воплем, и вся его жизнь была яркой, как вспышка молнии. Том очертя голову, с безудержной радостью бросился в ее пучину. Он не открывал заново окружающий мир и людей, а творил их сам, брал книги отца и читал их как первооткрыватель, живя во вселенной, сияющей первозданной красотой и свежестью, как рай на шестой день сотворения мира. Отпущенный на свободу разум ревелся будто беззаботный жеребенок на тучном пастбище, и когда впоследствии жизнь стала воздвигать перед Томом преграды, он бесстрашно бросался грудью на колючую проволоку. Даже когда его со всех сторон окружили высоким частоколом, Том прорвался и вышел на волю. Он был способен на великую радость и всепоглощающую скорбь, а потому смерть любимой собаки воспринял как конец света.

Том унаследовал от отца изобретательность, но оказался более дерзким и решительным. Он брался за дела, о которых отец даже подумать боялся. Кроме того, в отличие от Сэмюэла, его обуревали не дающие покоя похотливые желания. Возможно, именно по вине неумного зова плоти он всю жизнь оставался холостяком. Том родился в высоконравственной семье, и вполне вероятно, что из-за определенного вида снов и возникавших в связи с ними желаний, которые удовлетворялись непотребными способами, он чувствовал себя достойным презрения ничтожеством и время от времени убегал в горы, чтобы выплакаться. В характере Тома необузданность удивительным образом сочеталась с кроткой добротой. Он трудился до седьмого пота, чтобы хоть так подавить пагубное влечение.

Ирландцы и в самом деле обладают склонностью к безудержному веселью, но на закорках у каждого сидит угрюмый зловредный призрак, который заглядывает в душу и читает мысли. Стоит ирландцу рассмеяться чуть громче, чем принято, и призрак тут же затыкает глотку длинным костлявым пальцем. Одним словом, ирландцам свойственно себя осуждать еще до того, как предъявят обвинение, а потому они всегда держатся настороже.

В девятилетнем возрасте Тома не на шутку встревожила задержка речи у младшей сестры, прелестной Молли. Он попросил девочку открыть рот и обнаружил под языком перепонку, которая и являлась причиной всех бед. «Я могу все исправить», – пообещал Том и повел сестру в укромное местечко подальше от дома. Наточив о камень перочинный нож, он резанул по преграде, вставшей на пути у слов, а потом убежал и долго мучился приступами рвоты.

По мере регулярного прибавления в семействе Гамильтонов рос и их дом, изначально рассчитанный на большое количество пристроек, появляющихся по мере надобности. Комната и кухня, из которых поначалу состоял весь дом, вскоре затерялись в их беспорядочных лабиринтах.

Между тем Сэмюэлу так и не удалось разбогатеть. У него появилась крайне вредная привычка патентовать все подряд. Многие стали жертвами этой болезни. Он придумал приставку к молотилке, благодаря чему она стала работать гораздо продуктивнее всех существующих на тот момент аналогов, а стоила дешевле. Расходы на патентного адвоката съели мизерную прибыль за год. Сэмюэл отослал макеты машины одному промышленнику, который забраковал чертежи, но не замедлил взять на вооружение саму идею. Потом в течение нескольких лет семья жила впроголодь, так как все средства уходило на судебную тяжбу. Выкачивание денег прекратилось, только когда Сэмюэл проиграл процесс. Так состоялось его первое нелицеприятное знакомство с непреложным правилом, которое гласит, что сражаться с деньгами можно, только располагая еще большими деньгами. Но Сэмюэл уже заразился патентной лихорадкой, и год за годом все средства, заработанные молотьюбой и работой в кузнице, поглощали патенты. Дети Гамильтонов ходили босиком, в заплатанной одежде и часто недоедали, чтобы отец имел возможность заплатить за хрустящие светоконии с изображением шестеренок, вертикальных проекций и плоскостей.

Одни люди мыслят широко, а другие – узко. Сэмюэл и его сыновья Том и Джо мыслили масштабно, а мышление Джорджа и Уилла оставалось ограниченным. Четвертого сына Гамильтонов, Джозефа, вечно погруженного в мечты, обожала и всячески оберегала вся семья. Мальчик рано понял, что беспомощная улыбка является лучшим способом увильнуть от работы. Все его братья росли тружениками, и им было проще сделать работу самим, чем заставлять Джо. Отец и мать считали его прирожденным поэтом, так как ни на что другое парень не годился. Они так старательно вбивали сыну в голову эту мысль, что в конце концов Джо начал пописывать неприятные стишки, дабы подтвердить правоту родителей. Он был безнадежно ленив не только телом, но и умом, проводя жизнь в мечтаниях и грезах. Однако мать любила его больше остальных детей, считая беззащитным и беспомощным. В действительности же Джо вовсе таковым не являлся и получал все, чего душа пожелает, причем с минимальными усилиями. Одним словом, Джо был в семье любимцем.

В Средние века юношу, не способного как следует владеть мечом и копьем, отправляли в священники, в семействе же Гамильтонов непригодность Джо к работе на ферме и в кузнице открыла ему путь к высшему образованию. Он не был ни болезненным, ни слабым, но он не мог поднимать тяжести, скверно ездил верхом и всем сердцем ненавидел лошадей. Вся семья смеялась с умилением, вспоминая, как Джо учился пахать. Первая кривая борозда петляла подобно текущему по равнине ручейку, а вторая всего раз наехала на нее и, пройдя поперек поля, умчалась в неизвестном направлении.

Постепенно Джо отстранился от всех обязанностей на ферме. Лайза оправдывала сына и говорила, что его мысли витают в облаках, будто это является уникальным достоинством.

Когда стало ясно, что Джо не справляется ни с одним делом, отец поручил ему пасти стадо из шестидесяти овец. Это самая легкая работа, не требующая никакого умения. Нужно только все время находиться рядом с овцами. И Джо умудрился их потерять, все шестьдесят, и не мог их отыскать на дне ущелья, где животные сгрудились в поисках тени. Как гласит семейное предание, после этого случая Сэмюэл созвал всю семью и заставил детей дать клятву, что после смерти отца они позаботятся о Джо, а иначе он умрет с голода.

Вперемежку с мальчиками в семье Гамильтонов родилось пятеро дочерей. Старшая Уна, серьезная темноволосая девочка, прилежная в учебе. Лиззи... Нет, должно быть, старшей была Лиззи, потому что ее назвали в честь матери. О Лиззи я мало что знаю. Похоже, она с детства начала стыдиться своей семьи, рано вышла замуж и покинула отчий дом, появляясь потом только на похоронах. Из всех Гамильтонов только Лиззи отличалась злым нравом и умела ненавидеть. У нее родился сын, а когда он подрос и женился на девушке, которая пришлась Лиззи не ко двору, она много лет с ним не разговаривала.

Потом родилась Десси, неутомимая хохотушка, и всем хотелось посидеть в ее компании, потому что ни с кем другим не было так весело.

Дальше шла Олив, моя мать, и последней была Молли, маленькая белокурая красавица с глазами как фиалки.

Так и росли дети Гамильтонов, и просто чудо, как сухонькая маленькая Лайза умудрялась рожать их каждый год, кормить, печь хлеб, обшивать, да еще учить хорошим манерам и жестким моральным устоям.

Удивительно, как Лайза умела подчинить детей своей воле. Она пребывала в полном неведении об окружающем мире, не читала книг и никуда не ездила, не считая долгого путешествия из Ирландии в Америку. У нее не было других мужчин кроме мужа, но и на близость с ним Лайза смотрела как на тягостную, а порой и мучительную обязанность. Большая часть жизни ушла на вынашивание и воспитание детей, а все сведения об окружающем мире черпались из Библии, не считая бесед с Сэмюэлом и детьми, но болтовню детей она не слушала. В Библии для Лайзы сосредоточился весь мир, с его историей, поэзией, внутренним устройством, изучением человеческих душ, моральными принципами и поисками пути к спасению. Она не анализировала содержание Библии и не старалась вникнуть в его суть, а просто читала, не обращая внимания на многочисленные противоречия и несоответствия, которые ее несколько не смущали. В конце концов она выучила Библию наизусть и привычно пробежала глазами по строчкам, не задумываясь над словами.

Лайза пользовалась всеобщим уважением, так как была женщиной добропорядочной, вырастила хороших, почтительных детей, и у нее имелись все основания для гордости. Муж, дети и внуки относились к Лайзе с почтением. Она обладала непреклонной волей, никогда не шла на компромисс, свято веря в собственную правоту, которую противопоставляла всеобщим заблуждениям, вызывая благоговейный трепет, лишенный сердечной теплоты.

Лайза люто ненавидела спиртное и считала прием любого алкогольного напитка преступлением против Господа, которого люди и без того достаточно прогневили. Сама она спиртного в рот не брала и упорно отказывала в этой радости другим. В результате Сэмюэла и детей так и тянуло тайком приложиться к рюмке.

Как-то раз Сэмюэл захворал и попросил у жены стаканчик виски, чтобы облегчить страдания.

– Неужели ты намерен, представ перед Господом, дышать на него перегаром? – нахмурилась Лайза, вздернув маленький упрямый подбородок. – Ни за что не допущу такого безобразия!

Не получив желанного облегчения, Сэмюэл молча повернулся на другой бок.

В семьдесят лет, когда возраст стал напоминать о себе все чаще, врач порекомендовал Лайзе принимать по столовой ложке портвейна в качестве лекарства. Первую ложку она, кри-

вась, проглотила с трудом, но лекарство оказалось не таким уж отвратительным на вкус. С той поры от нее всегда пахло вином. Поначалу Лайза пила портвейн строго по столовой ложке, считая его лекарством, но постепенно доза увеличилась до кварты², и Лайза стала чувствовать себя более раскрепощенной и счастливой.

Сэмюэл и Лайза Гамильтон успели вырастить и поставить на ноги всех детей еще до начала двадцатого века. На ранчо к востоку от Кинг-Сити подрастала целая орава молодых Гамильтонов, и эти юноши и девушки были американцами. Сэмюэл так и не вернулся в Ирландию и постепенно совсем ее забыл. Он был человеком занятым и не имел времени предаваться тоске по родине. Весь мир для Сэмюэла сосредоточился на Салинас-Вэлли, и одной поездки в город Салинас, расположенный на севере, в самом начале долины, хватало на весь год. Бесконечная работа на ранчо и забота о многочисленном семействе, которое надо накормить, одеть и обуть, отнимала почти все время. Почти, но не все. Энергия у Сэмюэла по-прежнему была через край.

Дочь Уна, серьезная темноволосая девушка, была прилежной ученицей, и отец гордился ее от природы пытливым умом. Олив готовилась к окружным экзаменам после окончания средней школы в Салинасе. Она хотела стать учительницей, и это было так же почетно, как в Ирландии иметь в семье священника. Джо намеревались отправить в колледж, так как ни на что путное он не годился. Уилл уверенно двигался к уготованному судьбой богатству, Том шел по жизни, набивая шишки и зализывая раны, а Десси училась на портниху. Что до красавицы Молли, то никто не сомневался, что в один прекрасный день она выйдет замуж за солидного обеспеченного человека.

О дележе наследства речи не велось. Раскинувшееся на холмах ранчо занимало большую территорию, оставаясь катастрофически бедным. Сэмюэл бурил для соседей скважину за скважиной, но так и не нашел воду на собственной земле. Сложись обстоятельства по-иному, и Гамильтоны жили бы вполне обеспеченно, но единственным источником воды по-прежнему оставалась жалкая струйка, которую качали из скважины рядом с домом, порой уровень воды резко падал, а дважды она и вовсе пересыхала. Скот приходилось гнать на водопой с дальнего конца ранчо, а потом снова отправлять на пастбище.

В общем, семья Гамильтонов получилась крепкой и дружной, надежно обосновалась в Салинас-Вэлли и жила не беднее и не богаче многих других. Гармоничная семья, среди членов которой имелись консерваторы и радикалы, витающие в облаках мечтатели и твердо стоящие на ногах реалисты. Сэмюэл всей душой радовался плодам, выросшим из его семени.

² Кварта – в США примерно 0,94 литра.

Глава 6

1

После ухода Адама в армию и отъезда Сайруса в Вашингтон Чарльз жил на ферме один. Он хвастался, что подыскивает жену, но не предпринимал обычных в таких случаях шагов, которые медленно, но верно ведут к законному супружеству. Он не назначал девушкам свиданий, не водил их на танцы и не пытался подвергнуть проверке их целомудренность. Дело в том, что Чарльз страшно робел перед девушками и, как все стеснительные мужчины, удовлетворял плотские потребности в обществе проституток. Робкий мужчина чувствует себя с проституткой уверенно. Он заранее платит женщине за услуги, и та превращается в товар, с которым можно обращаться по своему усмотрению: славно повеселиться или вести себя как грубое животное. К тому же исчезает вероятность получить отказ, при одной мысли о котором у стеснительного мужчины подводит живот.

Система общения с проститутками отличалась простотой и хранилась в строжайшей тайне. У хозяина постоялого двора имелось на втором этаже три комнаты для проезжих путешественников, которые он сдавал на две недели девицам легкого поведения. По истечении этого срока им на смену прибывала другая бригада девушек. Хозяин постоялого двора мистер Хэллам в этом не участвовал и с полным правом мог утверждать, что пребывает в неведении относительно дел, творящихся наверху. Просто он получал плату за три комнаты в пятикратном размере, а сводничал, вербовал, перевозил, наказывал и обирал девиц живший в Бостоне сутенер по имени Эдвардс. Девушки, не торопясь, переезжали из одного городка в другой, нигде не задерживаясь дольше двух недель. Такая система полностью себя оправдывала. Краткое пребывание бригады проституток в городке не успевало вызвать недовольство местных жителей или начальника полиции. Основную часть времени они проводили в отведенных номерах и не появлялись в общественных местах. Им запрещалось напиваться, дебоширить и влюбляться, а ослушниц избивали до полусмерти. Еду тоже подавали в номера, а всех клиентов тщательно проверяли и пьяных к девушкам не пускали. По истечении полугода каждой девушке полагался месячный отпуск, во время которого она могла уйти в загул и беспорядочно пить. Однако стоило какой-нибудь из девиц в рабочее время нарушить установленные правила, и мистер Эдвардс лично сдирает с нее одежду, затыкает кляпом рот и безжалостно избивал кнутом. За повторную провинность девушка оказывалась в тюрьме по обвинению в бродяжничестве и проституции.

Двухнедельное пребывание на одном месте имело еще одно преимущество. Многие девушки болели, но почти всегда успевали скрыться, прежде чем их подарок клиенту даст о себе знать, и бедняге было не на ком сорвать злость. Мистер Хэллам ничего не знал, а мистер Эдвардс предпочитал не распространяться о характере своего бизнеса и получал хороший доход от придуманной системы.

Все девицы были похожи друг на друга, дородные, ленивые и глуповатые, и клиенты не замечали между ними особой разницы. Чарльз Траск имел обыкновение посещать постоялый двор не реже двух раз в месяц. Он тайком крался на второй этаж, быстро завершал свое дело и возвращался в бар, чтобы принять на грудь.

В доме Трасков и в прежние времена было не слишком весело, но, когда здесь остался один Чарльз, он стал еще более мрачным и, тихо поскрипывая, приходил в упадок на глазах. Кружевные занавески посерели, полы, несмотря на то что Чарльз их подметал, были сырыми и липкими. От постоянного жарения на сковородках стены, окна и потолок в кухне покрылись толстым слоем жира.

Жены Сайруса содержали дом в чистоте и успешно боролись с грязью, устраивая дважды в год генеральную уборку, во время которой отскабливали до блеска пол и стены. Чарльз и подметал-то в доме нечасто. Он убрал простыни и спал на одеяле, а вторым накрывался. Что толку наводить чистоту в доме, если все равно никто не видит? Мылся и облачался в чистую одежду он только перед очередным визитом на постоянный двор.

Чарльза не покидало странное беспокойство, из-за которого он просыпался на рассвете. Терзаясь от одиночества, он работал на ферме не покладая рук, а придя домой, наскоро жарил ужин, набивал живот и с тупой апатией погружался в сон.

На его смуглом лице застыло мрачное безразличное выражение, присущее одиноким людям. Чарльз тосковал по брату больше, чем по матери и отцу, и предавался далеким от действительности воспоминаниям о той поре, когда Адам жил дома. То было счастливое время, и Чарльз хотел, чтобы оно вернулось.

Несколько лет он ничем не болел, не считая хронического несварения желудка, характерного, как в те годы, так и сейчас, для одиноких мужчин, которые сами готовят пищу и съедают ее также в одиночестве. С этим недугом Чарльз боролся с помощью сильного слабительного по названию «Эликсир жизни папаши Джорджа».

Единственный несчастный случай произошел с ним на третий год одинокой жизни. Чарльз выкапывал булыжники и перевозил их на тележке к каменной стене. Один большой булыжник никак не удавалось сдвинуть с места, и Чарльз использовал в качестве рычага длинный железный лом, который подсунул под камень. Однако булыжник раз за разом скатывался на прежнее место. И тут Чарльз вышел из себя. По губам пробежала легкая улыбка, и он в немой ярости обрушился на камень, будто перед ним стоял человек. Чарльз просунул лом еще глубже и налег на него всей тяжестью. Лом выскользнул из рук и ударил верхним концом по лбу. Несколько минут Чарльз лежал в поле без сознания, потом перевернулся и, встав на ноги, заковылял к дому, ничего не видя перед собой от застилающей глаза боли. Через весь лоб до самой переносицы вздулся длинный рваный рубец. Несколько недель Чарльз носил повязку, сквозь которую проступал гной, но это не вызывало тревоги, так как в то время гной считался хорошим признаком, свидетельствующим, что рана заживает как положено. Когда же она действительно зажила, на лбу остался длинный бугристый шрам. Обычно шрамы светлее здоровой кожи, но у Чарльза шрам почему-то потемнел. Возможно, в рану попала ржавчина, въелась в кожу, и получилось нечто наподобие татуировки.

Рана Чарльза не беспокоила, чего не скажешь о шраме. Будто кто-то приложил ко лбу длинный палец. Он часто изучал шрам, глядя в маленькое зеркальце над печью, и даже стал зачесывать на лоб волосы, чтобы он не бросался в глаза. Чарльз стыдился и люто ненавидел свой шрам, начинал нервничать и впадал в ярость, когда кто-нибудь интересовался его происхождением. В письме к брату Чарльз описал свои чувства:

Будто кто меня заклеил, как корову, – писал он. – Проклятая штука становится все темнее, а когда ты вернешься, наверное, вовсе почернеет. Не хватает еще одного поперек, и стану ни дать ни взять, как папист в день покаяния. Не пойму, почему это так тревожит, ведь у меня полно и других шрамов. А тут как будто меня пометили. Стоит пойти в город или на постоянный двор, все на него глазюют и судачат, когда думают, что я не слышу. И с чего их любопытство распирает? Если и дальше так пойдет, вообще перестану ходить в город.

2

В 1885 году Адам демобилизовался из армии и отправился в долгий путь домой. Внешне он изменился мало, так и не приобретя военной выправки, что после службы в кавалерии и неудивительно. В некоторых эскадронах кавалеристы гордятся походкой вразвалку.

Адам жил как во сне. Резкая перемена привычного, пусть и ненавистного уклада жизни, всегда дается нелегко. По утрам он просыпался в одно и то же время, секунда в секунду, и подолгу лежал в кровати в ожидании сигнала «подъем». Ноги тосковали по плотно облегающим крагам, а без жесткого воротничка шея казалась голой. По прибытии в Чикаго он непонятно зачем снял на неделю меблированную комнату, прожил там два дня и отправился в Буффало, но передумал и поехал на Ниагарский водопад. Домой Адаму не хотелось, и он, как мог, оттягивал момент возвращения. Мысли о доме радости не вызывали, а те чувства, что довелось там пережить, давно умерли, и воскрешать их желания не возникало. Будто загипнотизированный, он часами смотрел на водопад, рев которого оказывал одурманивающее действие.

Как-то вечером на Адама напала разъедающая душу тоска по тесным солдатским казармам и походным палаткам, и вдруг возникло непреодолимое желание окунуться в самую гущу толпы, не важно какой, лишь бы почувствовать человеческое тепло. Первым, подвернувшимся по дороге людным местом оказался маленький, битком набитый прокуренный бар. С радостным облегчением он угнездился в людской гуще, словно кошка, высмотревшая укромный уголок в поленице. Адам заказал виски и принялся неторопливо отхлебывать из стакана, чувствуя, как по телу расплзается приятная теплота. Он никого не видел и не слушал чужих разговоров, а просто наслаждался близостью людей.

Было уже совсем поздно, посетители бара начали расходиться, и Адам с ужасом подумал о моменте, когда придется вернуться домой. Вскоре он остался один в компании бармена, который яростно протирал стойку из красного дерева, всем своим видом давая понять, что пора уходить.

– Налей-ка еще одну, – обратился он к бармену.

Бармен выставил на стойку бутылку, и Адам только сейчас заметил ярко-красное пятно у него на лбу.

– Я нездешний, – признался Адам.

– На водопадах большинство посетителей приезжие, – ответил бармен.

– Я служил в армии, в кавалерии.

– Вон оно что! – откликнулся бармен, не желая поддерживать разговор.

Адам вдруг почувствовал непреодолимое желание поразить этого человека, прорваться сквозь стену безразличия.

– Воевал с индейцами, – продолжил он свой рассказ. – Вот были времена!

Бармен не произнес в ответ ни слова.

– У моего брата тоже отметина на голове.

Бармен потер рукой красную метку:

– Она у меня с рождения, и с каждым годом становится все больше. Твой брат тоже с ней родился?

– Нет, случайно поранился. Он мне об этом написал.

– Обратил внимание, что моя отметина похожа на кошку?

– И правда похожа.

– Вот ко мне с детства и прилипла кличка Кот. Говорят, матушку напугала кошка, когда она меня носила.

– А я еду домой. Давно там не был. Выпьешь со мной?

– Спасибо. А где ты остановился?

- В пансионате миссис Мэй.
 - Как же, знаю. Говорят, она потчует постояльцев супом, чтобы меньше мяса съели.
 - Да, в любом ремесле есть свои тонкости, – задумчиво протянул Адам.
 - Вот именно. В моем деле тоже немало премудростей.
 - Истинная правда, – согласился Адам.
 - Жаль только, главной премудрости я не знаю.
 - И что же это?
 - Да как выпроводить тебя домой и закрыть бар.
- Адам молча уставился на бармена.
- Шучу, – попытался исправить неловкость бармен.
 - Пожалуй, отправлюсь поутру домой, – сообщил Адам. – То есть вернусь в свой дом.
 - Что ж, желаю удачи, – откликнулся бармен.

Ускоряя шаг, Адам брел по темному городу, будто хотел убежать от преследующего по пятам одиночества. Под угрожающий скрип ступеней он поднялся на просевшее крыльцо пансиона. В прихожей тускло светила керосиновая лампа. Кто-то предусмотрительно прикрутил фитиль, и огонек дрожал как при последнем издыхании.

В дверях комнаты застыла фигура хозяйки. Тень от ее носа падала на кончик подбородка, а холодные, словно на портрете, глаза следили за каждым его движением. Миссис Мэй приняла запах виски, исходившему от постояльца.

– Доброй ночи, – пробормотал Адам, но хозяйка не ответила на приветствие.

На площадке верхнего этажа он оглянулся. Миссис Мэй стояла, подняв голову, и тень от носа уже падала на шею, а зрачков совсем не было видно.

В комнате Адама пахло многолетней пылью, которая неоднократно намокала, а потом снова высыхала. Он вынул коробок, чиркнул спичкой и зажег огрызок свечи в черном лакированном подсвечнике. Огонек осветил провисшую, как гамак, кровать, покрытую грязным лоскутным стеганым одеялом, по краям которого вылезли клочья ваты.

Ступени снова заскрипели, и Адам понял, что хозяйка заняла позицию в дверях, намереваясь выплеснуть скопившееся недовольство на очередного постояльца.

Он сел на жесткий стул, опершись локтями о колени, и обхватил руками лицо. Ночную тишину нарушил надсадный кашель, доносившийся из соседнего номера.

И тут Адам осознал, что не может вернуться домой. Много раз он слышал от бывалых солдат подобные истории и сейчас собирался последовать их примеру.

«Я просто не мог это пережить. Некуда податься. Друзей и знакомых нет. Поколесил по стране и очень скоро перетрухнул, как малое дитя. Сам не помню, как оказался у дверей казармы и принялся упрашивать сержанта, чтобы взял обратно. Будто он делает мне большое одолжение».

Возвратившись в Чикаго, Адам заключил повторный контракт на военную службу и попросился в свой полк. Поезд повез его на восток, и сослуживцы из родного эскадрона казались самыми близкими людьми.

В ожидании пересадки в Канзас-Сити он услышал свое имя, и в следующую минуту ему в руку сунули депешу, приказ явиться в Вашингтон в канцелярию военного министра. За пятилетнюю службу в армии Адам даже не выучил, а впитал каждой клеточкой сознания правило не удивляться никаким приказам. Рядовому солдату далекие военные божества в Вашингтоне казались сумасшедшими, о которых лучше не думать и не вспоминать, если сам хочешь остаться в здравом уме.

Явившись в положенный срок в канцелярию, Адам назвал секретарю свое имя и уселся ждать в приемной, где и нашел его отец. Адам не сразу узнал Сайруса, и ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя от изумления. Сайрус стал большим человеком и одевался соответственно положению: пиджак и брюки из тонкого черного сукна, черная широ-

кополая шляпа и пальто с бархатным воротником. Картину довершала трость из эбенового дерева, которой Сайрус манипулировал как шпагой. И вел себя Сайрус как подобает большому человеку. Неспешная доброжелательная речь, размеренная и без суеты, отсутствующая прежде широта в движениях и новые вставные зубы, придающие улыбке особое коварство и сходство с лисьим оскалом, независимо от чувств, которые Сайрус испытывает в данный момент.

До Адама наконец дошло, что перед ним родной отец, но оправиться от изумления удалось не сразу. Он перевел взгляд вниз и вдруг обнаружил, что деревянная нога исчезла, а вместо нее появилась обычная, сгибающаяся в колене и обутая в начищенный до блеска короткий ботинок из лайковой кожи с прикрепленными резинками. При ходьбе Сайрус слегка прихрамывал, но это не имело ничего общего с прежней ковыляющей походкой.

– Механическая, – пояснил Сайрус, поймав удивленный взгляд сына. – Работает на шарнире с пружиной. Когда постарюсь, могу вовсе не хромать. Я потом сниму ее и покажу тебе. А теперь пошли со мной.

– Я прибыл по приказу, сэр, и обязан доложить полковнику Уэллсу.

– Я в курсе и сам попросил полковника отдать такой приказ. Идем.

– Если позволите, сэр, я сначала схожу с докладом к полковнику Уэллсу, – смущаясь, возразил Адам.

– Я тебя испытывал, – важно заявил Сайрус, меняя тактику. – Хотел посмотреть, как в современной армии обстоят дела с дисциплиной. Молодец. Я знал, что служба в армии пойдет тебе на пользу, и вот теперь, мой мальчик, ты стал настоящим мужчиной и воином.

– Я прибыл по приказу, – повторил Адам.

Стоящий перед ним человек был чужим, и в душе шевельнулось отвращение. Все здесь отдавало фальшью, и ни стремительно открывшиеся двери в кабинет полковника, ни подобострастный тон, которым он разговаривал с отцом, не изменили чувств Адама.

– Министр сейчас вас примет.

– Это мой сын, господин министр, простой солдат, каким и я был в свое время. Рядовой солдат армии Соединенных Штатов.

– После первого срока я ушел в отставку капралом, – доложил Адам.

Он не слушал обмен любезностями, погрузившись в собственные мысли. Ведь это военный министр, неужели он не видит, что отец вовсе не такой, каким хочет казаться? Он просто притворяется. Ну что с ним случилось? Странно, что министр этого не замечает.

В маленькую гостиницу, где жил отец, они отправились пешком, и по дороге Сайрус, как опытный экскурсовод, самозабвенно рассказывал обо всех достопримечательностях и исторических местах.

– Живу в гостинице, – сообщил Сайрус. – Правда, подумывал купить дом, но ведь я постоянно в разъездах, и платить за него невыгодно. Приходится колесить по всей стране.

Портье в гостинице тоже ничего не замечал и, кланяясь Сайрусу, величал того сенатором и намекал, что обеспечит Адаму номер, даже если придется вышвырнуть за дверь другого постояльца.

– Будьте добры, пришлите в номер бутылку виски, – распорядился Сайрус.

– Если желаете, могу прислать и кубики льда.

– Какой лед?! – возмутился Сайрус и стукнул тростью по ноге, которая тут же отозвалась глухим звуком. – Мой сын солдат, и я был простым солдатом, так зачем нам лед?

Жилище Сайруса поразило Адама. В номере имелась не только спальня, но и гостиная, и даже туалет, расположенный в специальной комнатке рядом со спальней.

Сайрус, вздохнув, уселся в глубокое кресло, закатал штанину, представляя взору Адама замысловатое сооружение из железа, кожи и дерева. Сайрус расшнуровал кожаный чехол, с помощью которого протез крепился к культе, и встал рядом с креслом, напоминая карикатуру.

– Натирает, терпеть нет сил, – признался он.

С отстегнутой ногой отец снова стал похож на себя, каким его помнил Адам. На смену презрению, которое он испытал в кабинете полковника, вернулись детский страх, почтение и враждебность, будто он снова стал ребенком и старается угадать настроение отца, чтобы избежать неприятностей.

Сайрус закончил возиться с ногой, выпил виски и расстегнул воротничок.

– Ну, что скажешь? – обратился он к Адаму.

– Сэр? – не понял Адам.

– Почему ты завербовался на второй срок?

– Не знаю, сэр. Просто захотелось.

– Тебе ведь не нравится армия, Адам.

– Нет, сэр.

– Тогда почему вернулся?

– Не хочу возвращаться домой.

Сайрус вздохнул, потирая кресло кончиками пальцев.

– Собираешься остаться в армии? – поинтересовался он.

– Не знаю, сэр.

– Могу отправить тебя в Уэст-Пойнт³. У меня связи. Уволим тебя со службы, и поступишь в Уэст-Пойнт.

– Не хочу.

– Бросаешь мне вызов? – спокойно осведомился Сайрус.

Адам задумался в поисках лазейки из щекотливого положения и после долгого молчания ответил:

– Да, сэр.

– Налей-ка мне виски, сынок, – попросил Сайрус и, когда Адам выполнил просьбу, продолжил: – Сдается, ты не понимаешь, каким я пользуюсь влиянием. Могу натравить «Великую армию Республики» на любого кандидата, и ему никогда не победить на выборах. Даже сам президент интересуется моим мнением по государственным делам. Могу отправлять в отставку сенаторов и раздавать должности по своему усмотрению. Мне не составит труда продвинуть человека по служебной лестнице или испортить ему карьеру и уничтожить. Хоть это до тебя доходит?

Однако Адам понимал происходящее гораздо лучше, чем казалось Сайрусу, и ясно видел, что отец прибегает к угрозам с целью самообороны.

– Да, сэр, я слышал.

– Я мог бы добиться для тебя назначения в Вашингтон, взять под свое начало и научить уму-разуму.

– Пожалуй, мне лучше вернуться в полк, сэр.

От Адама не ускользнула тень разочарования и досады, пробежавшая по лицу отца.

– Вероятно, я допустил оплошность. Тупое солдатское упорство дало глубокие корни, – вздохнул Сайрус. – Что ж, распоряжусь, чтобы тебя отправили обратно в полк. Так и сгниешь в казармах.

– Благодарю, сэр. – Немного помолчав, Адам поинтересовался: – Отец, а почему вы не возьмете в Вашингтон Чарльза?

– Потому что я... Нет, Чарльзу лучше оставаться там, где он живет сейчас... ему там лучше.

Адам впоследствии часто вспоминал тон отца и выражение лица, а для воспоминаний времени было достаточно, потому что ему действительно пришлось влачить жалкое существование в казармах. Он помнил, что Сайрус страшно одинок и сам это понимает.

³ Уэст-Пойнт – Военная академия США, основана в 1802 году.

3

Чарльз с нетерпением ждал возвращения брата, отсутствовавшего пять лет. Он покрасил дом и амбар, а когда до дня приезда осталось совсем мало времени, нанял женщину, чтобы та навела порядок в доме и отчистила многолетнюю грязь.

Прислужгой оказалась чистенькая старушка со злобным нравом. Взглянув на посеревшие от пыли истлевшие занавески, она, не долго думая, выбросила их вон и сшила новые, а потом принялась за заросшую жиром плиту, которую никто не мыл со дня смерти матери Чарльза. Она вывела щелоком толстый слой жирной копоти от сковородок и керосиновых ламп, налипший на стены, протравила полы известью и замочила в соде одеяла, скорбно приговаривая: «Ну, мужики – грязные скоты! Свиньи и те чище. Протухли в собственном дерьме. И как это женщины за них замуж выходят! Ну и вонища! Только посмотрите на плиту – ее не чистили со времен Мафусаила».

Без соды, нашатыря и хозяйственного мыла чистоты в доме не навести, но от их запаха щипало в носу, и Чарльз переселился в сарай. Однако он успел понять, что почтенная женщина не одобряет его метода ведения хозяйства. Наконец докучливая старушонка убралась из сияющего чистотой дома, но Чарльз по-прежнему жил в сарае, так как хотел сохранить порядок до приезда брата. В сарае хранились необходимые для работы на ферме орудия труда и инструмент для их починки, и очень скоро Чарльз обнаружил, что жарить пищу на кузнечном горне гораздо быстрее и удобнее, чем на кухонной плите. Достаточно качнуть мехи, и от углей идет жар, и нет нужды ждать, пока нагреется плита. Как же он раньше не догадался?

Чарльз ждал Адама, а тот все не приезжал. Возможно, он стыдился писать брату, и вместо него это сделал Сайрус. В сердитом письме он поведал Чарльзу, что Адам завербовался на второй срок против воли отца. Сайрус также вскользь намекнул, что как-нибудь пригласит Чарльза в Вашингтон, но больше об этом ни разу не упомянул.

Чарльз снова перебрался в дом и жил в страшной грязи, с наслаждением уничтожая труды старой карги.

Прошло больше года, прежде чем Адам прислал Чарльзу письмо, которое начиналось с каких-то мелочей, будто Адам набирался смелости, чтобы в конце приписать: «Не знаю, зачем я снова завербовался. Будто это сделал вовсе не я, а кто-то другой. Ответь поскорее и расскажи, как живешь».

Чарльз написал только после того, как получил от брата четыре полных тревоги письма. Ответ был холодным. «Да я не больно-то тебя и ждал», – говорилось в послании, а дальше следовал подробный отчет о жизни на ферме и хозяйственных делах.

Время сделало свое дело. Следующее письмо Чарльз получил сразу после Нового года и получил ответ от Адама после следующего Нового года. Братья отдалились друг от друга, ничего общего не осталось, спрашивать тоже было не о чем.

Чарльз стал приводить в дом неряшливых женщин, а когда они начинали раздражать, выгонял их вон. Он проделывал это с такой легкостью, будто продавал свинью. Чарльз не любил сожительниц и не интересовался, какие чувства женщины испытывают к нему. В городке он почти не появлялся и ограничивал круг общения постоянным двором и начальником почты. Жители городка должны бы осудить его за подобный образ жизни, но у Чарльза имелось преимущество, которое оправдывало его уродливую жизнь даже в глазах добропорядочных обывателей. Никогда прежде хозяйство на ферме не велось так хорошо. Чарльз расчистил землю, построил стены, прорыл каналы и расширил ферму на сто акров. Кроме того, он стал разводить табак и выстроил за домом внушительных размеров сарай для его хранения. Такие действия вызывали уважение у соседей. Ни один фермер не сочтет никчемным человека, который так

ловко справляется со своим хозяйством. Чарльз тратил на ферму все деньги и вкладывал всю свою энергию.

Глава 7

1

Следующие пять лет Адам занимался привычной армейской рутинной, которую изобрели, чтобы солдаты не сошли с ума. Он начищал до блеска металл и кожу, гарцевал на парадах и учениях, ездил в конном эскорте, присутствовал на церемонии поднятия флага под звуки горна, одним словом, участвовал в представлении, придуманном для людей, которым больше нечем заняться. В 1886 году на консервном заводе в Чикаго вспыхнула крупная забастовка, и полк Адама погрузился в поезд, однако забастовка закончилась прежде, чем солдаты успели прибыть к месту назначения. В 1888 году зашевелились семинолы, которые так и не подписали мирного договора, и на их усмирение снова бросили кавалерию, но семинолы отступили в родные болота и затихли, а армия снова погрузилась в спячку.

Человеческое сознание воспринимает ход времени странным и противоречивым образом. Разумно предположить, что будни, лишённые каких-либо значительных событий, тянутся бесконечно долго. Так и должно быть, но в действительности дело обстоит иначе. Скудные, однообразные дни пролетают незаметно, и, наоборот, периоды жизни, заполненные яркими событиями, будь они связаны с безутешным горем или счастьем без конца и границ, оставляют в памяти неизгладимый след, и потом кажется, что они были очень долгими. Если хорошенько поразмыслить, это правильно. В бессодержательном существовании не расставишь вехи, которые определяют, сколько времени оно тянется, и бесцельно прожитые дни сливаются в серую безликую пустоту.

Адам и не заметил, как пролетел второй пятилетний срок службы, и в конце 1890 года он демобилизовался с военной базы Пресидио в Сан-Франциско. Адам крайне редко обменивался письмами с братом, но перед демобилизацией написал Чарльзу: «На сей раз я точно возвращаюсь домой». После этого послания Чарльз больше трех лет не получал от Адама никаких известий.

Адам провел зиму, путешествуя вверх по реке до самого Сакраменто, потом кочевал по долине Сан-Хоакин, а когда наступила весна, обнаружилось, что у него совсем не осталось денег. Свернув походное одеяло, он не спеша отправился на восток, часть пути шел пешком, а иногда вместе со случайными попутчиками ехал зайцем, устроившись под вагоном неторопливо катившегося товарного поезда. Ночевал он вместе с бродягами в ночлежках на окраинах очередного, встретившегося на пути города. Адам научился попрошайничать, но просил не деньги, а еду, и не заметил, как вскоре сам превратился в бродягу.

В наши дни такие люди встречаются редко, а в девяностые годы их было много, неприкаянных одиноких скитальцев, которых подобный образ жизни вполне устраивал. Одни скрывались от закона, а другие считали, что общество обошлось с ними несправедливо, выбросив за борт. Иногда они работали, но недолго, порой занимались воровством, но крали только еду или одежду с бельевой веревки, чтобы заменить ту, что сносилась. Среди бродяг встречались самые разные люди: грамотные и невежественные, опрятные и неряхи, но всех их объединяла неутомимость и жажда перемены мест. Бродяг влекло тепло, и они избегали мест, где слишком жарко или холодно. С наступлением весны они направлялись на восток, а при первых заморозках уходили на запад и юг. Они имели много общего с койотами, которые ведут дикий образ жизни, но стараются поселиться поближе к людям и курятникам. Обычно бродяги останавливались не в самих городах и селениях, а где-нибудь неподалеку. Они заводили приятелей, но дружба длилась не дольше недели, а потом каждый шел своим путем.

Вокруг маленьких костров, пока в котелке булькала общая похлебка, велись беседы на самые разные темы, и только о личной жизни говорить не полагалось. Здесь Адам узнал о радикальной профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира» и ее разгневанных приверженцах и покровителях. Он слушал философские споры, рассуждения о метафизике и эстетике, истории из жизни незнакомых людей. Товарищем по ночлегу мог оказаться убийца, лишенный сана или отказавшийся от него по доброй воле священник, профессор, покинувший теплое местечко на кафедре из-за тупости коллег, одинокий изгнанник, бегущий от воспоминаний, падший ангел или будущий дьявол, только что ступивший на порочный путь. И каждый делился у костра частицей своих мыслей и соображений, точно так же, как вносил в общий котел морковь, пару картофелин или луковиц или кусок мяса. Адам освоил все сложности бритья с помощью осколка стекла и по виду дома безошибочно определял, стоит ли здесь рассчитывать на подаяние. Он научился держаться подальше от суровых блюстителей порядка, если нужно, договариваться с ними, а также ценить женщин за доброе сердце.

Адам получал удовольствие от новой жизни, и когда на деревьях показались первые признаки осени, он уже добрался до Омахи, а потом, не долго думая, направился на юго-запад и, перемахнув через горы, очутился, к великой радости, в Южной Калифорнии. Он брел вдоль берега, на север от границы с Мексикой, и добрался до Сан-Луис-Обиспо. По дороге совершал набеги на оставшиеся после прилива заводы и добывал угрей, мидий и окуней, откапывал на песчаных отмелях съедобных моллюсков и с помощью изготовленных из лески силков ловил в дюнах кроликов. А потом лежал на нагретом солнцем песке и считал набегающие на берег волны.

С приходом весны Адама снова потянуло на восток, но теперь он уже не спешил. Лето в горах прохладное, а местные жители, как многие люди, обитающие в глуши, добрые и гостеприимные. Адам нанялся работать на ранчо у вдовы недалеко от Денвера, безропотно делил с ней стол и постель, пока морозы снова не погнали его на юг. Он продвигался вдоль Рио-Гранде, мимо Альбукерке и Эль-Пасо, через Биг-Бенд и Ларедо до Браунсвилля. По дороге выучился испанским словам, обозначающим еду и удовольствия, а еще узнал, что часто очень бедные люди охотно делятся всем, что имеют. И Адам проникся к беднякам любовью, которая никогда бы не зародилась в сердце, не хлебни он сам нищеты. А теперь он превратился в многоопытного бродягу, и присущие бедному человеку покорность и смирение стали обязательным атрибутом ремесла. Он исхудал, почернел от солнца и заглушил в себе личность до такой степени, что не вызывал ни злобы, ни зависти. Голос стал тихим и мягким, а в речи смешалось столько всевозможных акцентов и диалектов, что он нигде не чувствовал себя чужаком. Для бродяги это верное средство обеспечить безопасность, своего рода защитный покров. На поездках Адам теперь ездил редко, так как среди населения росла ненависть к бродягам, вызванная жестокими действиями «Индустриальных рабочих мира» и подогреваемая беспощадными репрессиями в отношении этой организации. Однажды Адама арестовали за бродяжничество. Скорые на расправу полицейские и зверства соседей по камере напугали его до смерти и отбили охоту принимать участие в сборищах бродяг. С тех пор он путешествовал в одиночку и всегда тщательно брился и следил за чистотой одежды.

Снова наступила весна, и Адам подался на север, чувствуя, что спокойному периоду жизни приходит конец, а там, на севере, ждут Чарльз и смутные воспоминания детства.

Он стремительно пересек бескрайние просторы восточного Техаса, прошел по Луизиане и по краю примыкающих друг к другу штатов Миссисипи и Алабама и в конце концов оказался во Флориде. Внутреннее чутье подсказывало, что надо торопиться. Негры, хоть и были достаточно бедными, чтобы обладать таким качеством, как доброта, но белым людям не доверяли, даже таким же нищим, как они сами. Что до бедноты с белым цветом кожи, то они боялись чужаков.

Неподалеку от Таллахасси его задержали по обвинению в бродяжничестве и направили в арестантскую команду по строительству дорог. В то время все дороги строились именно так. Адама приговорили к шести месяцам работ, но не успел он выйти на свободу, как его снова арестовали и осудили еще на полгода. К тому времени он понял, что некоторые люди считают себе подобными скотами и лучший способ поладить с ними – действительно превратиться в скотину. Чисто выбритое открытое лицо и прямой взгляд привлекают внимание, которому неизменно сопутствует наказание. Адам решил, что, совершая жестокие поступки и подлости, человек причиняет себе боль и потому должен за нее кого-нибудь наказать. Арестантов сторожили вооруженные охранники, на ночь их приковывали к одной общей цепи, но это были обычные меры предосторожности, а вот безжалостные порки за малейшее своеволие, проявление чувства собственного достоинства или неповиновение свидетельствовали о том, что тюремщики боятся заключенных. Еще со времен службы в армии Адам усвоил, что человек, испытывающий страх, представляет собой опасное животное, и, как любое живое существо, он боялся, что удары кнута искалечат его тело и душу. И тогда он натянул на себя защитную оболочку, запер рот на замок, а лицо утратило всякое выражение, и свет в глазах погас. Впоследствии Адам удивлялся не тому, что на него обрушилось, а как он сумел все пережить, причем без особой боли и страданий. Воспоминания о днях заключения стали гораздо страшнее самих испытаний, выпавших тогда на его долю. Какое нужно иметь самообладание, чтобы смотреть, как человека секут плетью, пока на спине сквозь кровавые раны не проступят белые блестящие полосы мышц, не проявляя признаков жалости, гнева или любопытства? Адам освоил и эту науку.

Обычно видишь людей только в первые минуты, а потом уже просто ощущаешь их присутствие. Отбывая второй срок на строительстве дорог во Флориде, Адам полностью подавил свое «я». Ни единым словом или жестом он не привлекал внимания к своей персоне и фактически превратился в невидимку. Если охранник не замечает заключенного, то перестает его бояться, и вскоре Адаму поручили уборку барачных помещений и раздачу баланды, а еще он должен был вовремя наносить воду.

Адам дождался, пока до окончания второго срока останется три дня, и после обеда, как обычно, принес воды, а потом снова отправился к речушке и, наполнив оба ведра камнями, утопил их. Затем он зашел в воду и поплыл вниз по течению, временами останавливаясь для короткого отдыха. Так он плыл до наступления темноты, а затем подыскивал укромное местечко под берегом среди прибрежных кустов. Из воды Адам не выходил.

Среди ночи слышался лай собак, бегущих по обоим берегам реки, но Адам предусмотрительно натер голову свежими листьями, чтобы сбить животных со следа. Он сидел в воде, оставив на поверхности только нос и глаза, а утром собаки вернулись и, не заметив беглеца, пробежали мимо.

Охранники тоже слишком устали и прочесывать берег не стали. После их ухода Адам достал из кармана кусок раскисшего в воде жареного шпика и съел.

Адам приучил себя действовать не спеша, памятуя, что большинство беглецов попались из-за своей суетливости. Путь до Джорджии занял пять дней. Рисковать беглец не хотел и растущее в душе нетерпение решительно подавлял усилием воли, удивляясь своим способностям.

Добравшись до окраины Валдосты, он пролежал в укрытии до наступления ночи, а потом незаметно, как тень, прокрался к заднему окну дешевой лавочки и стал осторожно нажимать на раму, пока винты шпингалета не выскочили из разошедшейся на солнце древесины. Затем он установил шпингалет на прежнее место, но окно оставил открытым. Работать приходилось при лунном свете, проникающем сквозь грязные окна. Украл Адам пару дешевых брюк, белую рубашку, черные туфли и шляпу да клеенчатый дождевик, примерив предварительно все вещи. Прежде чем выйти на улицу через окно, он неторопливо осмотрелся по сторонам, желая убедиться, что не оставил за собой беспорядка. Из вещей, которых в лавке было мало, Адам не

взял ничего и даже не заглянул в ящик кассы. Осторожно опустив раму, он стал передвигаться перебежками от одного темного участка к другому.

Днем Адам скрывался, а на поиски еды отправлялся ночью и брал продукты, пропажу которых никто не заметит: репу, пару кукурузных початков из кормушки или несколько яблок-падалиц. Новенькие туфли он натер песком, чтобы их блеск не привлекал внимания, а дождевик старательно измял, и теперь он выглядел изрядно поношенным. Долгожданный дождь пошел через три дня, а возможно, беглец просто внушил себе, что для пушей безопасности он просто необходим.

Дождь начался ближе к вечеру, и Адам ждал наступления темноты, закутавшись в дождевик. Когда совсем стемнело, он, окунувшись в промозглую сырую ночь, направился в Валдосту, натянув на глаза шляпу и завязав дождевик под самым горлом. Добравшись до железнодорожной станции, Адам заглянул в залитое дождем окно. Начальник станции, в зеленом козырьке и черных нарукавниках, высунувшись из окошка кассы, болтал с приятелем, который ушел только минут через двадцать. Адам проводил его взглядом до конца платформы и, пытаясь унять волнение, сделал глубокий вдох и зашел внутрь.

2

Письма приходили Чарльзу редко, и иногда он не появлялся на почте неделями. В феврале 1894 года на его имя пришел толстый пакет из Вашингтона от адвокатской конторы, и начальник почтового отделения, решив, что письмо важное, сам отправился пешком на ферму Трасков, где застал Чарльза за колкой дров. Вручив пакет адресату, он стал ждать, пока тот прочтет письмо и поделится новостями. Ведь не зря же он проделал долгий путь, хлопоча о чужих делах.

Не обращая внимания на начальника почты, Чарльз неторопливо прочел все пять страниц, а потом принялся перечитывать послание, безмолвно шевеля губами. Наконец он сложил письмо и направился к дому.

– Что-нибудь случилось, мистер Траск? – крикнул вслед почтмейстер.

– У меня умер отец, – ответил Чарльз и, зайдя в дом, закрыл за собой дверь.

– Сильно переживал, – рассказывал потом начальник почты в городе. – Так убивался, но воли чувствам не давал. Человек он неразговорчивый и все держит в себе.

Зайдя в дом, Чарльз зажег лампу, хотя еще не стемнело. Он положил письмо на стол и, прежде чем снова приступить к чтению, вымыл руки.

Послать телеграмму было некому, и адвокаты отыскивали адрес Чарльза среди бумаг отца. В письме они выражали соболезнования, не скрывая при этом радостного возбуждения. Составляя завещание Траска, адвокаты думали, что старик оставит сыновьям несколько сотен долларов. Во всяком случае, эту сумму они определили по внешнему виду клиента. Однако при изучении его банковских счетов обнаружилось, что Траск оставил девяносто три тысячи долларов да еще десять тысяч в ценных бумагах. В связи с этим открытием отношение к мистеру Траску в корне изменилось, ибо люди, располагающие такими средствами, причисляются к рангу богатых, им не о чем беспокоиться и можно спокойно основывать собственную династию. Адвокаты поздравляли Чарльза и Адама, так как по условиям завещания наследство делилось поровну. Затем следовал перечень личных вещей покойного: пять парадных сабель, врученных Сайрусу на съездах «Великой армии Республики», вырезанный из оливкового дерева и украшенный золотой пластинкой молоток председателя собрания, масонский брелок для часов в виде циркуля и угольника, инкрустированный бриллиантами между делениями, золотые коронки от зубов, которые Сайрус заменил на вставные челюсти, серебряные часы, трость с золотым набалдашником и многое другое.

Чарльз прочел письмо дважды и, обхватив голову руками, задумался о брате. Ему очень хотелось, чтобы Адам вернулся домой.

Чарльз пребывал в растерянности, будто его загнали в тупик. Он развел огонь, поставил на плиту сковородку и стал нарезать кусками шпик. Вскоре он снова вернулся к письму, но вдруг схватил его и засунул в ящик кухонного стола с твердым намерением забыть о нем до поры до времени.

Разумеется, ни о чем другом Чарльз уже думать не мог, и его мысли блуждали по замкнутому кругу, неизменно возвращаясь к исходной точке, где не давал покоя мучительный вопрос: «Где он раздобыл столько денег?»

Когда два события имеют нечто общее по характеру, времени или месту, мы радостно делаем скоропалительный вывод, что это не случайное совпадение, создаем легенду и охотно пересказываем всем желающим. Никогда прежде Чарльзу не приносили на ферму писем, а тут еще через пару недель прибежал мальчишка с телеграммой в руках. Впоследствии он всегда связывал между собой эти два события, как обычно проводят параллель между двумя смертями и ждут третьей. Зажав в руке телеграмму, Чарльз поспешил на железнодорожную станцию.

– Послушай-ка, что я тебе прочту, – обратился он к телеграфисту.

– Я уже и так прочел.

– Как это?

– Ее же передали по телеграфу, – пояснил телеграфист, – и я сам записывал.

– А, ну да, конечно. «Срочно вышли сто долларов. Еду домой. Адам».

– Прислали наложенным платежом, – продолжил телеграфист. – Ты должен шестьдесят центов за доставку.

– Валдоста, Джорджия. Никогда не слышал о таких местах.

– Я тоже, но телеграмма пришла именно оттуда.

– Послушай, Карлтон, а как отправить телеграфом деньги?

– Неси сто два доллара шестьдесят центов, и я отправлю в Валдосту телеграмму, чтобы Адаму выплатили сто долларов. А мне ты должен шестьдесят центов.

– Да я заплачу, но как узнать, что деньги получит Адам? Как бы их не прикарманил кто-нибудь другой.

Телеграфист с видом человека, умудренного житейским опытом, изобразил на лице улыбку.

– Послушай, как поступают в подобных случаях. Ты придумываешь вопрос, ответ на который знает только твой брат, и я посылаю телеграфисту в Валдосте и вопрос, и ответ. Телеграфист задаст парню вопрос, и если тот не ответит, денег ему не дадут.

– Хитро придумано, ничего не скажешь. Пойду сочиню вопрос потруднее.

– Лучше неси сто долларов, пока старина Бинс не закрыл телеграф.

Чарльз пришел в восторг от предложенной телеграфистом игры и вскоре вернулся, сжимая в кулаке деньги.

– Придумал вопрос, – радостно доложил он.

– Надеюсь, это не второе имя вашей матушки. Многие таких вещей не помнят.

– Ничего похожего. Слушай и записывай: «Что ты подарил отцу в день рождения, перед тем как ушел в армию?»

– Хороший вопрос, но уж больно длинный. А нельзя его сократить до десяти слов?

– Давай пиши, не тебе платить! А теперь ответ: щенка.

– Да уж, поди догадайся! – восхитился Карлтон. – Ну да ладно, платить и правда не мне.

– Вот будет потеха, если Адам забыл, – усмехнулся Чарльз. – Тогда ему вовек не добратся до дома.

3

От городка до фермы Адам добирался пешком. Его рубашка потемнела от грязи, а остальная ворованная одежда выглядела помятой и замызганной, так как целую неделю он спал не раздеваясь. Остановившись между домом и амбаром, Адам прислушался, и в следующее мгновение из нового сарая для хранения табака послышались удары молотка.

– Эй, Чарльз! – позвал Адам.

Удары прекратились, наступила тишина, и Адаму показалось, что брат наблюдает за ним сквозь щели в стене. Но Чарльз уже вышел из сарая и спешил ему навстречу. Братья пожали друг другу руки.

– Ну, как ты?

– Прекрасно, – ответил Адам.

– Господи, а какой тощий!

– Да, и к тому же постарел.

Чарльз осмотрел брата с ног до головы:

– Не похоже, что ты преуспел в жизни.

– Ты прав.

– А где твой чемодан?

– Нет никакого чемодана.

– Господи, где же тебя носило столько времени?!

– Да так, где придется.

– Неужели бродяжничал?

– Случалось.

Прошло столько лет, лицо Чарльза избородили морщины, а темные глаза покраснели, но Адам по старой памяти мгновенно понял, что брат, помимо заданного вопроса, думает о чем-то еще.

– Почему ты не ехал домой?

– Пристрастился к бродячей жизни и никак не мог остановиться. Она засасывает, как тряпина. Какой у тебя страшный шрам на лице.

– Я о нем писал. С каждым днем становится все безобразнее. Почему не писал? Есть хочешь?

Чарльз то засовывал руки в карманы, то снова вынимал и начинал тереть подбородок и почесывать голову.

– Может, еще и пройдет. Я как-то встретил человека, бармена, так у него отметина с рождения. Похожа формой на кошку. Его так и прозвали Котом.

– Проголодался? – снова спросил Чарльз.

– Да, очень.

– Собираешься остаться здесь?

– Наверное. Может, зайдём в дом?

– Да-да, конечно, – эхом откликнулся Чарльз. – Отец умер.

– Знаю.

– Откуда, черт возьми, тебе это известно?

– Начальник станции сказал. Когда он умер?

– Около месяца назад.

– Что случилось?

– Воспаление легких.

– Где похоронили, здесь?

– Нет, в Вашингтоне. Я получил письмо и газеты. Его везли на лафете, а сверху накрыли флагом. На похоронах присутствовал вице-президент, а президент прислал венок. В газетах все написано, и фотографии есть. Я покажу. Все сохранил.

Адам внимательно изучал лицо брата, пока тот не выдержал и отвернулся.

– На что-то сердисься? – поинтересовался Адам.

– С какой стати мне сердиться?

– Мне показалось...

– Да не с чего мне сердиться. Пошли, покормлю тебя.

– Хорошо. Долго он болел?

– Нет, это была скоротечная пневмония, и он буквально сгорел.

Чарльз явно о чем-то умалчивал. Ему очень хотелось поделиться, но он не знал, как начать, и говорил о разной ерунде. Адам ничего не отвечал. Наверное, лучше всего сейчас помолчать и дать Чарльзу возможность походить вокруг да около, а уж потом он выложит свою тайну.

– Я не очень-то верю в послания с того света, – признался Чарльз. – Хотя как знать? Некоторые люди утверждают, что им были знамения. Взять хотя бы Сару Уитберн. Старуха клянется, что получала оттуда весточки. Даже не знаешь, что и думать. А у тебя никаких знамений не было? Да что ты все молчишь, будто язык проглотил?

– Просто думаю, – откликнулся Адам.

И он действительно думал и удивлялся своим мыслям. «Надо же, я больше не боюсь брата! Раньше боялся до смерти, а вот теперь – нет. А почему? Может, все дело в армии? Или каторге? Или сыграла роль смерть отца? Да, все может быть, но я не понимаю причины». Адам перестал испытывать страх перед Чарльзом, зная, что может говорить свободно, не задумываясь над каждым словом и не опасаясь нажать неприятности, как бывало раньше. Прекрасное чувство, как будто он умер, а потом воскрес из мертвых.

Братья зашли на кухню, которую Адам помнил с детства, но теперь она казалась другой, меньше размером и более убогой.

– Послушай, Чарльз, – обратился Адам к брату, стараясь придать голосу веселость, – по моему, тебе не терпится что-то рассказать, но почему-то ты все ходишь кругами, как терьер вокруг норы. Давай выкладывай все как на духу, и дело с концом.

Чарльз поднял голову, и его глаза сверкнули гневом. Власть над братом была утрачена. «Я больше не смогу его отколотить», – в отчаянии подумал он.

– Наверное, грешно веселиться, когда мы только что похоронили отца, – с усмешкой сказал Адам. – Но знаешь, Чарльз, никогда в жизни мне не было так хорошо. Ну же, Чарльз, перестань себя грызть, облегчи душу.

– Ты любил отца? – спросил вдруг Чарльз.

– Не отвечу, пока не скажешь, куда клонишь.

– Так любил или нет?

– А тебе-то какое дело?

– Отвечай.

Пьянящее чувство полной свободы овладело всем существом Адама.

– Хорошо, отвечу. Нет, не любил. Иногда он внушал страх, а порой... ну да, он вызывал у меня восхищение. Но по большей части я его ненавидел. А теперь скажи, почему ты об этом спрашиваешь?

Чарльз внимательно изучал свои руки, потом тихо откликнулся:

– Не знаю. Только до меня никак не доходит. Ведь отец любил тебя больше всего на свете.

– Верится с трудом.

– Ну и не верь, дело твое. Отцу нравилось все, что ты ему приносил, а вот меня он не любил, и мои подарки тоже. Помнишь, как я подарил ему перочинный ножик? Чтобы его

купить, пришлось наколоть и продать кучу дров, а отец даже не взял его с собой в Вашингтон. Ножик и сейчас лежит у него в комод. А ты подарил щенка, который не стоил и цента. Я покажу тебе фотографию этого пса. Он был на похоронах, совсем слепой от старости. Его держал на руках какой-то полковник. После похорон пса пристрелили.

Адама озадачил свирепый тон брата.

– Не понимаю, куда ты клонишь, – удивился он.

– Я его любил, – признался Чарльз и впервые на памяти Адама расплакался, обхватив голову руками.

Адам хотел было подойти к брату, но в душе шевельнулся знакомый скользкий страх. «Нет, – подумал он, – если я к нему прикоснусь, он попытается меня убить». И Адам, подойдя к открытой двери, выглянул на улицу. А за спиной сопел и всхлипывал младший брат.

Участок рядом с домом представлял собой неприглядное зрелище, да и в прежние времена он выглядел довольно убого. Повсюду мусор, неопрятность и запустение. Постройки разбросаны беспорядочно, цветов нет и в помине, на земле валяются обрывки бумаги и щепки. Сам дом тоже не блистал красотой: добротное строение, где можно укрыться от непогоды, переночевать и приготовить пищу. И ферма, и дом производили гнетущее впечатление. Жилище, не согретое ничьей любовью и абсолютно безразличное к своим обитателям. Да разве можно назвать это место родным домом, куда тянет вернуться, как бы далеко и долго ты ни странствовал? Адам вдруг вспомнил о мачехе, такой же нелюбимой, как эта неуютная постройка. Она всегда выполняла свои обязанности и, как могла, старалась поддержать чистоту и порядок, но назвать Элис хозяйкой и хранительницей семейного очага язык не поворачивался. Это прозвучало бы так же нелепо, как слова «отчий дом» по отношению к неухоженной избе Трасков.

Брат перестал всхлипывать, и Адам оглянулся. Чарльз смотрел перед собой пустым взглядом.

– Расскажи мне о матери, – попросил Адам.

– Она умерла, я же писал.

– Нет, расскажи мне о ней.

– Я же сказал, она давно умерла, да и вообще не была тебе матерью.

В памяти Адама всплыло озаренное тихой улыбкой лицо Элис, когда он тайком подсматривал за мачехой. Оно, как живое, стояло перед глазами.

Голос Чарльза ворвался в воспоминания и разрушил видение:

– Ответь мне на один вопрос. Не торопись и хорошенько подумай. Только скажи правду или вообще не отвечай. – Чарльз молча шевелил губами, обдумывая вопрос. – Как думаешь, мог отец быть человеком бесчестным?

– Что ты имеешь в виду?

– Разве я неясно выразился? У слова «бесчестный» только одно значение.

– Не знаю, – откликнулся Адам. – Не знаю, что и сказать. Никто его так не называл. Сам подумай, он запросто ночевал в Белом доме, и вице-президент пришел на его похороны. Разве он похож на бесчестного человека? Ну хватит тянуть резину, Чарльз, – взмолился Адам, – давай выкладывай все, что ты собирался рассказать, как только я появился на пороге.

Младший брат облизнул пересохшие губы, лицо побледнело, будто из Чарльза выпустили кровь, а вместе с ней ушла вся жизненная сила и ярость.

– Отец оставил завещание, – произнес он без выражения. – Разделил наследство между нами поровну.

– Вот и будем жить на ферме, – рассмеялся Адам. – Надеюсь, с голода не умрем.

– Там сто с лишним тысяч долларов, – сообщил Чарльз бесцветным голосом.

– Да ты спятил. Сто долларов – еще куда ни шло. Откуда ему взять такие большие деньги?

– Ошибки нет. Его жалование в «Великой армии Республики» составляло сто тридцать пять долларов в месяц. Отец сам платил за номер в гостинице и еду и получал на дорожные расходы по пять центов за милю, да еще ему оплачивали гостиницу.

– Возможно, он получал эти деньги с самого начала, а мы и не знали.

– Ничего он не получал.

– Тогда почему не обратиться в «Великую армию Республики» и не поинтересоваться? Может, кто-нибудь и знает.

– Лучше не нарываться, – возразил Чарльз.

– Да не заводись ты с пол-оборота. Ведь есть еще игра на бирже, и многим удалось разбогатеть. Он ведь знался с важными людьми и, возможно, участвовал в выгодном деле. Вспомни золотую лихорадку. Люди ехали в Калифорнию и возвращались богачами.

Лицо Чарльза приобрело горестное выражение, а голос стал таким тихим, что Адаму пришлось наклониться совсем близко, чтобы расслышать. Чарльз говорил без всякого выражения, словно читал заученный рапорт:

– Отца призвали в Армию Союза в июне 1862 года, и три месяца он проходил подготовку в нашем штате. Значит, до сентября. Потом его отправили на юг, а двенадцатого октября он был ранен в ногу и направлен в госпиталь. И уже в январе отец вернулся домой.

– Не пойму, куда ты клонишь.

– Он не воевал в Чанселлорсвилле. – С губ Чарльза срывались тихие, полные горечи слова. – Не было его ни под Геттисбергом, ни в Уилдернессе, и не сражался он в Ричмонде и Аппоматтоксе.

– Откуда ты знаешь?

– Из послужного списка. Его прислали вместе с другими документами.

Адам глубоко вздохнул. В груди клокотала бешеная радость, словно кто-то колотил кулаками изнутри. Он недоверчиво покачал головой.

– И как только он умудрился? – недоумевал Чарльз. – Как, черт побери, отцу это удалось? И никто не усомнился. Разве тебе приходило в голову, что он врет? И мне тоже. И мать не сомневалась. Да вообще никто. Поверили даже в Вашингтоне.

Адам поднялся с места:

– Дадут в этом доме поесть? Пойду сам разогрею.

– Вчера вечером я зарезал курицу. Сейчас зажарю, только придется малость подождать.

– А что-нибудь побыстрее?

– Есть соленый окорок и яйца.

– Подходит, – согласился Адам.

Оставшийся без ответа вопрос повис в воздухе, и братья старательно его обходили, боясь нечаянно задеть. О больной теме не обмолвились ни словом, но все мысли сосредоточились только на ней. Они хотели обсудить дела отца и не могли. Чарльз жарил окорок с яичницей и поставил на огонь котелок с бобами.

– Я распахал луг и засеял рожью, – сообщил он брату.

– Ну и какой урожай?

– Прекрасный, после того как я очистил землю от камней. – Он потрогал шрам на лбу. – Вот тогда-то и получил эту заразу. Никак не мог сдвинуть булыжник.

– Да, ты писал. Не помню, говорил ли я, как много значили для меня твои письма.

– Ты никогда не распространялся о службе в армии, – заметил Чарльз.

– Просто старался не задумываться. Сказать по правде, паршивая штука.

– Я читал в газетах о военных кампаниях. Ты тоже в них участвовал?

– Участвовал, только не хочу об этом вспоминать. До сих пор тошно.

– И что, случалось убивать индейцев?

– Да, приходилось.

- Наверное, мерзкие людишки.
- Должно быть, так.
- Не хочешь – не рассказывай.
- Не хочу.

Ужинали при свете керосиновой лампы.

– Надо бы вымыть абажур, тогда станет светлее, – заметил Чарльз.

– Я вымою, – вызвался Адам. – Ведь всех дел не упомнишь.

– Хорошо, что ты вернулся. Теперь все пойдет по-другому. Не хочешь сходить после ужина в трактир?

– Посмотрим. Пожалуй, лучше посижу дома.

– Я ведь тебе не писал, что в трактире есть девочки. Уж и не знаю... Может, все-таки надумаешь пойти со мной. Их меняют каждые две недели. Как у тебя насчет этого? Не хочешь на них взглянуть?

– Девочки?

– Да, там, наверху. Очень удобно. Вот я и решил, раз ты вернулся...

– Сегодня не хочу. Как-нибудь потом. И дорого они берут?

– Доллар. Девчонки-то в основном премиленькие.

– Потом, – повторил Адам. – Интересно, как их туда пускают.

– И я поначалу удивлялся. Но у них там все схвачено.

– Часто туда навещаешься?

– Каждые две-три недели. У одинокого мужчины жизнь тоскливая.

– Ты как-то писал, что подумываешь жениться.

– Да, собирался, да вот невесты подходящей не нашел.

Братья так и ходили вокруг да около главной темы, порой уже были готовы ее затронуть, но уже в следующий момент передумывали и снова пускались в разговоры об урожае, местных сплетнях, политике и болезнях. Они оба понимали, что рано или поздно придется вернуться к большому вопросу. Чарльзу не терпелось сразу приступить к делу, но в отличие от Адама у него было время все обдумать. Что до Адама, обрушившиеся на него чувства и переживания оказались новыми и непривычными, и он предпочел бы отложить разговор на завтра, хотя понимал, что брат этого не допустит. Наконец он не выдержал и сказал без обиняков:

– Пойдем спать. Утро вечера мудренее. Поговорим завтра.

– Ладно, как скажешь, – согласился Чарльз.

Постепенно темы для разговора иссякли. Братья успели обсудить всех знакомых и местные новости. Беседа зашла в тупик, а время шло.

– А не пойти ли нам спать? – снова предложил Адам.

– Посидим еще немножко.

Братья молчали, а по дому бродила неугомонная ночь, подталкивая их к решающему разговору.

– Жаль, что не удалось попасть на похороны, – начал Чарльз.

– Наверное, они были пышными.

– Хочешь взглянуть на вырезки из газет? Я храню их у себя в комнате.

– Нет, сейчас не стоит.

Чарльз резко развернулся вместе со стулом и положил локти на стол.

– Нам надо во всем разобраться, – заявил он, явно нервничая. – Как ни тяни, но, черт побери, придется решать, как жить дальше.

– Понятно, – согласился Адам. – Просто мне нужно время, чтобы подумать.

– И что толку? У меня времени было навалом, а я так ни до чего и не додумался. Старался все забыть, но мысли так и лезут в голову. Думаешь, время хороший помощник в подобных делах?

– Пожалуй, нет. Твоя правда. С чего хочешь начать? Все равно ни о чем другом не думается.

– Деньги, – начал Чарльз, – осталось больше ста тысяч долларов. Целое состояние.

– Ну и что?

– Откуда они взялись?

– Почему мне знать? Я уже говорил, что он мог играть на бирже, или кто-нибудь в Вашингтоне взял его в выгодное дело.

– А сам-то ты в это веришь?

– Я вообще ничему не верю, – заявил Адам. – Как можно верить или не верить в то, чего не знаешь?

– Это огромные деньги, – продолжал Чарльз. – Нам досталось целое состояние, и на него можно жить припеваючи всю оставшуюся жизнь. А еще можно купить уйму земли, которая будет приносить доход. Похоже, до тебя еще не дошло, что мы стали богачами. Богаче всех в округе.

– Ты говоришь таким тоном, будто читаешь себе приговор, – рассмеялся Адам.

– Откуда они взялись? – настаивал Чарльз.

– А тебе что за забота? – удивился Адам. – Может, не забивать себе голову ерундой и пожить в свое удовольствие?

– Он не сражался под Геттисбергом и вообще не участвовал ни в одном сражении за всю войну. И ранили его в обычной перестрелке, а все его рассказы – сплошное вранье.

– Ну и куда ты все-таки клонишь? – снова поинтересовался Адам.

– Похоже, отец эти деньги украл, – горестно вздохнул Чарльз. – Ты спросил, и я говорю, что думаю.

– А тебе известно, где он их украл?

– Нет.

– Тогда откуда ты взял, что отец их украл?

– Он все врал про войну.

– Ну и что?

– А то. Если он пошел на такой обман, то мог и украсть.

– Каким образом?

– Он же занимал высокие должности в «Великой армии Республики» и мог запустить руку в казну или подделать какие-нибудь документы.

– Ну, если дело обстоит так, как ты предполагаешь, – вздохнул Адам, – то почему ты им не напишешь и не поделишься своими подозрениями? Пусть проверят бухгалтерские книги, и если обнаружат мошенничество, мы можем вернуть деньги.

Лицо Чарльза исказила страдальческая гримаса, и шрам на лбу стал еще заметнее.

– Сам вице-президент присутствовал на его похоронах, а президент прислал венок. За гробом на полмили выстроилась вереница экипажей, и сотни людей шли пешком. А знаешь, кто нес гроб?

– Не пойму, зачем ты уже в который раз это говоришь?

– Представь, мы докажем, что отец был вором. Тогда выплывет наружу, что он не сражался под Геттисбергом и вообще нигде не воевал. И все узнают, что он был лжецом и всю жизнь врал. А если он когда и говорил правду, никто уже этому не поверит.

Адам сидел не двигаясь, во взгляде не было тревоги, но бдительности он не утратил.

– А я-то думал, ты любил отца, – спокойно заметил он, испытывая чувство облегчения, как человек, только что обретший свободу.

– Да, я его любил и сейчас люблю. И потому мне страшно подумать, что жизнь отца пропала зря. Понимаешь, все пошло насмарку. А могила? Ее могут раскопать, а отца вышвырнуть на улицу. – Голос Чарльза дрожал от боли. – А ты-то его любил?! – выкрикнул он в лицо брату.

– До этого момента я и сам не знал, – признался Адам. – Не мог разобраться в своих чувствах. Нет, я его не любил.

– Тогда тебе наплевать, что его жизнь прошла впустую, а его несчастное тело выруют из земли... Господи, да что же это такое!

Адам лихорадочно подбирает слова, чтобы лучше выразить свои чувства.

– А меня это и не должно волновать.

– Разумеется, – с горечью согласился Чарльз. – Если ты его не любил, то чего переживать? Можешь даже присоединиться к глумящейся толпе и полить его грязью.

Адам понимал, что брат больше не представляет опасности. Повод для ревности исчез, отцовские грехи легли всей тяжестью на Чарльза, зато теперь отец принадлежит только ему, и уже никто не может его отнять.

– И как ты собираешься пойти в город и посмотреть людям в глаза, когда все станет известно? – требовательно спросил Чарльз.

– Я уже сказал, что меня это не волнует. С какой стати я должен переживать, если не верю ни единому слову.

– И чему же ты не веришь?

– Не верю, что он украл деньги, но не сомневаюсь, что отец воевал и принимал участие во всех сражениях, о которых рассказывал.

– Есть доказательства! А как же послушной список?

– У тебя нет никаких доказательств, что он украл деньги, и ты просто сам все выдумал, потому что не знаешь, откуда они взялись.

– Но его армейские документы...

– Там может быть ошибка, – настаивал Адам. – Не сомневаюсь, что там ошибка, и верю в своего отца.

– Ничего не понимаю.

– Попробую объяснить. Имеются веские доказательства, что Бога не существует, но множество людей верит, что он есть, и их веру не могут поколебать никакие доказательства.

– Ты ведь признался, что не любил отца. Как же ты можешь в нем не сомневаться?

– Возможно, в этом-то и кроется главная причина. – Адам говорил медленно, обдумывая каждое слово. – Если бы я любил отца, то испытывал бы ревность, как ты. Вероятно, любовь делает людей подозрительными и заставляет сомневаться. Ведь когда любишь женщину, все время в ней сомневаешься, потому что не уверен в себе самом, так? Теперь я это ясно понимаю. Знаю, как ты его любил, и вижу, что эта любовь с тобой натворила. А вот я отца не любил, хотя он меня, может быть, и любил. Он все время меня испытывал, обижал и наказывал и в конце концов вообще отослал в армию, будто принес в жертву во искупление каких-то своих грехов. А тебя он хоть и не любил, зато не сомневался в тебе. Похоже... Ну да, сдается, тут все шиворот-навыворот.

– Ничего не понимаю, – признался Чарльз, в изумлении глядя на брата.

– Я и сам еще не до конца понял. Только пытаюсь разобраться. Эта мысль пришла в голову недавно. Но сейчас мне хорошо. Никогда в жизни не чувствовал себя лучше. Будто избавился от чего-то лишнего. Возможно, потом стану таким, как ты, но не сейчас. А пока мне просто хорошо.

– Не понимаю, – повторил Чарльз.

– Неужели трудно понять, что я не считаю отца ни вором, ни лжецом?

– Но документы...

– Плевать на документы, они ничего не значат в сравнении с моей верой в отца.

– Значит, ты возьмешь деньги? – спросил Чарльз, тяжело дыша.

– Разумеется.

– Даже если он их украл?

- Ничего он не крал и не мог украсть.
- Все равно не понимаю, – твердил Чарльз.
- Не понимаешь? Похоже, в этом-то и кроется весь секрет. Послушай, я раньше об этом никогда не говорил. Помнишь, как ты меня отколотил перед уходом в армию?
- Помню.
- А помнишь, что было дальше? Ты вернулся с топором в руках, чтобы меня убить.
- Не помню. Должно быть, у меня помутился рассудок.
- Тогда я не понимал, но теперь точно знаю – ты сражался за свою любовь.
- За любовь?
- Да, – подтвердил Адам. – Мы будем расходовать деньги с пользой. Может, останемся здесь или уедем... Скажем, в Калифорнию. Посмотрим, как нам жить дальше. И разумеется, нужно поставить отцу солидный красивый памятник.
- Никуда я отсюда не поеду, – заявил Чарльз.
- Поживем – увидим. Торопиться некуда. У нас много времени, чтобы все хорошенько обдумать.

Глава 8

1

Я верю, что нормальные родители могут дать жизнь чудовищу. Всем нам доводилось встречаться с уродливыми существами с огромной головой и маленьким хилым тельцем. Одни рождаются без рук и ног, а у других бывает по три руки, безобразный хвост или рот находится совсем не на том месте, где полагается. Принято думать, что своим появлением на свет они обязаны роковой случайности и ничьей вины тут нет. Правда, в прежние времена их считали наглядной карой за тайные грехи.

И коль в мире рождаются создания с всевозможными физическими пороками, почему не появиться на свет божий и людям с уродствами моральными и психическими? Лицо и тело у них может поражать безупречной красотой, но если по вине взбунтовавшегося гена или неполноценной яйцеклетки появляются существа с врожденным физическим уродством, вполне резонно предположить, что аналогичный процесс приведет к рождению людей с деформированной, ущербной душой.

Уроды представляют собой в большей или меньшей степени отклонение от общепринятой нормы, и точно так же, как ребенок появляется на свет без руки, он может родиться без зачатков доброты или совести. Человек, лишившийся рук в результате несчастного случая, вынужден преодолевать массу трудностей, приспособляясь и свыкаясь с потерей, а безрукий от рождения страдает только по вине людей, которые считают его странным, не таким, как все. У него никогда не было рук, он не может осознать, что означает их иметь, и потому не ощущает их отсутствия. Порой в детстве мы представляем, что у нас вдруг выросли крылья, но это ощущение совсем не похоже на то, что владеет птицами. В понимании урода общепринятая норма выглядит чудовищно безобразной, потому что каждый человек считает нормальным именно себя. Для человека, наделенного внутренними, не видимыми глазу пороками, понятие «норма» является еще более расплывчатым, так как его внешность не отличается от других людей. Родившемуся без совести человек с чуткой ранимой душой кажется смешным и нелепым, а в глазах преступника честность выглядит беспросветной глупостью. Следует помнить, что уродство – это всего лишь отклонение, и любой монстр считает уродливым то, что кажется нормальным другим людям.

Я убежден, что Кэти Эймс родилась с наклонностями (или отсутствием таковых), которые определяли ее поведение и оказывали влияние в течение всей жизни. Так бывает, когда разбалансируется один маховичок, и весь механизм работает наперекосяк. С самого рождения Кэти отличалась от других людей. Подобно калеке, который научился использовать свой недостаток во благо и в определенном виде деятельности превзошел физически полноценных людей, Кэти пользовалась своей непохожестью, внося в окружающий мир смятение и мучительный разлад.

В старые времена люди назвали бы Кэти одержимой дьяволом, начали бы изгонять из нее злого духа, и если бы многократные попытки не дали должного результата, сожгли как ведьму на костре, во имя всеобщего блага. Единственное, что не прощается ведьме, это ее умение причинять людям горе, вселять чувство беспокойства и тревоги, а порой и зависти.

Природа будто расставила тщательно спрятанные силки, наградив Кэти невинным ангельским личиком, чудесными золотистыми волосами и карими глазами с поволокой, которые придавали ей загадочный и томный вид. Маленький изящный носик, высокие, широко поставленные скулы, соскальзывающие к узкому подбородку, делаая лицо похожим на сердечко. Красиво очерченный, хотя и слишком миниатюрный ротик с пухлыми губами, как говорят, настоящий «розовый бутон». Крошечные уши без мочек так плотно прилегают, что совсем не

бросаются в глаза даже с поднятыми в высокую прическу волосами. Так, тоненькие лоскутки, приклеенные к голове.

Даже став взрослой женщиной, Кэти сохранила фигуру подростка. У нее были тонкие руки с изящными кистями, а грудь так и не развилась в полной мере. До того как она созрела, соски оставались втянутыми, а в десять лет грудь начала болеть, и матери пришлось вытаскивать их наружу. Фигурой Кэти напоминала мальчика-подростка, с узкими бедрами, прямыми ногами и тонкими, но не слишком изящными лодыжками. Ступни ног маленькие, широкие и округлые, с высоким подъемом, похожие на копытца. Кэти была прелестным ребенком и превратилась в очаровательную молодую женщину. Ее нежный голос с легкой хрипотцой порой звучал так сладко, что никто не мог устоять перед его чарами. Однако в глотке Кэти, должно быть, имелся стальной трос, потому что в случае нужды ее голос мог резануть не хуже слесарной пилы.

Даже в детские годы в Кэти было нечто, неизменно привлекающее внимание людей. Взглянув на нее, люди отворачивались, но тут же снова оглядывались, охваченные неясной тревогой. В ее глазах притаилось нечто неведомое, но когда люди смотрели на нее во второй раз, оно куда-то исчезало. Двигалась Кэти неспешно и говорила мало, однако стоило ей зайти в комнату, и все взгляды устремлялись на нее.

Она будила в людях чувство тревоги, но не настолько, чтобы ее сторонились. И мужчинам, и женщинам хотелось получше ее рассмотреть, постоять рядом и выяснить причину исходящего от нее смутного беспокойства. Поскольку Кэти сталкивалась с таким явлением всю жизнь, то не находила в нем ничего странного.

Кэти во многом отличалась от остальных детей, однако одна черта особенно выделяла ее среди ровесников. Дети, как правило, не любят выделяться из общей массы и стремятся подражать поведению, одежде и разговору товарищей.

Если у них вдруг входит в моду чудовищный в своей нелепости наряд, ребенок, лишенный возможности в него облачиться, страшно переживает. Стань в детской среде популярным ожерелье из свинных отбивных, и мальчик или девочка, не имеющие такого украшения, будут безутешны. Рабское подражание большинству обычно распространяется на все сферы жизни, будь то игры или любое другое занятие. Стремление к одинаковости играет у детей роль своего рода защитной окраски, которая обеспечивает безопасность.

С Кэти ничего подобного не происходило. Она никому не подражала ни в одежде, ни в поведении, и носила все, что пожелает. В результате другие дети начинали ей подражать.

Когда Кэти подросла, ровесники, представляющие собой, как любой детский коллектив, подобие стада, стали замечать, что она является существом чужеродным и странным. Взрослые поняли это уже давно. Теперь дети предпочитали общаться с Кэти только с глазу на глаз, а веселые стайки мальчишек и девчонок обходили ее стороной, будто она излучала неведомую опасность.

Кэти была отчаянной лгуньей, но и врала она не так, как другие дети. Ее ложь не имела ничего общего с фантазией, когда ребенок что-нибудь выдумывает и в своих рассказах выдает за действительность и сам начинает в это верить. Всего лишь небольшое отступление от реальной жизни. Мне кажется, выдумка отличается от лжи тем, что рассказчик, стараясь придать истории правдоподобие, берет на вооружение все атрибуты правды, чтобы увлечь слушателя, а заодно увлекается и сам. Ни выгоды, ни убытка никому нет. Что касается лжи, то она является орудием наживы или средством избежать неприятностей. Полагаю, если строго придерживаться этой сентенции, писателя, обеспечивающего свое финансовое процветание за счет литературного творчества, можно смело назвать лжецом.

Ложь в устах Кэти не имела ничего общего с невинными фантазиями и всегда преследовала корыстные цели: избежать наказания, отвертеться от работы или ускользнуть от ответственности. Чаще всего лжецы попадают впросак по забывчивости или при внезапном столк-

новении с неопровержимой правдой. Однако Кэти забывчивостью не страдала, помнила до мелочей свое вранье и разработала в высшей степени удачную систему обмана. Она старалась стереть границу между ложью и правдой, чтобы подозрения окружающих, если они возникнут, не переросли в уверенность. Применяла она и два других приема, либо искусно переплетая ложь с правдой, либо представляя правду как ложь. Если человека однажды обвинили во лжи, но впоследствии выясняется, что он говорил правду, ему обеспечено преимущество, позволяющее долгое время беззастенчиво врать.

Кэти росла в семье единственным ребенком, и у матери не имелось возможности для сравнения с другими детьми, вот она и считала, что дочь ничем не отличается от ровесников. Как всех родителей, мать Кэти мучили разного рода сомнения и тревоги, и она свято верила, что у друзей с детьми возникают такие же трудности.

Отец Кэти не разделял уверенности жены. Он владел кожевенной мастерской в одном из городков штата Массачусетс, которая, если работать не покладая рук, обеспечивала семье безбедное существование. Находясь вдали от дома, мистер Эймс общался с другими детьми и, скорее не разум, а внутреннее чутье подсказывало, что Кэти сильно отличается от ровесников. При мысли о дочери в душу закрадывалась тревога, и он не мог объяснить причину.

Почти у каждого человека в душе скрываются разного рода страстные желания, непреодолимые влечения, похотливые фантазии или неумное себялюбие, и большинство людей либо держат эти чувства в узде, либо находят тайный способ их удовлетворить. Кэти не только знала о существовании порочных помыслов у других людей, но и умела использовать их к собственной выгоде. Вполне возможно, она не верила в наличие у окружающих наклонностей иного рода и, несмотря на исключительное внутреннее чутье, в некоторых вопросах оставалась незрячей.

Совсем в юном возрасте она поняла, что зов плоти с сопутствующими ему вздыханиями, страданиями, вспышками ревности и всевозможными запретами представляет собой влечение, которое больше всего будоражит человека и вносит смуту в его жизнь. В то время оно причиняло еще больше тревог и волнений, чем в наши дни, так как считалось запретной темой. Каждый тщательно скрывал бушующее внутри пламя, делая вид, что его просто не существует, а когда оно обрушивалось на человека всей мощью, тот оказывался совершенно беспомощным перед этой стихией. Кэти быстро уяснила, что если умело манипулировать этой особенностью человеческой природы, можно подчинить своей власти кого угодно. С одной стороны, плотское влечение является оружием, а с другой – само представляет серьезную угрозу. Мало у кого хватит сил ему противостоять. Кэти никогда в жизни не находилась во власти ослепляющей страсти, которая делает человека беспомощным, и потому, вероятно, зов плоти волновал ее мало, и она презирала тех, кто не мог бороться с этим влечением. Если задуматься, то в некотором смысле она была права.

Только представьте, какую свободу обрели бы мужчины и женщины, если бы не склонность постоянно попадаться в силки и капканы, куда их заманивает зов плоти, обрекая на адские муки и рабское существование! У такой свободы всего один недостаток: без этого влечения люди потеряли бы человеческий облик и превратились в чудовищ.

В десять лет Кэти уже кое-что знала о великой силе сексуального влечения и хладнокровно приступила к экспериментам. Планируя свои действия, она всегда действовала трезво и расчетливо, предвидя ожидающие на пути трудности и заранее к ним готовясь.

Во все времена дети увлекались эротическими играми. Думаю, каждый нормальный мальчишка бегал с девочками по кустам, прятался под плакучей ивой, в проложенной под дорогой трубе или в каком-нибудь другом укромном местечке, или хотя бы проделывал все это в мечтах. Почти всем родителям приходится рано или поздно сталкиваться с такой проблемой, и, если они еще не забыли свое детство, можно считать, что ребенку повезло. Однако в детские годы Кэти нравы были куда суровее, и родители, осуждающие любые проявления интереса к

плотским удовольствиям у взрослых, приходили в ужас, обнаружив, что запретный предмет волнует их чад.

2

Однажды весенним утром, когда роса на молодой травке, распрямляющейся под солнечными лучами, еще не успела высохнуть, а на пропитанной теплом земле уже выросли желтые одуванчики, мать Кэти развешивала выстиранное белье. Эймсы жили на окраине городка, и за их домом находился амбар с каретным сараем, а также огород и загон для двух лошадей.

Миссис Эймс вспомнила, что Кэти пошла в сторону амбара, однако, когда она громко позвала дочь, ответа не последовало, и женщина решила, что ошиблась. Она уже собиралась вернуться в дом, когда из каретного сарая послышался сдавленный смехок.

– Кэти! – громко окликнула она дочь, но та не отозвалась.

Миссис Эймс почувствовала смутную тревогу. Она воспроизвела в памяти звук голоса и поняла, что он не принадлежит Кэти, которая никогда не отличалась смешливостью.

Никто не понимает характера и причин внезапной родительской тревоги за родное чадо. Конечно, в большинстве случаев опасения оказываются беспочвенными, и, как правило, подобное случается в семьях с единственным ребенком, родители которого легко поддаются страхам его потерять.

Миссис Эймс застыла на месте, прислушиваясь. Вскоре снова послышались приглушенные голоса, и она крадучись двинулась в сторону сарая. Двустворчатые двери были закрыты, а изнутри доносилось подозрительное шушуканье, но голоса дочери миссис Эймс различить не смогла. Женщина бросилась к сараю и резко распахнула дверь. Поток солнечного света ворвался в полутемное помещение, и при виде представшего ее взору зрелища миссис Эймс застыла на пороге с отвисшей челюстью. Кэти лежала на полу с задранной до пояса юбкой, а рядом стояли на коленях два мальчика лет четырнадцати. От неожиданности они тоже словно примерзли к полу. Глаза Кэти расширились и потемнели от ужаса. Миссис Эймс знала и мальчишек, и их родителей.

Вдруг один из мальчиков вскочил с места и, пролетев стрелой мимо женщины, скрылся за углом дома. Второй мальчишка с беспомощным видом попятился от миссис Эймс и с громким криком бросился к выходу. Миссис Эймс ухватила его за шиворот, но ткань выскользнула из рук, и подросток, как ошпаренный, вылетел на улицу. Только слышался быстро удаляющийся топот ног.

Миссис Эймс хотела заговорить, но из горла с трудом вырвался сдавленный хриплый шепот:

– Вставай!

Кэти не двинулась с места, тупо уставившись на мать. Миссис Эймс только сейчас заметила, что руки дочери связаны толстой веревкой. С громким криком она опустилась на колени и принялась распутывать узлы. Потом она схватила Кэти на руки, отнесла в дом и уложила в постель.

Семейный врач, осмотрев девочку, признаков насилия не обнаружил.

– Благодарите господу, что вовремя пришли, – то и дело повторял он.

Кэти долго не разговаривала, и врач определил, что это от пережитого потрясения. Когда девочка в конце концов оправилась, то наотрез отказалась говорить о случившемся. Если Кэти задавали вопросы, ее глаза тут же расширялись от страха, дыхание замедлялось, а лицо наливалось кровью.

При разговоре с родителями мальчиков присутствовал и доктор Уильямс. Мистер Эймс большей частью молчал. Он принес веревку, которой связали руки дочери, но в глазах застыло недоумение. Отдельных деталей он так и не понял, но своими сомнениями делиться не стал.

Миссис Эймс ударилась в истерику. Она сама присутствовала на месте преступления и все видела своими глазами, а посему именно она и является главным судьей. Однако за истеричными выкриками просматривалась злобная физиономия дьявола. Женщина жаждала крови и испытывала садистское удовольствие, требуя наказания для безобразников. Город, да и всю страну нужно оградить от подобных бесчинств. Эта мысль прослеживалась красной нитью. Слава богу, она вовремя появилась на месте преступления, а что, если в другой раз повезет меньше и она не успеет? И какие чувства должны переживать другие матери? Ведь Кэти всего десять лет.

В прежние времена наказания были гораздо суровее, чем сейчас, и люди искренне верили, что кнут является орудием добродетели. Мальчиков безжалостно выпороли, сначала поодиночке, а потом обоих вместе.

Их преступление и так было тяжким, но ложь, которую они изобрели, оказалась такой наглой и беззастенчивой, что очистить от греха не мог даже кнут. Оправдания мальчишек с самого начала выглядели смехотворными. По их словам, Кэти затеяла все сама, и они заплатили девочке по пять центов, и руки ей не связывали, а с веревкой девчонка играла.

Миссис Эймс не выдержала первой, и весь город разделил ее праведный гнев. «Они что, хотят сказать, что Кэти сама связала себе руки? Десятилетний ребенок?»

Если бы мальчишки признались в содеянном преступлении, то могли бы облегчить свою участь, но упорное отрицание вины привело в ярость не только их отцов, жестоко выпоровших своих чад, но и всех обитателей городка. С одобрения родителей обоих мальчиков отправили в исправительный дом.

– Девочке не дает покоя весь этот ужас, – сетовала миссис Эймс соседям. – Если бы Кэти могла об этом поговорить, ей стало бы легче, но стоит мне задать какой-нибудь вопрос, и она словно все переживает заново и цепенеет от ужаса.

Эймсы никогда больше не напоминали дочери об этой истории. Тема считалась запретной. Мистер Эймс вскоре выбросил из головы преследовавшие его сомнения. Не слишком приятно осознавать, что два мальчика угодили в исправительный дом за преступление, которого не совершали.

Когда Кэти окончательно оправилась от пережитого потрясения, дети поначалу ее сторонились, но потом стали тянуться к ней, как зачарованные. В отличие от других девочек-подростков Кэти ни в кого не влюблялась, и мальчишки из боязни быть осмеянными приятелями не осмеливались провожать ее из школы. Тем не менее ее влияние на сверстников было огромным, и когда кто-нибудь из мальчишек все же отваживался подойти, то чувствовал, что его влечет к этой девочке непреодолимая таинственная сила.

Кэти росла прелестной, полной изящества и грации девочкой с тихим проникновенным голосом. Одна любила совершать долгие прогулки в одиночестве и редкий день не сталкивалась во время них с каким-нибудь мальчиком. Слухи ползли разные, однако никто точно не знал, чем Кэти занимается, а если что и было, то об этом только перешептывались, что само по себе выглядело странно. Ведь обычно у девочек-подростков полно секретов, которые так и тянет выболтать друзьям.

Улыбалась Кэти тоже по-особому. Так, едва уловимое движение губ, тень улыбки. А еще она имела обыкновение, стрельнув глазами в сторону, тут же их потупить, намекая встретившемуся на пути мальчику на тайну, которой может с ним поделиться.

В голове у отца Кэти вертелся назойливый вопрос, который он старательно отгонял прочь и даже обвинял себя в непорядочности за греховные мысли. Кэти всегда сопутствовало удивительное везение находить ценные вещи, то золотой брелок, то деньги или маленькую шелковую дамскую сумочку, а однажды она нашла серебряный крестик с красными камешками, которые оказались рубинами. Кэти постоянно что-нибудь находила, но когда отец дал объявление о найденном крестике в еженедельник «Курьер», владелец так и не откликнулся.

Мистер Эймс, отец Кэти, был человеком сдержанным и скрытным, редко высказывал свои мысли вслух и уж тем более не рискнул бы поделиться ими с соседями, храня при себе смутные подозрения. Гораздо разумнее, удобнее и безопаснее делать вид, что ничего не знаешь. Что до миссис Эймс, дочь окутала ее коконом, сплетенным из такого множества правдоподобных обманов, прозрачных намеков и недомолвок, что она не смогла бы различить среди них истину, какой бы очевидной и бросающейся в глаза она ни была.

3

Кэти хорошела не по дням, а по часам. Цветущее личико с нежной кожей, прелестный изящный ротик, золотистые локоны и широко поставленные невинные глаза. Их взгляд вдруг становился манящим и многообещающим, и все это неизменно привлекало людские взоры. Кэти закончила восемь классов средней школы с отличными оценками, и родители направили ее в небольшой колледж, хотя в то время девушки, как правило, не продолжали учебу. Однако Кэти заявила, что хочет стать учительницей, приведя в умиление родителей, так как это считалось единственной достойной профессией для девушки из приличной, но не слишком обеспеченной семьи. Родители по праву гордились дочерью-учительницей.

Кэти поступила в колледж в четырнадцать лет. Родители по-прежнему души в ней не чаяли, однако, приобщившись к таинствам алгебры и латыни, девушка вознеслась в заоблачные высоты, куда отцу и матери доступ был закрыт. Они потеряли дочь, понимая, что она стала существом высшего порядка.

Латынь в колледже преподавал бледный впечатлительный юноша, отчисленный из духовной семинарии. Однако его знаний хватало, чтобы обучать других обязательному набору, состоящему из латинской грамматики и трудов Цезаря и Цицерона. Тихий и скромный, он свыкся с участью неудачника и даже испытывал от этого удовольствие, свято веря, что Всевышний отринул его справедливо.

И вдруг окружающие стали замечать, что Джеймс Грю заметно оживился, а его глаза все чаще загораются огнем. В компании Кэти его ни разу не застали, и никто не заподозрил, что между ними завязались определенного рода отношения.

Джеймс Грю превратился в мужчину и теперь не ходил, а буквально летал, тихонько напевая про себя. Его письма в семинарию выглядели такими убедительными, что местное руководство всерьез подумывало о его восстановлении в рядах учащихся.

Но неожиданно вспыхнувшее пламя так же внезапно погасло. Еще вчера гордо расправленные плечи понуро поникли, в глазах появился лихорадочный блеск, а руки стали судорожно подергиваться. По вечерам Джеймса Грю видели в церкви, где он, стоя на коленях, беззвучно шептал молитвы. Он стал пропускать занятия, посылая записки, что болен, хотя все прекрасно знали, что он подолгу бродит в одиночестве среди раскинувшихся за городом холмов.

Однажды поздним вечером он постучался в дом к Эймсам. Мистер Эймс, недовольно бурча себе под нос, вылез из теплой постели, зажег свечу и, накинув поверх ночной сорочки теплое пальто, направился к двери. На пороге, дрожа как осиновый лист, стоял Джеймс Грю с блуждающим безумным взглядом.

– Мне нужно с вами поговорить, – хрипло выдавил он.

– Однако час уже поздний, – с суровым видом возразил мистер Эймс.

– Мне необходимо поговорить с вами с глазу на глаз. Накиньте что-нибудь потеплее и выйдем на улицу. Мне очень нужно что-то вам сказать.

– Знаете, юноша, вы либо больны, либо в стельку пьяны. Ступайте домой и проспите. Уже за полночь.

– Не могу я ждать до утра. Нам надо поговорить немедленно.

– Приходите утром в кожаную мастерскую, – заявил мистер Эймс, с решительным видом закрывая дверь перед носом назойливого посетителя. Некоторое время он стоял, притаившись, и прислушивался к тому, что происходит на улице.

– Не могу я ждать! Понимаете, не могу! – раздавались жалобные стоны, а потом послышались шаркающие шаги.

Прикрыв лампу рукой, чтобы не слепила глаза, мистер Эймс побрел в спальню. На мгновение ему показалось, что дверь в комнату Кэти бесшумно закрылась, но скорее всего его ввела в заблуждение игра света и тени, так как при свете лампы показалось, что портьера тоже колыхается.

– Кого там принесло? – поинтересовалась жена, когда он уже улегся в кровать.

Мистер Эймс и сам не понял, как с губ сорвался неожиданный ответ:

– Какой-то пьянчужка. – Возможно, ему просто хотелось прекратить дальнейшие расспросы.

– И куда только катится мир! – сердито проворчала миссис Эймс.

Мистер Эймс погасил свечу и лежал в темноте, но перед глазами стоял зеленый кружок пламени, из которого, как из рамки, смотрели безумные, умоляющие глаза Джеймса Грю. Заснул он в ту ночь не скоро.

А утром по городку поползли противоречивые слухи, и только к полудню стала вырисовываться ясная картина. Церковный сторож обнаружил на полу перед алтарем распростертое тело Джеймса Грю. Вся верхняя часть черепа была снесена, а рядом лежали дробовик и палочка, которой самоубийца нажал на спусковой крючок. Чуть поодаль стоял снятый с алтаря подсвечник, в котором из трех свечей зажгли только одну, и она еще не догорела, и лежали две положенные одна на другую книги – псалтырь и молитвослов. По мнению сторожа, Джеймс Грю положил ствол дробовика на книги, чтобы дуло оказалось вровень с виском, но в результате отдачи от выстрела ружье упало на пол.

Многие вспомнили, что слышали рано утром выстрел. Еще не рассвело. Джеймс Грю не оставил посмертной записки, и причина самоубийства так и осталась невыясненной.

Мистер Эймс хотел немедленно отправиться в полицию и рассказать о ночном визите Джеймса Грю, но потом подумал: «А что толку? Если бы мне было что-нибудь известно, тогда другое дело, но я-то ничегошеньки не знаю». Мистера Эймса охватило тошнотворное муторное чувство, хотя он без конца убеждал себя, что его вины в горестном событии нет. Да и чем он мог помочь Джеймсу Грю, даже не зная, чего тот хочет. И все же он чувствовал себя виноватым и несчастным.

За ужином жена заговорила о самоубийстве, и у мистера Эймса пропал аппетит. Кэти сидела молча, но она и прежде не отличалась разговорчивостью. Девушка откусывала маленькие кусочки и то и дело вытирала губы салфеткой.

Миссис Эймс в красочных подробностях описывала покойника и дробовик.

– Я вот что хочу спросить, – обратилась она к мужу. – А тот пьянчужка, что ломился к нам в дверь прошлой ночью... Это, часом, был не Джеймс Грю?

– Нет, – торопливо ответил мистер Эймс.

– Точно? Может, ты не разглядел впотьмах?

– Я зажег свечу, – оборвал жену мистер Эймс. – Нисколько не похож на Джеймса Грю. У того была длинная борода.

– Нечего на меня покрикивать, – возмутилась миссис Эймс. – Я же просто спросила.

Кэти аккуратно вытерла рот салфеткой, а когда положила ее на стол, родители увидели, что она улыбается.

Миссис Эймс обратилась к дочери:

– Кэти, ты же каждый день встречалась с ним в школе. Может, он выглядел в последнее время опечаленным? Не заметила ли ты чего?

Кэти потупила взор в тарелку, а потом подняла глаза и сказала:

– Мне показалось, он болен. Да, в последнее время он плохо выглядел. Все в школе сегодня только об этом и говорили, и кто-то, я уж точно не помню, сказал, что у мистера Грю неприятности в Бостоне. Какие именно – не знаю. Мы все любили мистера Грю. – Девушка снова изящным движением вытерла ротик.

Кэти осталась верна своей тактике. Уже на следующий день все в городке знали, что Джеймс Грю попал в Бостоне в какую-то историю, и никому и в голову не приходило, что этот слух пустила Кэти. Даже сама миссис Эймс уже не помнила, откуда узнала новость.

4

Кэти исполнилось шестнадцать лет, и вскоре ее точно подменили. Однажды утром она не встала как обычно, чтобы пойти в колледж. Когда мать зашла в ее комнату, то застала ее в постели. Кэти с задумчивым видом изучала потолок.

– Поторопись, а то опоздаешь. Уже почти девять часов.

– Я никуда не пойду, – равнодушным голосом откликнулась Кэти.

– Уж не заболела ли?

– Нет.

– Тогда вставай поскорее.

– Я же сказала: никуда не пойду, – невозмутимо заявила Кэти. – Вообще больше не пойду в колледж.

От неожиданности мать застыла с открытым ртом:

– Как тебя понимать?

– Никогда больше не пойду в колледж, – повторила Кэти, не отрывая взгляда от потолка.

– Посмотрим, что на это скажет отец! Столько затрачено трудов и денег, а через два года получишь диплом! – Миссис Эймс подошла совсем близко к дочери и тихо спросила: – А ты, часом, не замуж собралась?

– Нет.

– Что за книгу ты прячешь?

– Да вот она. И не думаю прятать.

– О господи! «Алиса в Стране чудес»! А не слишком ли ты велика для таких книжек?

– Могу стать такой маленькой, что тебе и не разглядеть, – возразила Кэти.

– Да что ты несешь?

– И никто меня не отыщет.

– Прекрати дурачиться! – рассердилась мать. – Не понимаю, о чем ты только думаешь?

И чем же намерена заняться госпожа фантазерка?

– Пока не знаю, – отозвалась Кэти. – Думаю, уеду куда-нибудь.

– Ладно, лежи пока, мисс фантазерка, а вот когда вернется отец, уж он тебе скажет пару ласковых слов.

Кэти медленно повернулась к матери и встретилась с ней взглядом. Ее глаза были пустыми и холодными, и миссис Эймс вдруг испугалась дочери. Она тихо выскользнула из комнаты, закрыв за собой дверь. Добравшись до кухни, она села на стул, сложив руки на коленях, и уставилась в окно, за которым виднелся ветхий сарай.

Дочь вдруг стала чужой. Как случается в один прекрасный день с большинством родителей, миссис Эймс обнаружила, что теряет власть над своим чадом и поводья, данные ей, для того чтобы направлять Кэти на правильный путь, выскальзывают из рук. Она и не подозревала, что никогда не имела влияния на Кэти и была всего лишь орудием в руках дочери. Придя в себя, миссис Эймс надела шляпку и направилась в кожевенную мастерскую. Дома обсуждать с мужем поведение Кэти не хотелось.

После полудня Кэти с неохотой покинула постель и долгое время сидела перед зеркалом.

Тем же вечером мистер Эймс, проклиная все на свете, прочел нотацию о дочернем долге, любви и почтении, которые Кэти должна испытывать к родителям. Проникновенная речь подходила к концу, когда мистер Эймс вдруг понял, что дочь его не слушает. Поведение Кэти взбесило отца, и он прибегнул к угрозам, пустившись в рассуждения о власти над малолетним чадом, которой Господь Бог и государство наделяют родителей. Теперь Кэти внимательно слушала отца, глядя на него в упор немигающим взглядом. На губах Кэти блуждала легкая улыбка. В конце концов мистер Эймс не выдержал и отвел глаза в сторону, рассердившись еще больше. Прикрикнув на дочь, он велел ей выбросить из головы глупости и прозрачно намекнул, что в противном случае прибегнет к обычной порке.

– Пообещай, что утром пойдешь в колледж и перестанешь валять дурака, – на робкой ноте завершил свою речь мистер Эймс.

Лицо дочери ничего не выражало, а пухлые губки упрямо сжались.

– Хорошо, – согласилась она наконец.

Поздним вечером мистер Эймс с напускной твердостью в голосе убеждал жену:

– Вот видишь, иногда нужно проявить родительскую власть, а мы обращались с ней слишком уж мягко. Правда, Кэти всегда вела себя безупречно. Просто она забыла, кто здесь хозяин. Немного строгости еще никому не повредило. – К несчастью, мистер Эймс вовсе не испытывал уверенности, которую пытался вложить в свои слова.

А утром Кэти исчезла. Пропала и ее дорожная соломенная корзинка вместе с самыми красивыми платьями. Кровать стояла аккуратно застланная. Комната Кэти выглядела безликой, не осталось и намека, что здесь жила и выросла девочка. Ни картинок на стенах, ни памятных вещичек или другой чепухи, которой так увлекаются дети. В куклы Кэти никогда не играла. Одним словом, не осталось ни единого следа от ее многолетнего пребывания в этой комнате.

Мистер Эймс был по-своему человеком весьма неглупым. Нахлобучив шляпу-котелок, он поспешил на железнодорожную станцию. Начальник станции с уверенностью заявил, что Кэти села на первый утренний поезд. Девочка купила билет до Бостона. Он помог составить телеграмму, адресованную бостонской полиции, и мистер Эймс, купив билет до Бостона и обратно, успел на поезд, который отправлялся в 9.50. В критических ситуациях он вел себя, как подобает настоящему мужчине.

Тот вечер миссис Эймс провела на кухне при плотно закрытой двери. Бледная как смерть, она сидела, вцепившись руками в стол, и безуспешно пыталась унять дрожь во всем теле. Но и через закрытую дверь отчетливо слышались сначала только удары, а потом и истошные крики.

Мистер Эймс никогда прежде не прибегал к порке и потому с кнутом обращался неумело. Он неловко хлестнул Кэти по ногам, но когда та, не шелохнувшись, уставилась на отца равнодушным взглядом, окончательно вышел из себя. Первые удары были неуверенными и слабыми, но, видя, что дочь и не думает плакать, мистер Эймс принялся что есть силы хлестать ее по бокам и плечам. Свистя в воздухе, кнут впивался в тело. Потеряв голову от ярости, он то промахивался, то подходил слишком близко, и кнут обвивался кольцом вокруг Кэти.

Соображала Кэти на удивление быстро. Она хорошо знала характер отца и как только поняла, в каком состоянии тот находится, принялась визжать, извиваясь всем телом.

Мольбы о прощении возымели должное действие, и, к своей радости, Кэти почувствовала, что удары уже не такие сильные.

Мистер Эймс не на шутку испугался дела своих рук и прекратил избивание. Кэти с рыданиями упала на кровать. Догадайся отец посмотреть повнимательнее, он бы непременно заметил, что в глазах у дочери нет ни слезинки, и только шея напряглась, а на скулах, у самых висков, вздулись желваки.

– Ну, будешь еще бегать из дома? – обратился он к дочери.

– Нет-нет! Прости! – жалобно скулила Кэти, отворачиваясь к стене, чтобы отец не рассмотрел злобного выражения, застывшего на лице.

– Не забывайся, знай свое место и помни, что главный здесь я.

– Не забуду, – сквозь сдавленное рыдание пробормотала Кэти.

Миссис Эймс сидела на кухне, в отчаянии ломая руки. Муж осторожно погладил ее по плечу.

– Думаешь, мне не больно? – начал он. – Но иначе нельзя. Похоже, порка пошла ей на пользу, и мне показалось, что Кэти все поняла и изменит свое поведение. Как говорится, пожалеешь розги – испортишь дитя. Видимо, слишком мы ее баловали, и в этом наша ошибка.

Мистер Эймс понимал, что хотя жена сама настояла на порке, теперь она испытывает к мужу ненависть. При этой мысли им овладело отчаяние.

5

На первый взгляд казалось, что именно кнута Кэти и не хватало. По словам мистера Эймса, она стала ближе к родителям. Кэти всегда была послушной девочкой, а теперь стала еще и заботливой дочерью. После неудачного побега она принялась помогать матери на кухне, предлагая свою помощь, даже когда в том не было нужды. Она начала вязать для матери шерстяную шаль, а на такую работу уйдет не один месяц. Миссис Эймс хвасталась соседкам: «У Кэти изумительный вкус и чувство цвета. Подумать только, подобрала красно-коричневые и желтые нитки. Уже связала три квадрата».

Для отца у Кэти всегда имелась наготове улыбка. Когда он возвращался домой, дочь предупредительно вешала его шляпу на крючок и ставила стул так, чтобы свет падал с нужной стороны и отцу было удобно читать.

Даже в колледже Кэти вела себя по-иному. Она всегда считалась примерной ученицей, но теперь стала обдумывать планы на будущее. Девушка побеседовала с директором об экзаменах на учительский диплом и попросила разрешения сдать их на год раньше. Ознакомившись с текущими оценками, директор решил, что у Кэти хороший шанс справиться с поставленной задачей. Вскоре он заглянул в кожаную мастерскую, чтобы обсудить просьбу Кэти с мистером Эймсом.

– Она ничего нам не сказала, – с гордостью в голосе признался мистер Эймс.

– Что ж, возможно, и мне не стоило вам говорить. Однако надеюсь, такой сюрприз не испортил вам настроения.

Супруги Эймсы наивно полагали, что случайно обрели волшебное средство для решения всех проблем. Свой успех они объясняли подсознательной родительской мудростью, продиктованной любовью к ребенку.

– В жизни не видел, чтобы человек так изменился прямо на глазах, – удивлялся мистер Эймс.

– Но Кэти всегда была славной девочкой, – возражала жена. – А ты заметил, как она похорошела? Просто красавица. А какой изумительный цвет лица!

– Думаю, с такой внешностью ей недолго работать в школе, – поддакнул муж.

Кэти и правда вся сияла. С губ не сходила детская улыбка, пока она тщательно готовилась совершить задуманное. Времени у нее хватало. Она вычистила погреб и старательно заткнула бумагой все щели, чтобы не было сквозняка. Заметив, что кухонная дверь скрипит, девушка смазала петли и замок, который иногда заедало. И уж коль в руках оказалось масло, смазала заодно и петли парадной двери. Она следила, чтобы все лампы в доме были заправлены, а на стекле не оседала копоть, и изобрела собственный способ их очистки. Кэти окунала стеклянные колпаки в жестяную банку с керосином, которая хранилась в подвале.

– Смотрю и глазам не верю, – удивлялся мистер Эймс.

Перемены в поведении Кэти наблюдались не только в домашних делах. Преодолев отвращение к запаху дубильных растворов, она повадилась навещать отца в кожевенной мастерской. Девушке пошел семнадцатый год, и отец по-прежнему считал ее ребенком. Вопросы об особенностях работы в мастерской, которые задавала дочь, приводили мистера Эймса в изумление.

– Да она сообразительнее многих знакомых мне мужчин, – признавался он старшему мастеру. – Смотришь, и станет вместо меня хозяйкой в мастерской.

Кэти интересовал не только процесс выделки кож, но и коммерческая сторона дела. Отец объяснил, как взять и погасить кредит, посвятил в тонкости бухгалтерии и выдачи зарплаты рабочим. Он показал, как открывается сейф, и был приятно удивлен, что дочь с первого раза запомнила комбинацию цифр в коде.

– Я вот что скажу, – объяснял он жене. – В каждом из нас живет эдакая чертовщинка, и нет ничего хорошего, если ребенок не проказничает. По-моему, это просто способ дать выход скопившейся энергии, и если держать эту энергию под контролем, она сама направится в нужное русло.

Тем временем Кэти перештопала свою одежду и привела в порядок все вещи.

Однажды майским днем она вернулась из школы и сразу взялась за вязание. Миссис Эймс уже одетая стояла на пороге.

– Мне нужно на собрание алтарной гильдии, – пояснила она дочери. – Там обсуждается вопрос о проведении аукциона тортов на следующей неделе. Меня избрали председателем. Отец спрашивал, не сможешь ли ты зайти в банк, забрать деньги на зарплату рабочим и отнести в кожевенную мастерскую. Я сказала, что занимаюсь аукционом тортов и помочь ему не успею.

– С удовольствием помогу, – заверила Кэти.

– Деньги уже приготовили и выдадут тебе в мешочке, – сказала миссис Эймс и поспешила на собрание.

Кэти действовала быстро, но без ненужной суеты. Чтобы не испачкаться, она надела поверх одежды старый передник, нашла в подвале банку из-под конфитюра с крышечкой и отнесла в сарай, где хранились инструменты. Потом сходила в курятник, поймала молодую курицу и, положив ее на деревянный чурбак, отрубила голову и долго держала судорожно подергивающуюся шею над банкой, пока та не наполнилась кровью. Затем Кэти отнесла тушку курицы к навозной куче и закопала поглубже. Вернувшись в кухню, сняла передник, затолкала в печь и стала шевелить кочергой угли, ожидая, когда пламя перекинется на ткань. Закончив работу, девушка вымыла руки, внимательно осмотрела туфли и чулки. Заметив на носке правой туфли маленькое темное пятнышко, она тут же его аккуратно вытерла и взглянула на себя в зеркало. Щеки горели румянцем, глаза сияли, а на губах играла невинная детская улыбка. Выйдя из дома, Кэти спрятала банку под нижнюю ступеньку кухонного крыльца. С момента ухода миссис Эймс прошло не более десяти минут.

Легкой, танцующей походкой Кэти обошла вокруг дома и оказалась на улице. На деревьях распускались листья, а на лужайках уже желтели первые одуванчики. Кэти весело шагала к центру городка, где находился банк, и выглядела такой очаровательной и полной юной свежести, что встречные прохожие оглядывались ей вслед и долго провожали взглядом.

6

Пожар вспыхнул около трех часов ночи. Пламя с ревом взметнулось вверх, раздался страшный треск и грохот, а потом огненный столб рухнул и рассыпался множеством искр. Все случилось так быстро, что никто не успел опомниться, и когда появилась добровольная пожарная команда, притащившая тележку со шлангом, помочь она уже ничем не могла. Оставалось только поливать водой крыши соседних домов, чтобы на них не перекинулся огонь.

Дом Эймсов взлетел в воздух как ракета. Добровольцы-пожарные и сбежавшиеся к сгоревшему дому зеваки осматривались по сторонам в надежде найти среди освещенных огнем лиц супругов Эймс и их дочь. Внезапно всех осенило, что никого из Эймсов среди присутствующих нет. Люди как замороженные смотрели на огромную могилу из тлеющих углей, представляя себя и своих детей погребенными под остатками дома. При этой мысли сердца сжимались от страха, и в горле перехватывало дыхание. Пожарные принялись лить воду на догорающий дом, словно еще оставалась искра надежды спасти хоть кого-нибудь из его обитателей. По городку пополз жуткий слух, что вся семья погибла в огне.

Ближе к рассвету вокруг дымящейся черной груды столпился весь городок. Стоявшие в первых рядах зрители закрывали руками лица, защищаясь от жара. Пожарные без передышки качали воду, пытаясь охладить обуглившиеся руины. К полудню коронер приказал настелить смоченные водой доски и принялся ковырять ломом спекшиеся мокрые угли. Вскоре нашли останки мистера и миссис Эймс, по которым определили, что при пожаре погибло два человека. Соседи показали, где находилась комната Кэти, но как ни старались коронер и вызвавшиеся помочь добровольцы, старательно прочесывая граблями площадку, не удалось обнаружить ни одной косточки, ни даже зуба.

А вот начальник пожарной команды нашел ручки и замок от кухонной двери. Вид почерневшего от огня металла привел его в недоумение, причина которого стала понятна не сразу. Взяв у coronera грабли, он рьяно принялся за работу и для начала направился к месту, где находилась входная дверь. Начальник пожарных старательно разгребал угли, пока не наткнулся на наполовину расплавленный, покореженный замок. Вокруг него уже собралась толпа любопытных.

– Что ты там ищешь, Джордж?

– В замках нет ключей, – с озадаченным видом откликнулся главный пожарный.

– Может, они просто упали на землю?

– И как вы себе это представляете?

– Ну, тогда расплавились.

– Замки ведь не расплавились.

– Возможно, их вынул сам Билл Эймс.

– Изнутри? – Он поднял вверх найденные трофеи. Оба язычка были выдвинуты наружу.

Поскольку дом хозяина сгорел вместе со своим владельцем, рабочие из кожевенной мастерской, в знак уважения к погибшему, не вышли на работу. Они ошивались вокруг пожара, с деловитым видом предлагая помощь, но фактически только мешали, путаясь под ногами.

Старший мастер Джо Робинсон появился в кожевенной мастерской уже после обеда и обнаружил там открытый сейф и разбросанные по полу документы. По разбитому окну было ясно, каким образом вор проник в помещение.

Теперь картина предстала совсем в ином свете. Значит, пожар не был случайностью. На смену горестному возбуждению пришел страх, а потом души людей наполнились гневом, неизменным спутником страха. Толпа разбрелась по округе в поисках улики.

Далеко идти не пришлось. В каретном сарае обнаружили так называемые «признаки борьбы» в виде сломанного ящика, разбитой лампы, процарапанных в пыли следов и ключев соломы. Никому и в голову бы не пришло считать это «следами борьбы», если бы не кровь на полу.

Бразды правления взял в свои руки констебль, так как подобные дела входили в сферу его деятельности. Он тут же принялся вытаскивать зевак из сарая. «Хотите уничтожить улики? – покрикивал он. – А ну марш все за дверь!»

Он обыскал помещение, что-то подобрал с пола, а в углу обнаружил нечто представляющее интерес. Подойдя к двери, он показал находку – испачканную кровью голубую ленту и крестик с красными камушками.

– Кто-нибудь узнал эти вещи? – обратился констебль к присутствующим.

В маленьком городке, где все знают друг друга, трудно поверить, что злодейское убийство является делом рук соседа. Вот почему, если следы не ведут в определенном направлении, все подозрения падают на таинственного чужака, пришедшего из далекого мира, где подобные зверства являются делом обычным. И тогда начинаются налеты на лагеря бродяг, которых тащат в полицейский участок, а также тщательные проверки всех, кто остановился в гостиницах. Под подозрение попадает всякий, кого не знают жители городка. Как вы помните, на дворе стоял май, и бродяги, радуясь наступлению теплых дней и возможности расстелить одеяло у любого ручья, только что устремились в путь. Кроме того, в пяти милях от городка появился цыганский табор. Ох и досталось же несчастным цыганам!

Прочесали все окрестности в радиусе нескольких миль в поисках свежевскопанной земли, а также обследовали все водоемы, где, возможно, утопили тело Кэти.

– Она была такая хорошенькая, – вздыхали жители городка, намекая, что прекрасно понимают причину, по которой похитили Кэти. В конце концов на допрос привели заросшего, бессвязно бормочущего дурачка, который являлся отличным кандидатом на виселицу, так как не только не имел алиби, но и вообще не помнил ни одного события в своей жизни. Своим слабым умишком он понимал, что люди, ведущие допрос, чего-то от него добиваются, и, будучи по натуре существом добродушным, он всей душой хотел дать им желаемое. Его заманивали в ловушку хитроумными наводящими вопросами, и бедняга с радостью туда шел и был счастлив, глядя на довольное лицо констебля. Он изо всех сил старался угодить этим высшим существам. Было в бедном недоумке что-то очень привлекательное и располагающее, но вот беда – слишком уж во многих грехах он признался и слишком запутанные давал показания. Приходилось то и дело напоминать о преступлениях, которые он якобы совершил. Он ощутил себя на вершине блаженства, представ перед лицом строгих, до смерти напуганных присяжных. Наконец удалось добиться чего-то путного в жизни!

Во все времена существовали и до сих пор встречаются судьи, чье преклонение перед законом и его назначением нести в мир справедливость сравнимо с любовью к женщине. Именно такой человек председательствовал на допросе перед передачей дела в суд. Чистый душой и неподкупный, он за свою жизнь не дал свершиться множеству злых деяний. Без привычных подсказок признания мнимого преступника выглядели полной чепухой. Допросив его, судья понял, что хотя подозреваемый и старается следовать полученным указаниям, он просто не в состоянии вспомнить, кого убил, а уж тем более как и почему. Тяжело вздохнув, судья жестом приказал вывести обвиняемого из зала суда и поманил пальцем констебля.

– Послушай, Майк, – обратился к нему судья, – ну нельзя же так. Будь этот бедолага чуть умнее, так и попал бы с твоей легкой руки на виселицу.

– Но ведь он признался. – Констебль чувствовал себя оскорбленным в лучших чувствах, так как был он человеком честным и добросовестным.

– С таким же успехом он мог признаться, что взобрался по золотой лестнице на небеса и перерезал святому Петру глотку шаром для боулинга, – усмехнулся судья. – В следующий раз будь осмотрительнее, Майк. Закон создан, чтобы спасать, а не уничтожать людей.

В трагедиях местного масштаба время работает подобно мокрой кисти, скользящей по акварели. Четкие контуры расплываются, боль постепенно утихает, краски сливаются, а из множества отдельных линий получается большое серое пятно. Уже через месяц исчезла необходимость кого-нибудь вешать, а через два месяца вдруг обнаружилось, что серьезных улик и обвинений вообще никому предъявить нельзя. Если бы не убийство Кэти, пожар и ограбление

кожевенной мастерской сочли бы случайностью. А потом люди решили, что без тела Кэти ее смерть доказать нельзя, даже если никто не сомневается, что девушки нет в живых.

В городке Кэти оставила после себя аромат приятных воспоминаний.

Глава 9

1

Мистер Эдвардс занимался сутенерским бизнесом аккуратно и неторопливо, не давая воли чувствам. Его жена и двое прекрасно воспитанных детей жили в богатом доме в одном из престижных районов Бостона. Еще в младенчестве оба сына были зачислены в знаменитую частную школу в Гротоне.

Миссис Эдвардс содержала дом в идеальном порядке и успешно руководила прислугой. Разумеется, мистеру Эдвардсу приходилось частенько отлучаться по делам, однако он умудрялся вести домашний образ жизни и проводил в кругу семьи гораздо больше вечеров, чем можно предположить, учитывая род его занятий. Свои дела мистер Эдвардс вел так аккуратно и четко, что ему мог бы позавидовать профессиональный бухгалтер. Был он мужчиной крупным, мощного телосложения, и хотя к пятидесяти годам накопил лишний жирок, по-прежнему оставался в прекрасной форме, что является редкостью для мужчин его возраста, которые считают полноту признаком преуспевания в жизни.

Схему бизнеса, включая вояжи по небольшим городкам и поселкам, краткое пребывание каждой проститутки на одном месте, дисциплину, прибыли и комиссионные, он разработал сам. Действовал мистер Эдвардс осторожно и ошибки допускал редко, никогда не посылая девиц в крупные города. С охочими до денег констеблями в небольших местечках он легко находил общий язык, а к многоопытным и ненасытным в своей жадности полицейским в больших городах относился с трепетным почтением. Идеальным местом для работы был городок с многократно заложеной гостиницей и полным отсутствием развлечений, где конкуренцию его девочкам могли составить только жены обывателей да какая-нибудь случайно подвернувшаяся несовершеннолетняя проститутка. В то время, о котором идет речь, у мистера Эдвардса имелось десять бригад, состоящих из жриц любви, а к шестидесяти семи годам, когда он внезапно умер, подавившись куриной косточкой, на него работали группы из четырех девиц в тридцати трех разных городках Новой Англии. Мистер Эдвардс был не просто хорошо обеспеченным, а богатым человеком, и сама его смерть символизировала успех и процветание.

В наши дни институт публичных домов, по-видимому, находится в стадии отмирания. Ученые умы дают этому явлению различные объяснения. Некоторые полагают, что смертельный удар по борделям нанесло стремительное падение нравственности среди женской части населения. Другие, настроенные на более идеалистический манер, уверены, что публичные дома вытесняются из жизни благодаря строгому надзору полиции. В конце девятнадцатого и начале двадцатого века факт существования публичных домов признавался, но открыто не обсуждался. Утверждали, что подобные заведения защищают честь добропорядочных женщин. Не связанный узами брака мужчина мог навестить один из борделей и дать выход накопившимся плотским желаниям, которые причиняют немало беспокойства. Это нисколько не мешало ему придерживаться общепринятых принципов относительно женской чистоты и добродетели. Подобное противоречие является загадкой, которых, впрочем, в общественном мышлении существует великое множество.

Существовали разного рода дома терпимости, от роскошных дворцов, утопающих в бархате и золоте, до убогих зловонных лачуг, где даже свинью вывернуло бы наизнанку от омерзения. Время от времени из уст в уста передавались истории, как торговцы живым товаром похищают и обращают в рабство невинных девушек. Возможно, во многих рассказах есть доля правды, однако в большинстве случаев к древнейшей из профессий прибывают в результате собственной лени и глупости. В домах терпимости девицам не о чем беспокоиться, их кормят,

одевают и лечат, пока не состарятся, после чего вышвыривают на улицу. Впрочем, возможность такого плачевного финала не сдерживает девиц легкого поведения. Ведь молодым свойственно думать, что старость никогда не наступит.

Время от времени проституцией начинали заниматься девушки смысленные и разумные. Как правило, их судьба складывалась куда более удачно. Некоторые открывали свои заведения, успешно зарабатывали на жизнь с помощью шантажа или выходили замуж за богачей. Для таких умниц придумали громкое название «куртизанки».

Мистер Эдвардс без особых хлопот нанимал партии проститутки и держал их в узде. Если девица была для него недостаточно тупой, ее тут же вышвыривали вон. Красавицы также не приветствовались. Какой-нибудь местный юнец мог влюбиться в смазливую девицу, и тогда расходов и неприятностей не оберешься. Если проститутка беременела, ей предлагали на выбор либо покинуть заведение, либо пойти на аборт, который делался таким варварским способом, что для многих девушек заканчивался смертью. Тем не менее, за редким исключением, все выбирали аборт.

Дела мистера Эдвардса не всегда шли гладко, и порой возникали серьезные проблемы. В то время, о котором я веду рассказ, несчастья обрушивались на него одно за другим. Железнодорожная катастрофа унесла жизни восьмерых девиц, что составило две бригады, а еще одной четверки он лишился по милости приходского священника в одном из городков, когда тот в порыве вдохновения принялся заводить своими проповедями паству. Церковь не вместила огромную толпу, и прихожанам пришлось выйти на улицу. И вот тут, как часто случается, святой отец открыл давно припасенную карту, которая оказалась козырной. Он предсказал точную дату конца света, и тут к нему с восторженным блеянием стал стекаться чуть ли не весь округ. Приехав в злополучный городок, мистер Эдвардс извлек из чемодана ременную плетель и жестоко выпорол девиц, однако суровое наказание не отрезвило ослушниц, и девушки умоляли хозяина пороть их еще и еще, дабы искоренить воображаемые грехи. Плюнув в сердцах, он забрал у девиц одежду и вернулся в Бостон. Раскаявшиеся проститутки снискали себе популярность, явившись нагисом на проводимое под открытым небом богослужение, чтобы исповедоваться и покаяться. После этих событий мистеру Эдвардсу пришлось беседовать и набирать девушек партиями, а не вербовать по одной в разных местах, как делалось раньше. Нужно было срочно сформировать заново три бригады.

Не знаю, каким образом Кэти Эймс узнала о мистере Эдвардсе. Возможно, от извозчика. Если девушка заинтересовалась подобными делами, слухи до нее непременно дойдут. В то утро, когда она зашла в кабинет мистера Эдвардса, тот чувствовал себя далеко не лучшим образом. Виновницей мучительных болей в животе он считал уху из палтуса, которую жена подала на ужин прошлым вечером. Всю ночь мистер Эдвардс не сомкнул глаз, так как уха стремилась вырваться на волю сразу из двух отверстий, и сейчас он чувствовал страшную слабость и спазмы в желудке.

Именно по этой причине мистер Эдвардс не раскусил с первого взгляда девушку, назвавшуюся Кэтрин Эймсбери. Для работы в борделе она была слишком хорошенькой. Тихий грудной голос, тоненькая, полная изящества фигурка и изумительная кожа. Одним словом, она не подходила мистеру Эдвардсу по всем статьям, и, если бы не утреннее недомогание и слабость, он немедленно выпроводил бы ее за дверь. При беседе, во время которой мистер Эдвардс главным образом задавал вопросы о семье и родственниках, способных доставить неприятности, он не присматривался к девушке и вдруг почувствовал, что тело определенным образом реагирует на ее присутствие. Мистер Эдвардс сластолюбом не был, а кроме того, никогда не смешивал деловую жизнь и маленькие интимные радости. Неожиданная реакция привела его в полное замешательство, и он в изумлении посмотрел на девушку. Та чуть опустила веки, что придало лицу особое очарование и таинственность, и слегка качнула бедрами, к которым были прикреплены небольшие накладки. Крошечный ротик изогнулся в кошачьей улыбке. Тяжело

дыша, мистер Эдвардс подался вперед. Теперь он точно знал, что эту девушку хочет оставить для себя.

– Не понимаю, почему такая девушка, как ты... – начал он, впадая в самое древнее в мире заблуждение, заключающееся в том, что девушка, в которую влюблен, непременно должна быть честной и порядочной.

– У меня умер отец, – смущенно призналась Кэти. – Но до того он умудрился развалить все наше хозяйство. Мы не знали, что он заложил ферму, и теперь я не могу допустить, чтобы банк отнял ее у матушки. Такое горе ее убьет. – На глаза Кэтрин навернулись слезы. – Вот я и подумала, что, может быть, сумею заработать хоть на уплату процентов.

У мистера Эдвардса еще имелся последний шанс вовремя остановиться. И действительно. В мозгу прозвучал слабый сигнал тревоги, но он был слишком тихим. Примерно восемьдесят процентов девиц, приходивших к нему на собеседование, нуждались в деньгах для выплат по закладной, и мистер Эдвардс установил для себя золотое правило не верить ни одному их слову, даже когда они рассказывали, что съели на завтрак. Потому что и в мелочи они могли соврать. И вот надо же такому случиться – взрослый толстый мужчина, многоопытный сутенер и мастер своего дела, сидит, прижавшись животом к столу, лицо налилось кровью, а по ногам вверх бегут возбуждающие мурашки.

В следующее мгновение мистер Эдвардс услышал собственный голос:

– Что ж, милочка, давай все обсудим и, возможно, найдем способ заработать деньги на уплату процентов.

Такие любезности девице, которая всего лишь просится поработать проституткой в одном из его борделей! А точно она просилась?

2

Миссис Эдвардс была убежденной верующей, хотя ее религиозные взгляды не отличались глубиной. Она уделяла много внимания текущим церковным делам, и поэтому не оставалось времени задумываться над историей церкви и ее влиянием на людские умы. Миссис Эдвардс считала, что муж занимается импортом, и даже если бы узнала, какого рода у него на самом деле бизнес – а похоже, ей это было известно, – все равно бы не поверила. И тут мы имеем дело с очередной загадкой. Муж всегда относился к миссис Эдвардс с холодной предупредительностью и не обременял себя супружескими обязанностями. Да, мистера Эдвардса нельзя было назвать нежным супругом, но и жестокого обращения жена от него не видела. Все ее заботы и переживания ограничивались детьми, собраниями членов приходской общины и приготовлением пищи. Миссис Эдвардс была довольна своей жизнью и не уставала благодарить за нее Господа. Заметив, что в последнее время мужу изменяют обычное самообладание и рассудительность, он становится беспокойным и раздражительным, подолгу сидит, уставившись в одну точку, а потом вдруг срывается с места и бежит из дома, она поначалу объясняла эти метаморфозы несварением желудка или неприятностями на службе. Как-то раз она застала мужа в ванной комнате. Мистер Эдвардс сидел на унитазе и тихо плакал. Тогда миссис Эдвардс поняла, что супруг тяжело болен. Он торопливо закрыл рукой лицо, пряча покрасневшие от слез глаза. Ни травяные чаи, ни лекарства не возымели должного действия, и тут миссис Эдвардс пришла в отчаяние, чувствуя свою беспомощность.

Если бы совсем недавно мистеру Эдвардсу рассказали, что мужчина его лет и профессии попал в такую переделку, он рассмеялся бы этому человеку в лицо. Однако как ни крути, а мистер Эдвардс, хладнокровный многоопытный сутенер, каких на свете мало, отчаянно и безнадежно влюбился в Кэтрин Эймсбери. Он снял для девушки маленький кирпичный домик, который вскоре ей подарил, покупал дорогие безделушки, обставил дом с вычурной роскошью

и следил, чтобы там всегда было тепло. Ковры были слишком уж пушистыми, а все стены занимали картины в тяжелых рамах.

Никогда в жизни мистер Эдвардс не чувствовал себя таким несчастным. По долгу службы он изучил женщин настолько хорошо, что ни одной не верил ни на йоту. И вот теперь его сердце разрывалось на части от переполнявших его противоречивых чувств. Он всей душой полюбил Кэти, а любовь, как известно, требует доверия, и, следовательно, мистер Эдвардс должен был доверять любимой женщине – и все же ей не верил. Он рассчитывал завоевать ее преданность дорогими подарками и деньгами. Находясь вдали от Кэти, мистер Эдвардс терзал себя мыслями о других мужчинах, которые навещают ее в домик. Он не хотел покидать Бостон и возненавидел поездки по провинциальным городкам, во время которых проверял работу своих подопечных, потому что приходилось расставаться с Кэти и оставлять ее одну. Он стал относиться к делам с некоторым пренебрежением. Ведь такая любовь обрушилась на него впервые в жизни и едва не убила.

Однако мистер Эдвардс не догадывался, да и не мог догадаться, так как Кэтрин никогда бы этого не допустила, об одной простой вещи. Девушка ему не изменяла, то есть не принимала у себя других мужчин и сама их не навещала. Для Кэтрин мистер Эдвардс представлял собой часть выгодного бизнеса, и она относилась к своему благодетелю с таким же холодным безразличием, как он, в свою очередь, к выездным бригадам проституток. И так же, как мистер Эдвардс, Кэтрин разработала собственные фирменные методы и правила поведения. Завладев его сердцем, а произошло это довольно скоро, она стала изображать легкую неудовлетворенность жизнью, всегда выглядела возбужденной и встревоженной. Мистеру Эдвардсу казалось, что она может в любую минуту сорваться с места и сбежать. В те дни, когда ожидался визит мистера Эдвардса, Кэтрин взяла за правило уходить из дома, а к его приходу возвращалась с сияющим видом, словно после удивительного приключения. Девушка постоянно сетовала, как трудно выносить наглые взгляды и приставания мужчин, которые не дают прохода, стоит только выйти на улицу. Пару раз она вбежала, запыхавшись, перепуганная насмерть, и принималась рассказывать, как незнакомый мужчина преследовал ее до самого дома. Едва удалось от него сбежать. Кэтрин возвращалась домой ближе к вечеру и, обнаружив в доме сгорающего от нетерпения мистера Эдвардса, пускалась в объяснения:

– Да что тут такого? Я просто ходила по магазинам. Надо же сделать кое-какие покупки. Говорилось это таким тоном, чтобы собеседник заподозрил ее во лжи.

Что касается постели, Кэтрин убедила мистера Эдвардса, что особого наслаждения от их отношений не испытывает, а вот обладая он достаточной мужской силой, то разбудил бы в ней неслыханную страсть. Одним словом, суть ее метода состояла в том, чтобы держать мистера Эдвардса в постоянном напряжении. Девушка с удовлетворением наблюдала, как сдают его нервы, появляется дрожь в руках, как он худеет на глазах, а взгляд стекленеет и становится безумным. Внутреннее чутье неизменно подсказывало о приближающемся приступе ярости, за которым последует жестокое наказание. И тогда Кэтрин усаживалась к нему на колени и осыпала ласками, вынуждая поверить в свою невиновность. Убедить мистера Эдвардса в чем угодно она умела.

Кэтрин жаждала денег и делала все, чтобы процесс их приобретения проходил быстро и беспрепятственно. Когда Кэтрин поняла, что нужный момент наступил и из мистера Эдвардса можно вить веревки, она стала его беззастенчиво обкрадывать, шарила по карманам, забирая подвернувшиеся под руку крупные купюры. Он не решался обвинить Кэтрин в воровстве из боязни навеки ее потерять. Драгоценности, которые он дарил, бесследно исчезали, и, несмотря на уверения, что она их потеряла, мистер Эдвардс знал, что подарки были проданы. Она приписывала лишние цифры к счетам из бакалейной лавки и называла баснословные цены за купленную одежду. Дом Кэтрин не продала, но заложила с максимальной для себя выгодой.

Однажды вечером мистер Эдвардс не смог открыть входную дверь своим ключом, и, прежде чем попасть в дом, пришлось долго стучать. Кэтрин призналась, что сменила замки, так как потеряла ключи и испугалась. Ведь живет она одна, и мало ли кто может ввалиться в дом беззащитной девушки. Разумеется, она закажет для мистера Эдвардса еще один ключ. Однако своего обещания она так и не выполнила, и теперь мистеру Эдвардсу приходилось подолгу звонить в дверь. Открывали ему не сразу, а то и вовсе не впускали в дом, и он не мог определить, дома Кэтрин или нет. В конце концов мистер Эдвардс установил за ней слежку, а она и не подозревала, что за каждым ее шагом наблюдают.

Мистер Эдвардс не отличался тонкостью натуры, но и у простого человека имеются в душе темные извилистые закоулки. Кэтрин, несомненно, обладала незаурядным умом, но даже самая умная женщина не в состоянии уследить за неожиданными поворотами в сознании влюбленного мужчины.

Она совершила всего одну непростительную ошибку, которой всячески старалась избежать. Как и полагается, мистер Эдвардс держал в их гнездышке изрядный запас шампанского, которое Кэтрин в первый же день наотрез отказалась пить.

– Оно вызывает у меня тошноту, – объяснила девушка. – Я как-то раз попробовала и поняла, что совсем не могу пить.

– Ерунда, – возразил мистер Эдвардс. – Выпей один бокал, он тебе не повредит.

– Нет, спасибо. Я не пью.

Мистер Эдвардс решил, что ее отказ объясняется утонченными манерами и желанием походить на благородную даму, и настаивать не стал. Однако однажды вечером ему пришло в голову, что он совсем ничего не знает о девушке, а вино прекрасно развязывает язык. Чем чаще мистер Эдвардс думал о такой возможности, тем больше ему нравилась затея с вином.

– Почему ты отказываешься выпить со мной по бокалу шампанского? Как нелюбезно с твоей стороны, – упрекнул он Кэтрин.

– Я же сказала, что не выношу шампанского.

– Чепуха.

– Нет, правда не хочу.

– Глупости, – настаивал мистер Эдвардс. – Хочешь, чтобы я рассердился?

– Нет.

– Тогда выпей бокал.

– Сказала же – не хочу.

– Пей.

Он протянул девушке бокал, но та отодвинулась в сторону.

– Ты не знаешь, как плохо оно на меня действует.

– Пей.

Кэтрин взяла бокал, осушила его одним махом и замерла на месте, дрожа всем телом и словно к чему-то прислушиваясь. Ее щеки разругались, и в следующее мгновение она налила себе второй бокал, а потом и третий. Глаза Кэтрин стали холодными, взгляд застыл, и мистеру Эдвардсу вдруг стало страшно. С девушкой что-то происходило, и ни мистер Эдвардс, ни она сама не могли управлять этим процессом.

– А ведь я не хотела, помнишь? Ты сам настоял, – спокойным голосом сказала Кэтрин.

– Может, больше не стоит? – робко пробормотал мистер Эдвардс.

Кэтрин рассмеялась, наполняя очередной бокал:

– Теперь уже все равно. Одним бокалом больше, одним меньше – какая разница?

– Иногда приятно выпить бокал шампанского, – выдавил мистер Эдвардс.

– Ах ты, жирный слизняк, – тихо заговорила Кэтрин. – Да что ты обо мне знаешь? Думаешь, не могу прочесть все твои грязные мыслишки? Хочешь, расскажу? Тебе интересно, откуда такая примерная девочка, как я, научилась разным штучкам? Хорошо, слушай. Я обучилась

этому в притонах! Понимаешь, в притонах! Четыре года я работала в таких трущобах, о которых ты и слыхом не слыхал. Матросы возили мне подарочки из Порт-Саида. Я ведь вижу тебя насквозь, вонючий поганец, знаю все твои похотливые слабости и могу их использовать для своей выгоды.

– Остановись, Кэтрин, – умолял мистер Эдвардс. – Ты сама не понимаешь, что говоришь.
– Нет, я тебя раскусила. Хотел, чтобы я заговорила? Вот и слушай.

Она медленно двинулась в сторону мистера Эдвардса, и тот с трудом удержался от желания обратиться в бегство. Однако, несмотря на страх, остался сидеть. Остановившись напротив, Кэтрин допила шампанское, изящным движением разбила бокал о стол и вдавила осколок с зазубренными краями в щеку мистера Эдвардса.

И тогда он пулей вылетел из дома, а вслед ему несся смех Кэтрин.

3

Людей, подобных мистеру Эдвардсу, любовь калечит. Страсть отняла у него способность здраво рассуждать и выносить трезвые оценки, перечеркнула весь жизненный опыт и лишила воли. Он убеждал себя, что у Кэтрин случился приступ истерики, сам старался поверить, а девушка всеми силами этому способствовала. Неожиданный срыв испугал ее, и теперь Кэтрин делала все возможное, чтобы реабилитировать себя в глазах мистера Эдвардса.

Трудно представить, до чего может себя довести безумно влюбленный мужчина, на какие терзания себя обречь. Мистер Эдвардс всем сердцем стремился поверить в добродетель Кэтрин, но засевавший в душе бес сомнения и ее недавняя выходка не давали покоя. Движимый внутренним чутьем, он стал докапываться до правды и не верил тому, что всплывало на поверхность. Так он узнал, что Кэтрин не хранит деньги в банке. Один из нанятых агентов с помощью сложной системы зеркал нашел укромное местечко в подвале кирпичного домика, где Кэтрин прятала свои сбережения.

А в один прекрасный день из сыскного агентства, услугами которого пользовался мистер Эдвардс, прислали вырезку из старого провинциального еженедельника, где описывались подробности случившегося в городке пожара. Мистер Эдвардс внимательно прочел заметку, после чего его бросило в жар, кровь ударила в голову, а глаза застлала красная пелена. К безумной любви добавился смертельный ужас, а, как известно, при образовании такой смеси в осадок выпадает жестокость. На заплетающихся ногах он доковылял до стоявшего в кабинете дивана и рухнул на него лицом вниз, прижимаясь лбом к прохладной черной коже. На некоторое время он будто завис в вакууме. Каждый вдох давался с трудом. Постепенно рассудок прояснился, во рту чувствовался солоноватый привкус, а из груди рвался наружу гнев, отдаваясь нестерпимой болью в спине. Однако мистер Эдвардс сохранял спокойствие, а его разум, словно луч прожектора в темноте, прорезал во времени дорогу к намеченной цели. Он не спеша проверил чемодан, как делал всякий раз, выезжая в провинцию с инспекционной проверкой. Все на месте: чистые рубашки, нижнее белье, ночная сорочка, шлепанцы и тяжелая ременная плеть, скрутившаяся кольцами на дне чемодана.

Тяжелой походкой он прошел через маленький садик перед кирпичным домом и позвонил в дверь.

Кэтрин сразу же открыла. Она была в пальто и шляпке.

– Ах, какая жалость! – воскликнула она. – Мне надо кое-куда ненадолго отлучиться.

Мистер Эдвардс поставил чемодан на пол.

– Нет, – твердо сказал он.

Девушка устремила на него испытующий взгляд. Что-то было не так. Он протиснулся мимо Кэтрин и стал спускаться в подвал.

– Ты куда?! – взвизгнула Кэтрин.

Мистер Эдвардс не ответил и через некоторое время появился с маленькой дубовой шкапулкой в руках и положил ее в чемодан.

– Это мое, – тихо сказала Кэтрин.

– Знаю.

– Что ты надумал?

– Полагаю, нам с тобой надо совершить небольшое путешествие.

– Куда? Я сейчас не могу ехать.

– В один маленький городок в Коннектикуте. У меня там кое-какие дела. Ты как-то сказала, что хочешь работать. Вот и поработаешь.

– А теперь не хочу, и ты меня не заставишь. Да я обращусь в полицию!

Лицо мистера Эдвардса исказила зловещая улыбка, и девушка в страхе попятилась, чувствуя, как удары сердца гулко отдаются в висках.

– А может, желаешь навеститься в родные края? – поинтересовался мистер Эдвардс. – Несколько лет назад там случился страшный пожар. Пожар-то ты помнишь?

Кэтрин сверлила его взглядом, стараясь отыскать уязвимое место, но в глазах мистера Эдвардса застыло суровое безразличие.

– Чего ты от меня хочешь? – тихо спросила Кэтрин.

– Всего лишь составить мне компанию в коротком путешествии. Ты же сама говорила, что хочешь работать.

Теперь Кэтрин оставалось только одно: нужно во всем с ним соглашаться и ждать подходящего случая. Не будет же он все время за ней следить. Сейчас спорить с ним опасно, лучше смириться и выждать время. Такая тактика всегда себя оправдывала, во всяком случае, до сегодняшнего дня. И все же слова мистера Эдвардса привели Кэтрин в ужас.

До места они добрались, когда уже начало смеркаться. Выйдя из поезда, мистер Эдвардс и Кэтрин направились по неосвещенной улице и вскоре оказались за городом. Кэтрин держалась настороженно и не спускала глаз со своего спутника. В сумочке у нее притаился острый нож с тонким лезвием. Выведать намерения мистера Эдвардса так и не удалось.

Мистеру Эдвардсу казалось, что он четко определил свои дальнейшие действия. Он собирался выпороть Кэтрин, а затем поместить в одном из номеров при местном трактире, снова высечь и увезти в другой городок, и так до тех пор, пока от нее уже не будет никакого толку. Тогда останется только вышвырнуть ее на улицу. Местный констебль позаботится, чтобы Кэтрин никуда не сбежала. Наличие у девушки ножа у мистера Эдвардса тревоги не вызывало, так как он прекрасно знал о его существовании.

Когда путешественники остановились в пустынном месте между каменной стеной и опушкой кедрового леса, он первым делом вырвал у Кэтрин из рук сумочку и перебросил через стену. С ножом мистер Эдвардс разобрался, а вот понять свои чувства оказалось куда труднее. Ведь прежде он никогда не влюблялся и думал, что просто хочет наказать обманщицу. Однако после пары ударов плетью он почувствовал, что такой кары явно недостаточно. Отшвырнув плеть в сторону, мистер Эдвардс принялся избивать свою жертву кулаками. Дыхание, вырывавшееся из его груди, напоминало визгливый скулеж.

Кэтрин изо всех сил старалась не поддаться панике, увертываясь от ударов и загораживаясь руками. Однако в конце концов страх одержал верх, и девушка обратилась в бегство. Мистер Эдвардс в несколько прыжков догнал ее и сбил ударом на землю. Теперь уже и кулаков стало недостаточно. Рука судорожно шарила в темноте, пока не нащупала камень, и в следующее мгновение остатки самообладания и здравого смысла смело волной ярости, с ревом обрушившейся на сознание.

Придя в себя, мистер Эдвардс осмотрел изуродованное лицо Кэтрин, стал прислушиваться, бьется ли ее сердце, но ничего не услышал за гулками ударами, отдававшимися в висках. В голове вертелись совершенно противоречивые мысли. Один голос нашептывал: «Нужно

ее похоронить, вырыть яму и закопать». А второй голосок жалобно хныкал как малый ребенок: «Нет, я этого не вынесу! Не могу до нее дотронуться!» Потом, как часто случается, после приступа ярости накатила тошнота, и он очертя голову побежал прочь от проклятого места, бросив чемодан, ременную плетку и дубовую шкатулку с деньгами. Мистер Эдвардс долго бродил впотьмах, обуреваемый единственным желанием спрятаться и переждать, пока отпустит тошнота.

Никто не задал ему ни одного вопроса. После непродолжительной болезни, во время которой жена окружила его нежной заботой, мистер Эдвардс вернулся к текущим делам и уже никогда больше не позволял любви затуманить разум. «Из жизни не извлекают уроков только дураки», – говаривал мистер Эдвардс и впоследствии до конца дней испытывал к себе нечто наподобие трепетного почтения. Он и не подозревал в себе способности убить человека.

А не убил он Кэтрин по чистой случайности, потому что каждым ударом стремился стереть ее с лица земли. Долгое время девушка пролежала без сознания, а потом находилась в полубреду. Придя в себя, она поняла, что рука сломана и нужно срочно искать помощи, чтобы выжить. Желание жить было сильным, и Кэтрин, преодолевая боль, поползла по темной дороге. Она свернула в первые попавшиеся ворота и уже почти добралась до верхней ступеньки крыльца, когда снова потеряла сознание. В курятнике закукарекали петухи, а на востоке уже показалась серая полоска рассвета.

Глава 10

1

Когда двое одиноких мужчин живут под одной крышей, они обычно поддерживают видимость убогого порядка, чтобы заглушить зарождающуюся друг против друга злобу. Между двумя одинокими мужчинами в любую минуту может вспыхнуть ссора или потасовка, и они сами прекрасно это понимают. Адам Траск вернулся домой сравнительно недавно, но напряжение росло с каждым днем. Братья слишком много времени проводили вместе и слишком редко встречались с другими людьми.

Несколько месяцев ушло на получение наследства, оставленного Сайрусом. После оформления необходимых документов они сняли со счетов все деньги и набежавшие проценты. Братья съездили вместе в Вашингтон и навестили могилу отца, на которой был установлен добротный каменный обелиск с чугунной звездочкой наверху. В звездочке имелось отверстие, чтобы в День поминовения устанавливать флажок с миниатюрным государственным флагом. Адам и Чарльз долго стояли у могилы, а потом ушли, ни словом не обмолвившись об отце.

Если Сайрус и добыл богатство бесчестным путем, то проделал это исключительно ловко, так как братьям не задали ни одного вопроса по поводу наследства. Однако отцовские деньги по-прежнему не давали Чарльзу покоя.

Вернувшись на ферму, Адам поинтересовался:

– Почему ты не купишь новую одежду, ведь теперь ты богатый человек? Создается впечатление, что ты просто боишься тратить деньги и трясешься над каждым центом.

– Так и есть, – признался Чарльз.

– И в чем же дело?

– А вдруг придется вернуть деньги!

– Опять взялся за старое? Неужели не понимаешь: если бы что-нибудь обнаружилось, нам бы об этом давно стало известно.

– Ну, не знаю, – пробурчал Чарльз. – Не хочу это обсуждать.

Однако поздним вечером он вернулся к незаконченному разговору.

– Одно меня тревожит, – начал Чарльз.

– Ты снова о деньгах?

– О них. Когда имеешь дело с такими большими деньгами, должны оставаться какие-то следы.

– Ты о чем?

– Ну, разные документы, бухгалтерские книги, купчие, векселя, расписки... Мы ведь пересмотрели все отцовские вещи, но не нашли ничего похожего.

– Возможно, он их сжег.

– Может, и так, – согласился Чарльз.

Братья жили по установленному Чарльзом порядку и никогда его не нарушали и не меняли. Чарльз просыпался точно в половине пятого, вместе с боем часов, будто медный маятник толкал его в бок. В тот день он проснулся на секунду раньше и лежал с открытыми глазами, успев моргнуть перед первым ударом. Некоторое время он не вставал с постели, всматриваясь в темноту и почесывая живот. Потом Чарльз протянул руку к столику у кровати и нащупал коробок со спичками. Пальцы привычным движением вытащили спичку и чиркнули о коробок. Серная головка вспыхнула синим пламенем, а потом огонь перекинулся на деревянную палочку. Чарльз зажег свечу, что стояла у кровати, отбросил в сторону одеяло и встал. Спал

он в серых, свободно болтающихся у щиколоток кальсонах с вытянутыми коленками. Зевнув, Чарльз направился к двери, открыл ее и крикнул в пространство:

– Адам, половина пятого! Время вставать! Просыпайся!

– Хоть бы раз забыл и дал поспать, – слышался приглушенный голос Адама.

– Пора вставать. – Просунув ноги в штанины, Чарльз стал натягивать брюки. – Ну, тебе-то вставать не обязательно, – проворчал он. – Ты же у нас богач и можешь валяться в постели хоть весь день.

– Впрочем, как и ты. Тем не менее, несмотря на богатство, мы все равно встаем до рассвета.

– Тебе нет нужды вставать в такую рань, – повторил Чарльз. – Но если обзавелся фермой, надо заниматься хозяйством.

– Ну да, прикупим еще земли, чтобы еще больше загрузить себя работой, – уныло заметил Адам.

– Все, заткнись и иди досыпать.

– Держу пари, ты не заснешь, даже если останешься в кровати, – откликнулся Адам. – А знаешь, почему? Готов поспорить, ты поступаешь так, как хочешь, да еще считаешь это бог весть каким достоинством. А чем тут гордиться? Все равно что хвастаться шестым пальцем на руке.

Чарльз направился в кухню и зажег лампу.

– Нельзя заниматься делами фермы лежа в кровати, – буркнул он, стряхивая золу с решетки в плите. Затем он нарвал бумаги, положил на неостывшие угли и принялся дуть, пока не разгорелся огонь.

– Спичек и тех жалко? – съязвил Адам, наблюдая за братом через полуоткрытую дверь.

– Не твое дело! – огрызнулся Чарльз. – И вообще отвяжись от меня!

– Отвяжусь, – согласился Адам. – Похоже, у меня здесь и правда нет никаких дел.

– Тебе решать. Можешь уйти, когда пожелаешь. Хоть сейчас. Счастливого пути!

Ссора разгорелась из-за пустяка, но Адам уже не мог остановиться. Сам того не желая, он перешел на крик, выплескивая на брата скопившиеся злость и раздражение:

– Вот именно. Уйду, когда захочу. Я здесь такой же хозяин, что и ты. И дом этот тоже наш общий.

– Тогда почему не заняться делом?

– О господи! – воскликнул Адам. – Ну, из-за чего мы ругаемся? Давай прекратим.

– Мне-то скандалы ни к чему, – согласился Чарльз, разложил в миски теплую кашу и швырнул их на стол.

Братья уселись завтракать. Чарльз смазал кусок хлеба маслом, подцепил ножом варенье из банки и намазал поверх масла, а потом снова ковырнул масло ножом, оставляя на куске кляксу от варенья.

– Черт побери, неужели нельзя вытереть нож? На это масло смотреть противно! – возмутился Адам.

Чарльз отодвинул в сторону нож и кусок хлеба и положил руки на стол ладонями вниз.

– А катился бы ты отсюда, – сердито бросил он брату.

– Уж лучше жить в свинарнике! – огрызнулся Адам, вставая из-за стола и направляясь к двери.

2

В следующий раз Чарльз встретился с братом через восемь месяцев. Вернувшись с работы, он застал Адама над кухонным ведром, из которого тот зачерпывал воду и плескал себе на голову.

- Здорово, – поприветствовал Чарльз гостя. – Как дела?
- Отлично, – откликнулся Адам.
- Где был?
- В Бостоне.
- И все, больше нигде?
- Нет, просто посмотрел на город.

Братья вернулись к прежнему укладу, но теперь каждый старался не давать воли раздражению, оберегая друг друга от вспышек злобы. Чарльз, который всегда был ранней пташкой, вставал и готовил завтрак, а уже потом будил брата, а Адам поддерживал порядок в доме и завел книги, чтобы вести учет на ферме. Так братья прожили в мире два года, но в один прекрасный день скопившееся раздражение вырвалось из-под контроля.

Однажды зимним вечером Адам оторвался от счетной книги и задумчиво сказал:

– Как хорошо в Калифорнии! И зимой там славно. А выращивать можно все, что душе угодно.

– Вырастить-то можно, а что потом прикажешь делать с урожаем?

– А пшеница? В Калифорнии выращивают много пшеницы.

– Ее всю съест ржавчина, – возразил Чарльз.

– Откуда ты знаешь? Послушай, говорят, в Калифорнии все растет так быстро, что только успевай собирать.

– Так почему тебе туда не поехать? – поинтересовался Чарльз. – Я хоть сейчас выкуплю твою половину фермы. Только свистни.

На сей раз Адам смолчал, но на следующее утро, расчесываясь перед маленьким зеркалом, снова вернулся к вчерашнему разговору.

– В Калифорнии вообще нет зимы, – начал он. – Круглый год весна.

– А вот я люблю зиму, – буркнул Чарльз.

Адам подошел к плите.

– Да не злись ты, – примирительно сказал он брату.

– А ты отвяжись. Сколько тебе яиц?

– Четыре.

Чарльз положил семь яиц на крышку разогревающейся плиты и развел сильный огонь из щепок, которыми аккуратно прикрыл угли. Поставив на плиту сковородку, он приступил к жарке бекона, и его мрачное настроение заметно улучшилось.

– Послушай, Адам, может, ты и сам не замечаешь, но в последнее время только и разговоров что о Калифорнии. Правда хочешь туда поехать?

– Я и сам пытаюсь разобраться, – хмыкнул Адам. – Не знаю. Все равно что ранний подъем по утрам. Вставать не хочется, но и в постели лежать – тоже.

– Вечно ты выдумываешь. Создаешь себе ненужные хлопоты.

– В армии я каждое утро подскакивал под проклятый горн и поклялся перед Господом, что, если выберусь из этого ада, буду каждый день спать до полудня. И вот у себя дома я просыпаюсь за полчаса до пробудки. Ответь, Чарльз, какого черта мы здесь горбатимся?

– Лежа в кровати, хозяйство на ферме не ведут, – возразил Чарльз, переворачивая вилкой шипящие ломтики бекона.

– Посуди сам, – серьезно сказал Адам. – Ни у одного из нас нет даже любимой девушки, не говоря уже о жене и детях. Если не изменить свою жизнь, так и будем сидеть в одиночестве. Нам некогда осмотреться и подыскать себе подходящих жен. Вместо этого собираемся прирастить к своей ферме участок Кларка, если сойдемся в цене. А зачем?

– У Кларка отличная земля, – возразил Чарльз, – и если объединить ее с нашей, получится лучшая ферма во всей округе. Эге! Уж не надумал ли ты жениться?

– Нет. Именно об этом-то я и толкую. Пройдет несколько лет, и мы станем владельцами лучшей фермы в здешних краях. Два старых хрыча, вкалывающих до седьмого пота на своей замечательной земле. Потом один из нас умрет, и хозяином фермы станет одинокий старый хрыч, а когда и он помрет...

– Что ты, черт возьми, несешь? – разозлился Чарльз. – Никак не угомонишься? И мне не даешь жить спокойно! А ну давай выкладывай начистоту, что задумал?!

– Что за радость от такой жизни? Да никакой! Пашешь с утра до ночи, а толку? Тем более что можно вообще не работать.

– Ну и в чем дело?! – крикнул в лицо брату Чарльз. – Убирайся ко всем чертям! Силком никто не держит. Давай катись на Южные моря и болтайся там весь день в гамаке, если такая жизнь тебе по душе!

– Не заводись, – примирительным тоном сказал Адам. – Это все равно как ранняя побудка по утрам. Вставать неохота, но и в постели валяться тоже не тянет. И на ферме оставаться не хочу, и уезжать желания нет.

– Тьфу, все жилы вытянул! – еще больше рассердился Чарльз.

– Чарльз, подумай хорошенько. Тебе тут и правда нравится?

– Нравится.

– Действительно собираешься провести на ферме всю жизнь?

– Да.

– Господи, как у тебя все просто! Мне бы так. Как думаешь, что со мной творится?

– С жиру бесишься. Баба тебе нужна. Ступай вечером в трактор, и вся дурь мигом пройдет.

– Может, ты и прав, – согласился Адам. – Только что за удовольствие от шлюхи? Мне их компания никогда не нравилась.

– А какая разница? Все бабы одинаковые, – удивился Чарльз. – Закрой глаза – и один черт!

– Некоторые парни в полку заводили постоянных любовниц из индейских женщин. И у меня какое-то время была такая.

Чарльз с любопытством посмотрел на брата:

– Отец в гробу бы перевернулся, узнай он, что ты путался с индейской бабой. И как тебя угораздило?

– Очень просто. Она стирала и чинила мне одежду, готовила еду.

– Да я не о том. Как там у вас... ну, сам понимаешь, о чем я.

– Замечательно. Нет, правда чудесно. Столько теплоты и нежности. Да, она была такая ласковая и кроткая.

– Повезло, что она не зарезала тебя во сне.

– Нет, что ты. Она была такая тихая и нежная.

– Как-то у тебя глаза странно заблестели. Похоже, эта скво и правда запала тебе в душу.

– Ты прав, – согласился Адам.

– И что с ней случилось?

– Умерла от оспы.

– И ты не завел себе другую любовницу?

– Мы складывали их в кучу, как дрова. – Глаза Адама наполнились болью. – Более двухсот человек. Руки и ноги торчали в разные стороны. А потом набросали наверх хвороста, облили керосином и подожгли.

– Говорят, индейцы не выживают после оспы.

– Эта болезнь их убивает, – подтвердил Адам. – Смотри, у тебя бекон подгорает.

Чарльз быстро повернулся к плите.

– Нет, просто будет поджаристая корочка, – возразил он. – Я люблю с корочкой. – Он выгреб бекон на тарелку и разбил яйца в кипящий жир. Подпрыгнув на раскаленной сковородке, они зашипели, и по краям стал образовываться похожий на коричневое кружево ободок.

– В наших краях жила одна учительница, – начал Чарльз. – Ты таких красавиц не встречал. А ножки какие крошечные! Всю одежду покупала в Нью-Йорке. Волосы золотистые, а уж ножки! Сроду таких не видал! Она пела в церковном хоре, и все вдруг повадились ходить в церковь. Давно это было.

– В то время, когда ты писал, что подумываешь жениться?

– Именно, – усмехнулся Чарльз. – Всем парням в округе тогда загорелось жениться.

– И куда она подевалась?

– Знаешь ведь, как бывает. Женщины потеряли из-за нее покой, объединились между собой и выжили ее. Говорили, она носит шелковое белье. Вся из себя такая надменная и благородная. Куда уж тут! Школьный совет выставил ее вон среди учебного года. А ножки-то! Вот такусенькие! Ты бы видел! Она любила их показывать, вроде как случайно. При каждом удобном случае выставит из-под юбки по самую щиколотку.

– Ты хоть успел с ней познакомиться? – поинтересовался Адам.

– Нет. Только в церковь ходил. С трудом проталкивался. Такой хорошенькой девушке не место в маленьком городке. Только вводит в искушение людей. Одно беспокойство.

– А помнишь дочку Сэмюэлсов? – спросил Адам. – Вот уж была красавица! Что с ней стало?

– Та же история. Смушала людей, а потом уехала из наших мест. Слышал, живет теперь в Филадельфии и работает портнихой. Говорят, за каждое платье берет по десять долларов.

– Может, и нам нужно уехать? – предположил Адам.

– Никак не выкинешь из головы Калифорнию?

– Ага.

И тут Чарльза прорвало.

– Выметайся отсюда! – заорал он. – Видеть тебя не хочу! Выкуплю твою долю, или продам, или еще что придумаю. Вали отсюда, сукин сын! – Он на мгновение замолчал. – Насчет сукиного сына я того, переборщил. Только, черт побери, ты все время выводил меня из терпения!

– Я уеду, – откликнулся Адам.

3

Через три месяца Чарльз получил по почте красочную открытку с видом гавани Рио-де-Жанейро, на обратной стороне которой Адам неряшливо нацарапал: «Здесь лето, а у вас зима. Почему бы тебе сюда не приехать?»

Через полгода пришла еще одна открытка из Буэнос-Айреса: «Дорогой Чарльз! Ты не представляешь, какой это огромный город. Тут разговаривают по-французски и по-испански. Посылаю тебе книгу».

Но книги Чарльз так и не получил, хотя ждал ее всю следующую зиму и весну. Вместо книги объявился сам Адам, загорелый, в одежде на иностранный манер.

– Как поживаешь? – поинтересовался Чарльз.

– Отлично. Ты получил книгу?

– Нет.

– Интересно, куда она подевалась? В ней такие замечательные картинки.

– Собираешься остаться?

– Пожалуй. Расскажу тебе о странах, где побывал.

– И слушать не желаю, – огрызнулся Чарльз.

– Господи, до чего ж ты злощий.

– Просто я знаю наперед, что будет дальше. Посидишь на ферме с годик, а потом опять начнешь ерзать и мне покоя не дашь. Мы осточертеем друг другу, но будем вести себя вежливо, а это еще невыносимее. Потом не выдержим, сорвемся, и ты снова уйдешь и вернешься, и так будет повторяться до бесконечности.

– Неужели не хочешь, чтобы я остался? – спросил Адам.

– Черт возьми, конечно же, хочу, – возмутился Чарльз. – Стоит тебе уехать, и я скучаю, но точно знаю, что ничего не изменится.

И действительно, история повторилась. Некоторое время братья вспоминали детские годы, потом говорили о времени, проведенном вдали друг от друга, и в конце концов стали все чаще подолгу молчать, часами работали, не обмолвившись ни словом, держась сдержанно-вежливо. И как всегда, дело закончилось привычными вспышками гнева. Время тянулось бесконечно долго, так как ничего значительного не происходило.

Однажды вечером Адам сказал:

– Знаешь, а ведь мне скоро тридцать семь. Считаю половина жизни.

– Ну, понеслось, – сердито буркнул Чарльз. – Снова начнешь ныть о бесцельно потраченных годах. Послушай, Адам, может, обойдемся на сей раз без ссор?

– И как же?

– Ну, если все пойдет как обычно, недели три-четыре поругаемся, а потом ты опять уйдешь. Только если так не терпится, нельзя ли съехать тихо, без скандалов?

Адам рассмеялся, и напряженная обстановка разрядилась.

– Оказывается, у меня мудрый брат, – сказал он. – Конечно, когда станет невмоготу, я уеду мирно, без ссор. Да, мне определенно нравится твое предложение. А ты все богатеешь, Чарльз, верно?

– Ну, я бы так не сказал, но дела идут неплохо.

– Еще скажи, что не ты купил в городе четыре дома и трактир.

– Вот и скажу.

– Брось, Чарльз, я же знаю, что купил. У тебя же самая лучшая ферма во всей округе, так почему не построить новый дом с ванной, водопроводом и уборной? Ведь теперь мы не бедняки. Говорят, ты чуть ли не самый богатый человек в здешних краях.

– Новый дом нам ни к чему, – с угрюмым видом заявил Чарльз. – Шел бы ты подальше со своими бреднями.

– А как хорошо иметь уборную в доме, а не бегать на улицу.

– Отцепись со своими глупыми фантазиями.

– А что, если я построю собственный домик прямо здесь, возле рощи? – развеселился Адам. – Что скажешь? И не будем тогда действовать друг другу на нервы.

– Не хочу никакого дома на своей земле.

– Но она наполовину моя.

– А я выкуплю твою долю.

– С чего ты взял, что я продам?

– Я спалю твой проклятый домишко. – Чарльз сердито сверкнул глазами.

– Не сомневаюсь, – вздохнул Адам, спускаясь с небес на землю. – Ты на это способен. Что ты так смотришь?

– Я вот долго думал, – медленно начал Чарльз, – и все хотел напомнить. Но ты, похоже, вообще об этом забыл.

– Ты о чем?

– Помнишь, как отправил мне телеграмму и попросил сто долларов?

– Конечно. Ты спас мне жизнь. А что?

– А долг-то ты так и не вернул.

– Как же, вернул.

– Нет.

Адам смотрел на старый стол, за которым некогда сидел Сайрус, постукивая тростью по деревянной ноге. Над столом по-прежнему висела керосиновая лампа, от которой струился дрожащий желтый свет.

– Утром расплачусь, – медленно сказал Адам.

– Да уж, я тебе дал большую отсрочку. Так что времени было предостаточно.

– Ты прав, Чарльз. Мне следовало самому вспомнить. – Он немного помолчал, что-то обдумывая. – Ты ведь не знаешь, для чего мне тогда потребовались деньги.

– Я не приставал с расспросами.

– А я не рассказывал. Наверное, стыдился. Знаешь, Чарльз, я ведь сидел в тюрьме и сбежал отсюда.

– Что ты болтаешь? – Чарльз открыл рот от изумления.

– Все собирался рассказать. Я был бродягой, и меня задержали за бродяжничество, а потом отправили в дорожную команду. На ночь на нас надевали кандалы. Через полгода выпустили, но тут же снова задержали. Вот так и строятся у нас дороги. Когда до окончания второго срока осталось три дня, я сбежал, добрался до Джорджии, ограбил магазин одежды и послал тебе телеграмму.

– Не верю, – изумился Чарльз. – Хотя нет, верю. Ты никогда не врешь. Разумеется, я тебе верю. Только почему ты молчал?

– Наверное, стыдился. Но еще стыднее, что не расплатился с тобой.

– Да брось ты, – смутился Чарльз. – Не знаю, зачем я завел этот разговор.

– Господи, да нет же, утром я расплачусь.

– Будь я проклят, мой брат – закоренелый преступник!

– Чему ты так радуешься?

– Сам не пойму, – удивился Чарльз. – Но я даже вроде как горжусь. Подумать только, мой братец – беглый каторжник! Только объясни, Адам, почему ты не сбежал раньше, а ждал, когда до конца срока останется всего три дня?

– Причин было три, – признался Адам. – Я боялся, что, если отсижу до конца, меня снова загребут. А еще подумал, что за три дня до конца срока никому и в голову не придет, что я замыслил побег.

– Разумно, – одобрил Чарльз. – Но ты упомянул еще одну причину.

– Думаю, она и была самой главной, – признался Адам. – И объяснить ее сложнее всего. Я считал, что должен отработать на государство шесть месяцев, как сказано в приговоре. Мошенничество мне не по душе, вот я и обманул государство всего на три дня.

Чарльз расхохотался.

– Совсем свихнулся, сукин сын, – с нежностью сказал он. – Но ты еще упоминал ограбление какой-то лавки.

– Я выслал владельцу деньги и еще добавил десять процентов.

Чарльз подался вперед.

– Расскажи мне о дорожной команде, Адам, – попросил он.

– Непременно, Чарльз. Непременно.

Глава 11

1

Узнав о тюремном прошлом брата, Чарльз проникся к Адаму уважением и тем теплым чувством, которое испытываешь только к человеку, далекому от совершенства и потому не заслуживающему нашей ненависти. Адам использовал это обстоятельство с выгодой для себя и то и дело искушал брата.

– Чарльз, тебе никогда не приходило в голову, что с нашими деньгами можно делать все, чего душа пожелает?

– И чего же она желает?

– Можем отправиться в Европу, прогуляться по Парижу.

– Что там такое?

– Ты о чем?

– Послышалось, кто-то возится на крыльце.

– Наверное, кошка.

– Похоже на то. Скоро придется их отстреливать.

– Чарльз, можно поехать в Египет, посмотреть на сфинкса.

– А еще можно остаться здесь и найти разумное применение деньгам. А кроме того, самое время заняться работой и провести день с пользой. Чертовы кошки! – Чарльз подскочил к двери и распахнул ее настежь: – Брысь! – Он вдруг замолчал, уставившись на ступеньки. Адам подошел к брату.

Какое-то существо в грязных лохмотьях, извиваясь, как червяк, пыталось заползти на крыльцо. Худенькая рука цеплялась за ступеньки, а вторая бессильно повисла, как плеть. Лицо покрыто коркой засохшей крови, губы разбиты, глаза смотрят из-под распухших почерневших век. На лбу открытая рана, и свежая кровь струйкой стекает на волосы.

Адам спустился вниз и, став на колени, склонился над непонятным существом.

– Помоги-ка, – обратился он к брату. – Давай занесем ее в дом. Осторожно, смотри, рука-то сломана.

Братья стали заносить девушку в дом, и она потеряла сознание.

– Клади ее на мою кровать, – скомандовал Адам. – А теперь, пожалуй, сходи за врачом.

– А может, лучше запрячь лошадей, положить ее на телегу и отвезти в город?

– Отвезти в город? Ты совсем одурел?

– Это еще как сказать, кто больше одурел. Пораскинь мозгами.

– Господи, да о чем тут думать?

– Двое мужчин ведут уединенный образ жизни, и вдруг у них в доме появляется вот это.

– Ты серьезно? – опешил Адам.

– Куда уж серьезнее. По-моему, ее лучше увезти. Через пару часов о ней проведуют все в округе. Откуда ты знаешь, кто она такая? Как сюда попала, и что с ней случилось? Адам, ты играешь с огнем.

– Если сейчас же не поедешь за доктором, поеду сам, а ты останешься здесь, с ней, – холодно заявил Адам.

– Я-то поеду, а вот ты совершаешь большую ошибку. Предупреждаю, мы с ней еще натерпимся.

– Ладно, твое дело привезти врача, а все страдания я беру на себя.

После отъезда брата Адам пошел на кухню и, налив в таз горячей воды из чайника, направился в спальню. Он смочил в воде носовой платок и принялся смывать с лица девушки запек-

шуюся кровь и грязь. Она уже пришла в сознание, и из-под распухших век на Адама сверкнули ясные глаза. Его мысли перенеслись в прошлое: та же комната, та же кровать. Над ним склонилась мачеха с мокрым полотенцем в руках, струйки воды стекают по разбитому лицу, отзываясь расползающейся во все стороны болью. Мачеха все говорила и говорила. Адам слышал голос, но слов вспомнить не мог.

– Все будет хорошо, – обратился он к девушке. – Уже поехали за врачом, он будет здесь с минуты на минуту.

Девушка с трудом пошевелила губами.

– Молчи, не надо разговаривать. – Адам бережно вытирал лицо девушки, и все его существо переполняла нежность. – Можешь остаться здесь. Живи сколько хочешь, – бормотал он. – Я буду о тебе заботиться. – Он выжал платок и, промокнув спутанные волосы, убрал их с рассеченного лба.

– Что, больно? – Адам слышал собственный голос, доносившийся издали, и не узнавал его, будто говорил другой человек. – Бедные глазки. Ну, ничего, я сделаю примочки, и все пройдет. Господи, какая глубокая рана на лбу! Не осталось бы шрама. Можешь сказать, как тебя зовут? Нет, лучше молчи. У нас впереди много времени. Да, времени предостаточно. Слышишь? Колеса скрипят. Вот и доктор приехал. Правда, быстро? – Адам направился к кухонной двери и крикнул: – Сюда, док, сюда! Больная здесь.

2

Девушка была страшно изувечена, и, существуй в то время рентген, врач обнаружил бы еще больше травм, которых, впрочем, и так оказалось предостаточно. Левая рука и три ребра были сломаны, на челюсти и черепе трещины, а с левой стороны выбито несколько зубов. Вся голова покрыта рваными ранами, а лоб рассечен до кости. Вот такая картина предстала перед врачом. Он наложил на руку лубок, туго перебинтовал ребра и зашил раны на голове. Взяв стеклянную трубочку от пипетки, он разогрел ее над спиртовкой и согнул под углом, а затем вставил в отверстие от выбитого зуба, чтобы девушка могла пить и принимать жидкую пищу, не травмируя покалеченную челюсть. Потом вколол большой дозу морфия и, оставив на столе бутылочку с пилюлями опиума, вымыл руки и надел сюртук.

В кухне доктор сел за стол и стал пить горячий кофе, который поставил перед ним Чарльз.

– Ну так что же все-таки с ней случилось? – спросил он.

– Откуда нам знать? – грубо оборвал врача Чарльз. – Мы нашли ее на крыльце. Если есть желание, можете взглянуть на следы, что ведут от дороги, когда она ползла к дому.

– Знаете ее?

– Господи, разумеется, нет!

– Вы бываете наверху в трактире. Она, часом, не одна из девиц?

– Я давно там не был и в таком виде все равно бы ее не узнал.

– А вы видели ее прежде? – обратился врач к Адаму.

Адам отрицательно покачал головой.

– Да что вы тут вынюхиваете? – возмутился Чарльз.

– Что ж, если интересно, скажу. По этой девице отнюдь не борона проехала, хотя на первый взгляд очень похоже. Кто-то ее умышленно изувечил, и она изрядно насолила этому человеку. Уж если начистоту, ее хотели убить.

– А почему вы ее не спросите? – поинтересовался Чарльз.

– Она еще долго не сможет разговаривать. Ко всему прочему, у нее еще и трещина в черепе, и одному богу известно, во что это выльется. Я, собственно, вот о чем: следует ли вмешивать в это дело шерифа?

– Нет! – Адам выкрикнул это с такой горячностью, что оба собеседника посмотрели на него с изумлением. – Оставьте девушку в покое. Пусть отлежится.

– А кто будет за ней ухаживать?

– Я, – решительно заявил Адам.

– погоди, погоди... – начал Чарльз.

– Не суй свой нос куда не следует!

– Но ведь дом не только твой, но и мой.

– Хочешь, чтобы я ушел?

– Да я вообще не о том говорю.

– Ну так знай, если выкинешь ее на улицу, я тоже уйду.

– Успокойся, – сказал примирительно врач. – С чего это ты так близко принимаешь к сердцу?

– Я бы и больную собаку из дома не выгнал.

– Ну и беситься тоже не стоит. А ты ничего не скрываешь? Выходил куда-нибудь прошлой ночью. Не твоих ли это рук дело?

– Он всю ночь провел дома, – заверил Чарльз. – Храпел, как паровоз.

– Почему вы не оставите девушку в покое? Дайте ей выздороветь.

Врач поднялся из-за стола и отряхнул руки.

– Послушай, Адам, твой отец был моим старинным приятелем, и я прекрасно знаю и тебя, и всю вашу семью. Ты ведь не дурак, и я не возьму в толк, почему ты отказываешься признавать очевидные факты? А дело обстоит именно так, и приходится уговаривать тебя, как младенца. На девушку совершено нападение, и не вызывает сомнений, что ее намеревались убить. Если я не доложу шерифу, то нарушу закон. Не скрою, иногда я законы нарушаю, но не в таких серьезных случаях.

– Хорошо, расскажите шерифу, только попросите не беспокоить девушку, пока ей не полегчает.

– Не в моих правилах причинять вред пациентам, – гордо заявил врач. – Так вы по-прежнему хотите оставить ее у себя в доме?

– Да.

– Что ж, дело хозяйское. Завтра к вам загляну. Девушка будет спать. Поите ее через трубочку водой и кормите теплым бульоном, если, конечно, она захочет принимать пищу. – С этими словами врач удалился.

– Адам, ради всех святых, что все это значит? – накинулся Чарльз на брата.

– Отстань.

– Да что на тебя нашло?

– Отвяжись, слышишь? Просто оставь меня в покое.

– Господи Иисусе!

Сплюнув в сердцах на пол, Чарльз с тяжелым сердцем отправился на работу.

Адам радовался, что остался один. Он походил по кухне, вымыл оставшуюся после завтрака посуду и подмел пол. Наведя порядок на кухне, он пошел в спальню и, придвинув к кровати стул, сел. Под действием морфия девушка погрузилась в глубокий сон и тяжело похрапывала. Отеки с лица начали сходиться, но обрамленные черными кругами глаза оставались распухшими. Адам сидел не шевелясь, не в силах оторвать глаз от девушки. Сломанная левая рука в лубке лежала у нее на животе, а правая – поверх одеяла. Пальцы сжаты в кулачок, как гнездышко. Маленькая, совсем детская ручка. Адам осторожно погладил теплое запястье, и девушка слегка пошевелила пальцами. Украдкой, словно опасаясь, что его застанут врасплох, Адам разжал ладошку и погладил изящные кончики нежных розовых пальчиков. Кожа на тыльной стороне руки словно светилась изнутри, как перламутровая. Адам восторженно крикнул. Внезапно девушка перестала дышать, и он насторожился, но в следующее мгновение

в горле что-то булькнуло, и мерное похрапывание возобновилось. Адам бережно спрятал руку девушки под одеяло и вышел на цыпочках из комнаты.

Несколько дней под действием опиумных пилюль и пережитых потрясений Кэти лежала в забытии. Из-за сильной боли она почти не шевелилась, а все тело казалось налитым свинцом. Девушка понимала, что вокруг нее происходят какие-то события. Постепенно голова прояснилась, и с глаз спала пелена тумана. К ней в комнату заходили двое молодых мужчин: один появлялся от случая к случаю, а второй – почти все время сидел у ее постели. Кэти догадалась, что третий мужчина, который регулярно ее навещает, – доктор. Но больше всех девушку интересовал еще один человек, высокий и худой, и интерес этот был вызван страхом. Возможно, сквозь тяжелый сон под действием морфия она что-то услышала, и это отпечаталось в мозгу.

Постепенно и медленно в памяти всплывали и выстраивались заново события последних дней. Перед глазами возникало лицо мистера Эдвардса. Вот оно утрачивает невозмутимое самодовольное выражение и превращается в маску убийцы. Никогда прежде Кэти не испытывала такого смертельного ужаса, зато теперь она знала, что собой представляет страх. И ее рассудок метался в поисках спасения, точно крыса, ищущая выход из западни. Мистер Эдвардс узнал о пожаре. А может, не он один? Как же он пронюхал? При этой мысли в груди поднялась волна слепого тошнотворного страха.

Из разговоров Кэти поняла, что высокий худой человек – шериф и хочет ее допросить, а молодой мужчина по имени Адам всячески этому препятствует, защищая ее. Возможно, шериф уже знает о пожаре.

Голоса звучали очень громко, и тут Кэти осенило, как надо действовать дальше.

– У девушки наверняка есть имя, – говорил шериф. – И кто-то должен ее знать.

– Как она станет отвечать на вопросы? Ведь у нее сломана челюсть, – слышался голос Адама.

– Если она пишет правой рукой, то может написать ответы на наши вопросы. Послушай, Адам, если кто-то хотел ее убить, лучше я поймаю его сейчас, пока есть возможность. Дай мне карандаш и позволь с ней побеседовать.

– Вы же слышали, что сказал доктор. У нее трещина в черепе. Вы уверены, что девушка все вспомнит?

– Послушай, дай бумагу и карандаш, а там увидим.

– Не хочу, чтобы вы ее беспокоили.

– Черт возьми, Адам, твои желания не имеют никакого значения! Повторяю: мне нужны бумага и карандаш.

– Да что с тобой происходит? – слышался голос второго молодого мужчины. – Говоришь так, будто это ты виноват. Дай же ему наконец карандаш.

Когда все трое зашли в комнату, девушка лежала с закрытыми глазами.

– Она спит, – прошептал Адам.

Кэти открыла глаза и посмотрела на мужчин.

Высокий мужчина подошел к кровати:

– Не хочется вас беспокоить, мисс. Я – шериф, и знаю, что вы не в состоянии разговаривать, и все же, может, напишете пару слов?

Девушка хотела кивнуть и тут же сморщилась от боли и заморгала, давая понять, что согласна.

– Ну и умница, – обрадовался шериф. – Видите? Она хочет отвечать. Он положил блокнот на кровать и вложил ей в руку карандаш. – Вот так. А теперь назовите свое имя.

Трое мужчин внимательно следили за лицом больной. Губы девушки сжались, она сощурилась, а потом закрыла глаза, и карандаш пополз по бумаге, выводя крупные корявые буквы: «Не знаю».

– Дайте-ка я возьму чистый листок. А что вы помните?

«Пустота. Ничего не помню», – нацарапал карандаш и соскользнул с листка.

– Неужели не можете вспомнить, кто вы такая и откуда приехали? Подумайте!

Лицо девушки исказила страдальческая гримаса. Было видно, что малейшее движение дается ей с огромным трудом.

«Нет, все спуталось. Помогите».

– Бедняжка, – сочувственно вздохнул шериф. – Тем не менее благодарю, что откликнулись на мою просьбу. Когда немного окрепнете, попробуем еще раз. Нет-нет, больше писать не нужно.

Карандаш медленно вывел: «Спасибо» – и выпал из ослабших пальцев.

Итак, шерифа удалось привлечь на свою сторону. Теперь он заодно с Адамом. Остался только один противник – Чарльз. Братьям приходилось вдвоем подкладывать под больную судно, чтобы не причинить боли, и когда они заходили в комнату, Кэти внимательно изучала сердитую, угрюмую физиономию Чарльза. В лице мужчины было что-то хорошо знакомое, вызывающее тревогу. Девушка заметила, как он то и дело трогает рукой шрам на лбу: то потрет, то просто проведет пальцами. Однажды Чарльз поймал ее взгляд и, отдернув руку ото лба, с виноватым видом посмотрел на пальцы.

– Не переживай, – злобно буркнул он. – И у тебя останется такой же, а может, еще краше.

Девушка улыбнулась и отвела глаза в сторону. В комнату зашел Адам, он принес Кэти теплый бульон.

– Пойду прогуляюсь до города. Выпью пивка, – заявил Чарльз.

3

Никогда в жизни Адам не испытывал такого счастья. Ничего страшного, что он не знает имени девушки. Она просила называть себя Кэти, и этого было достаточно. Он готовил для Кэти еду и пересмотрел все кулинарные рецепты, которыми еще пользовались его мать и мачеха.

Девушка оказалась на удивление живучей, и выздоровление шло быстро. С лица спали отеки, и по мере того как к больной возвращалось здоровье, оно приобретало прежнее очарование. Вскоре Кэти с помощью братьев могла садиться на кровати. Рот она открывала и закрывала с опаской, но уже начала есть мягкую пищу, которую не надо пережевывать. Повязку с головы еще не сняли, но остальная часть лица почти не пострадала, не считая впалой щеки с той стороны, где выбиты зубы.

Кэти попала в беду, и теперь ее мысли металась в поисках выхода. Говорила она мало, хотя речь уже давалась без труда.

Как-то раз, услышав на кухне шаги, она позвала:

– Адам, это ты?

– Нет, я, – откликнулся голос Чарльза.

– Будь добр, зайди ко мне на минутку.

Чарльз застыл в дверном проеме, устремив на девушку угрюмый взгляд.

– Ты редко ко мне заходишь.

– Верно.

– Я тебе не нравлюсь.

– Попала в точку.

– Может, объяснишь почему?

Чарльз замялся в поисках подходящего ответа, а потом буркнул:

– Я тебе не верю.

– Почему?

– Сам не знаю. Не верю в твою потерю памяти.

- Но с какой стати мне врать?
- Не знаю и потому не верю. Есть в тебе что-то... очень знакомое.
- Да мы ведь с тобой никогда прежде не встречались.
- Может, и не встречались, да только мне тревожно. Чувствую, что должен понять причину. А откуда такая уверенность, что мы раньше не встречались?
- Кэти молчала, и Чарльз повернулся, намереваясь уйти.
- Постой, не уходи, – попросила девушка. – Что ты решил?
- Насчет чего?
- Насчет меня.
- Чарльз посмотрел на девушку, и в его глазах зажглось любопытство:
- Хочешь знать правду?
- Потому и спрашиваю.
- Точно не знаю, но могу сказать одно: собираюсь выставить тебя отсюда как можно скорее. Мой братец совсем сдурел, но ничего, я его наставлю на ум, даже если придется задать хорошую трепку.
- А справишься? Он ведь сильный.
- Как-нибудь справлюсь. Раньше мне это удавалось.
- А где сейчас Адам? – Кэти устремила на Чарльза безмятежный взгляд.
- Потащился в город за твоими лекарствами, чтоб они провалились.
- Ты злобный человек.
- Я вот что скажу: ты со своей смазливой мордашкой в сто раз подлее и хуже меня.
- Настоящая дьяволица.
- Значит, мы друг друга стоим, – тихо рассмеялась Кэти. – Скажи, Чарльз, сколько у меня осталось времени?
- Смотря для чего. Говори яснее.
- Когда ты собираешься меня выгнать? Только честно.
- Будь по-твоему. Через неделю. Ну, в любом случае у тебя в запасе не больше десяти дней. Как только очухаешься и встанешь на ноги.
- А если я не уйду?
- Чарльз бросил на девушку хитрый взгляд, с трудом скрывая радость от предстоящего поединка.
- Ладно, начистоту так начистоту. Когда тебя напичкали лекарствами, язык у тебя развязался. Разболталась не на шутку. Лопотала как во сне.
- Не верю.
- Чарльз рассмеялся, заметив, как Кэти быстро сжала губы, словно спохватившись.
- Ну и не верь. Если уберешься подобра-поздорову, никому не скажу. А вздумаеться... ну, сама понимаешь. И шериф тоже все поймет.
- Да не могла я сказать ничего плохого.
- Спорить мне некогда. Полно работы. Ты спросила – я ответил.
- Чарльз вышел из дома и, завернув за курятник, согнулся вдвое от приступа смеха, похлопывая время от времени себя по ляжкам.
- Я-то думал, она умнее, – бормотал он сквозь смех. Впервые за последнее время ему полегчало, будто камень с души свалился.

4

Разговор с Чарльзом до смерти напугал Кэти. Он распознал ее сущность, но и девушка безошибочно угадала в нем родственную душу. Впервые в жизни Кэти столкнулась с человеком, играющим по ее правилам. Она ясно представляла ход мыслей Чарльза, но это служило

слабым утешением, так как не вызывало сомнений, что хитрости Кэти, которыми она обычно пользовалась, с ним не пройдут. А ведь именно сейчас она, как никогда, нуждается в покое и покровительстве. Денег Кэти лишилась, и теперь необходимо найти пристанище, где придется провести долгое время. Несмотря на болезнь и усталость, Кэти прокручивала в голове вариант за вариантом.

Адам вернулся из города с бутылочкой обезболивающего лекарства и, налив столовую ложку, предупредил Кэти:

– На вкус мерзкое, но действует безотказно.

Кэти без возражений выпила лекарство и даже не поморщилась.

– Ты так ко мне добр. Только не пойму, почему? От меня ведь одни хлопоты.

– Никаких хлопот. С твоим появлением в доме стало светлее. На твою долю выпали такие страдания, а ты ни разу не пожаловалась.

– Какой ты хороший и добрый, Адам.

– Да мне не трудно.

– Тебе нужно идти? А может, останешься и поболтаешь со мной?

– Конечно. Никаких срочных дел вроде нет.

– Пододвинь поближе стул и садись.

Адам сел, и Кэти протянула ему правую руку, которую он бережно спрятал в ладонях.

– Хороший, добрый, – повторила девушка. – Адам, ты ведь всегда держишь слово, правда?

– Стараюсь. Почему ты спрашиваешь?

– Я осталась совсем одна и очень боюсь, – расплакалась девушка. – Мне так страшно.

– Чем тебе помочь?

– Думаю, мне уже никто не поможет.

– Доверься мне, и я попробую.

– В том-то и дело, что я не могу все рассказать.

– Почему. Если это секрет, я никому не скажу.

– Тайна ведь не моя, понимаешь?

– Не совсем.

Пальчики Кэти вцепились Адаму в руку:

– Адам, я не теряла память.

– Но зачем же ты сказала...

– Вот я и пытаюсь тебе объяснить. Ты любил отца, Адам?

– Скорее относился к нему с большим почтением.

– Представь, если бы человек, которого ты считаешь всей душой, вдруг попал в беду.

Разве ты бы не сделал все, чтобы спасти его от гибели?

– Думаю, сделал бы.

– Вот и я так же поступила.

– Но где тебя изувечили?

– Ах, все связано между собой, потому-то я и должна молчать.

– Тебя избил отец?

– Да нет же. Но все так переплелось, запуталось.

– Иными словами, если откроешь мне имя человека, который тебя покалечил, твоему отцу грозят неприятности?

Кэти вздохнула. Пусть сам додумает историю.

– Адам, можешь мне поверить? – спросила она вслух.

– Конечно.

– Мне тяжело просить об этом.

– Ничего страшного, ведь ты хочешь защитить отца.

- Ты же понимаешь, это не моя тайна, а то я сразу бы тебе призналась.
- Разумеется, понимаю. И я на твоём месте поступил бы так же.
- Какой ты чуткий.

Глаза Кэти наполнились слезами. Адам склонился над девушкой, и та поцеловала его в щеку.

- Не бойся, я тебя уберегу от всех бед, – пообещал он.
- Вряд ли получится. – Кэти откинулась на подушку.
- Почему?
- Твой брат меня невзлюбил и хочет выгнать из дома.
- Он сам так сказал?
- Нет, что ты. Но я же чувствую. У него нет твоей доброты.
- Поверь, сердце у него не злое.

– Знаю. И все же Чарльз не понимает... Ему не хватает твоей чуткости. Когда мне придется покинуть ваш дом, шериф пристанет с вопросами, и я останусь одна-одинешенька.

Адам устремил задумчивый взгляд в пространство.

– Брат не может тебя выгнать. Половина фермы принадлежит мне, да и деньги у меня водятся.

- Если он станет настаивать на моем уходе, я уйду. Не хочу портить тебе жизнь.

Адам встал и широким шагом вышел из комнаты. Подойдя к двери кухни, он выглянул на улицу и сразу же попал в объятия ясного дня. Вдалеке, в конце поля, брат стужал с тележки булыжники и укладывал на каменную стену. Адам поднял глаза к небу, всматриваясь в стаю серебристых перистых облаков, надвигающихся с востока. Он вдохнул воздух полной грудью, и внутри шевельнулось волнующее, будоражащее чувство. Будто из ушей вынули вату, и теперь отчетливо слышится кудахтанье кур и шум восточного ветра, проносающегося над землей. Он слышал стук копыт на дороге и далекие удары молотка по дереву – это сосед кроет дранкой крышу амбара. И все звуки вдруг слились в одну мелодию. Зрение тоже прояснилось. Заборы, стены и сараи с необыкновенной отчетливостью выделялись на фоне желтых отблесков после-полуденного солнца. И предметы тоже стали единым целым. Все вокруг вдруг сделалось другим. Стайка воробьев опустилась на землю и, окунувшись в пыль, завозилась в поисках пищи. Потом птицы вспорхнули вверх серой, трепещущей на ветру шалью. Адам снова посмотрел на брата. Он потерял счет времени и не знал, как долго простоял на пороге.

Время и правда застыло на месте. Чарльз по-прежнему возился с огромным булыжником, а Адам так и не выдохнул воздух, который задержал в груди в тот самый момент, когда время для него остановилось.

Внезапно он понял, что радость и грусть неразрывно переплетаются между собой, так же как храбрость и страх, образуя одно затейливое полотно. Адам поймал себя на том, что мурлычет под нос какой-то простой мотив. Развернувшись, он прошел по кухне, остановился на пороге спальни и посмотрел на Кэти. Девушка слабо улыбнулась, и Адам подумал: «Господи, да ведь она совсем еще дитя! Слабое беззащитное дитя!»

- Пойдешь за меня замуж? – спросил он.

Лицо Кэти напряглось, а пальцы судорожно сжались.

– Можешь сразу не отвечать, – успокоил ее Адам. – Хочу, чтобы ты все хорошо обдумала. Только помни: если выйдешь за меня, я сумею тебя защитить, и уже никто не посмеет тебя обидеть.

В следующее мгновение девушка пришла в себя:

– Подойди, Адам, и сядь рядом. Вот так. – Кэти взяла Адама за руку и прижала к своей щеке. – Милый, – прошептала она прерывающимся голосом, – милый мой, ты мне поверил. А теперь пообещай кое-что. Обещай не говорить брату, хорошо?

- Не говорить, что сделал тебе предложение? Но почему мы должны скрывать?

– Не в этом дело. Дай мне время хотя бы до завтрашнего утра, а возможно, и еще несколько дней. – Кэти поднесла руку ко лбу. – Знаешь, у меня ум за разум заходит, и мысли разбегаются в разные стороны, а хочется решить на ясную голову.

– Как думаешь, сможешь стать моей женой?

– Адам, умоляю, оставь меня на некоторое время и дай подумать. Прошу тебя, милый.

Адам нервно усмехнулся:

– Только не затягивай с ответом. Я как тот кот, что взобрался на дерево, а спуститься вниз не может.

– Просто дай мне время. Ты ведь такой добрый и все понимаешь.

Адам вышел на улицу и направился к брату, который все еще грузил на тележку булыжники.

Как только он ушел, Кэти встала с кровати, добрела нетвердым шагом до комода и, подавшись вперед, посмотрела на себя в зеркало. Лоб все еще забинтован. Девушка приподняла край повязки и увидела воспаленный багровый рубец. Она уже давно решила выйти замуж за Адама, задолго до того, как он сделал предложение. Ее жизнь проходила в страхе, и Кэти нуждалась в чьем-нибудь покровительстве и деньгах, а Адам мог обеспечить и то и другое. Кроме того, она сможет им манипулировать. Это Кэти понимала очень хорошо. Замуж ей не хотелось, но на данный момент брак являлся путем к спасению и обретению покоя. Тревожило лишь одно: Адам относился к ней с теплотой, которая была Кэти непонятна, так как сама она никогда не испытывала подобного чувства ни к нему, ни к кому-либо другому. Мистер Эдвардс поверг ее в ужас, и единственный раз в жизни ситуация вышла из-под контроля. Кэти твердо решила, что ничего похожего больше не допустит. При мысли о том, что скажет Чарльз, когда узнает новость, девушка мысленно усмехнулась. Она чувствовала в Чарльзе родственную душу, и его подозрения не вызывали беспокойства.

5

Увидев брата, Чарльз выпрямился и, приложив руки к пояснице, принялся растирать усталые мышцы.

– Господи, сколько же здесь камней! – вздохнул он.

– Один парень в армии рассказывал, что в Калифорнии есть долины, где на несколько миль не то что булыжника, даже маленького камешка не сыскать.

– Значит, там другие пакости имеются, – возразил Чарльз. – На любой ферме свои трудности. Куда без них? Вот на Среднем Западе саранча, а в других местах – страшные ураганы. Так стоит ли обращать внимание на десяток булыжников? Подумаешь, какая важность!

– Наверное, ты прав. Вот я и пришел помочь.

– Как любезно с твоей стороны. А я уж решил, ты так и будешь до конца дней держать эту стерву за ручку. И долго она еще здесь прогостит?

Адам уже был готов признаться, что сделал Кэти предложение, но что-то в тоне брата заставило его прикусить язык.

– Да, кстати, тут недавно заходил Алекс Платт. Знаешь, какая с ним случилась история? В жизнь не поверишь! Он нашел целое состояние.

– Как же ему удалось?

– Помнишь то место на его участке, где растет кедровая роща? Ну, прямо у дороги?

– Помню. Ну и что?

– Алекс охотился на кроликов, пошел через рощу вдоль каменной стены и нашел чемодан с мужской одеждой. Все так аккуратно сложено, только насквозь промокло от дождей. Похоже, пролежало довольно долго. А еще он нашел деревянную шкатулку, и когда взломал замок, там

оказалось почти четыре тысячи долларов. Рядом валялась дамская сумочка, но в ней ничего не было.

– И что, никаких меток с именем?

– То-то и странно. Ни меток на одежде, ни наклеек на чемодане. Похоже, парень боялся, что его выследят.

– Алекс собирается оставить вещи и деньги у себя?

– Он отнес все шерифу, а тот даст объявление, и, если хозяин не найдется, все достанется Алексу.

– Да нет же, владелец непременно даст о себе знать.

– И я так думаю, но Алексу ничего не сказал. Он так радуется. Только странно, что никаких меток. И ведь они не срезаны, их просто не было.

– Да, большие деньги, – согласился Адам. – Кто-нибудь наверняка объявится.

– Мы тут с Алексом маленько поболтали. Ты ведь знаешь, его жена только и делает, что ходит по гостям. – Чарльз умолк. – Послушай, Адам, – продолжил он через некоторое время, – нам надо поговорить. По всей округе идут разговоры.

– О чем? Говори яснее.

– Черт побери, да все о том же! Об этой девке! Нельзя двум холостым мужчинам жить в одном доме с девчонкой. Алекс говорит, местные кумушки уже все кости нам перемыли. Адам, так не может продолжаться. Нам здесь жить, и ни к чему марать свое доброе имя.

– Предлагаешь вышвырнуть на улицу большую девушку?

– Хочу, чтобы ты от нее избавился. Пусть убирается. Мне она не по душе.

– Ты сразу невлюбил Кэти.

– Вот именно. Я ей не верю. Есть в этой девице что-то... Сам не знаю, как объяснить, но мне она не нравится. Когда она уберется?

– Поступим так, – медленно произнес Адам, – дай Кэти еще неделю, а потом я придумаю, как с ней поступить.

– Обещаешь?

– Даю слово.

– Ну, так-то лучше. Пойду шепну словечко жене Алекса, а уж она разнесет новость по всей округе. Ну и славно же мы заживем, когда снова останемся вдвоем. Полагаю, память к ней так и не вернулась?

– Нет, – откликнулся Адам.

6

Пятью днями позже Чарльз отправился покупать корм для телят, а Адам подогнал коляску к кухонному крыльцу и помог Кэти в нее сесть. Одним одеялом он укутал ей колени, а второе – накинул на плечи. Они отправились в окружной центр, где мировой судья оформил брак.

По возвращении они застали Чарльза дома. Адам с Кэти зашли на кухню, и Чарльз, скорчив кислую мину, буркнул:

– Я-то решил, что ты повез ее к поезду.

– Мы поженились, – сообщил Адам без обиняков.

Кэти улыбнулась Чарльзу.

– Как? Зачем ты это сделал?!

– А что? Разве я не имею права жениться?

Кэти быстро прошла в спальню и плотно закрыла дверь.

– Говорю тебе, она обычная мерзавка, шлюха! – неистовствовал Чарльз.

– Чарльз! – попытался остановить его брат.

– Неужели не видишь: она же дешевая шлюха! Разве можно ей верить? Сука! Тварь подзаборная!

– Прекрати, Чарльз! Прикуси свой поганый язык и не смей оскорблять мою жену!

– Какая из нее жена? Кошка драная.

– Похоже, ты ревнуешь, Чарльз, – тихо сказал Адам. – Думаю, ты и сам был не прочь на ней жениться.

– Что? Это я-то ревную?! Ах ты, чертов дурень! Да я даже жить с ней под одной крышей не стану!

– Тебе и не придется, – невозмутимо ответил Адам. – Я уезжаю. Если хочешь, можешь выкупить мою долю и оставить себе ферму. Ты ведь всегда этого хотел. Оставайся здесь и копайся в дерьме.

– Ну почему ты не хочешь от нее отделаться? – Голос Чарльза стал тихим. – Прошу тебя, Адам, вышвырни ее вон. Эта девка тебя погубит, изуродует всю жизнь! Вот увидишь! Слышишь, Адам?!

– С чего ты взял? Ведь ты же ее совсем не знаешь?

– Не знаю. – Глаза Чарльза стали пустыми и холодным, а губы плотно сжались.

Адам не стал спрашивать Кэти, выйдет ли она к ужину, а просто отнес в спальню две тарелки и сел рядом.

– Скоро мы уедем, – обратился он к жене.

– Позволь лучше уехать мне. Прошу тебя. Не хочу, чтобы из-за меня ты возненавидел брата. За что он меня невзлюбил?

– Думаю, он ревнует.

– Ревнует? – переспросила Кэти и прищурилась.

– Мне так кажется. Но ты не беспокойся. Мы уедем в Калифорнию.

– Не хочу в Калифорнию.

– Ты – моя жена, – мягко сказал Адам. – И я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Кэти замолчала и больше к этому разговору не возвращалась.

Вскоре они услышали, как Чарльз, уходя из дома, хлопнул дверью.

– Прогулка пойдет ему на пользу, – заметил Адам. – Немного выпьет, и сразу станет легче на душе.

– Послушай, Адам. – Кэти со смущенным видом принялась разглядывать пальцы. – Я не смогу быть тебе женой, пока не поправлюсь.

– Я все понимаю и подожду.

– Но я хочу, чтобы ты остался со мной. Я боюсь Чарльза. Он так меня ненавидит.

– Принесу сюда раскладушку, и если станет страшно, позови. Можешь протянуть руку и дотронуться до меня.

– Какой ты добрый, – восхитилась Кэти. – Может, выпьем чая?

– Конечно. Я и сам хотел предложить. – Он принес в спальню две дымящиеся чашки и вернулся в кухню за сахарницей, а потом пододвинул стул к кровати Кэти.

– Я заварил покрепче. Не слишком крепкий для тебя?

– Нет, я такой люблю.

Адам допил чай:

– Какой-то странный привкус, тебе не кажется?

Кэти испуганно поднесла руку ко рту.

– Ой, дай попробовать. – Она допила остатки и воскликнула: – Ах, Адам, ты взял мою чашку, а в ней было лекарство!

– Думаю, оно не причинит большого вреда. – Адам облизнул губы.

– Нет, – тихо рассмеялась Кэти. – Хоть бы не пришлось звать тебя ночью.

– Почему же?

– Ты выпил мое снотворное и вряд ли проснешься.

Опиум начал быстро действовать, и Адам, как ни боролся, вскоре погрузился в тяжелый сон.

– Неужели доктор прописал тебе такую большую дозу? – пробормотал он заплетающимся языком.

– Ты просто не привык, – откликнулась Кэти.

Чарльз вернулся домой в одиннадцать, и Кэти слышала его нетвердые шаги. Пошатываясь, он прошел к себе в комнату, сбросил одежду и улегся в постель. Ворча себе под нос, он повернулся, пытаясь устроиться поудобнее, а когда открыл глаза, увидел у кровати Кэти.

– Что надо?

– А ты как думаешь? Ну-ка подвинься.

– А где Адам?

– Выпил по ошибке мое снотворное. Давай двигайся.

– Я сегодня уже переспал со шлюхой, – сердито засопел Чарльз.

– Ну, ты парень крепкий. Подвинься чуток.

– А как же сломанная рука?

– Не твоя печаль. Я сама о ней позабочусь.

Чарльз неожиданно рассмеялся.

– Вот несчастный придурок, – сказал он, откидывая одеяло, чтобы пустить Кэти к себе в постель.

Часть вторая

Глава 12

Ну вот мы и дошли страница за страницей до великого рубежа, который известен как 1900 год. Очередная сотня лет пронеслась, перемолотая в муку, и все события приобрели определенную окраску, в зависимости от того, как их воспринимали и хотели видеть люди. И чем дальше они уходили в прошлое, тем ярче и значительнее казались. Некоторые мемуары утверждают, то было время, лучше которого мир не знал. Ах, старое доброе время, беззаботное, милое в своей простоте и безыскусности. Как будто тогда не они сами, а время было молодым и не ведающим страха. Старики, не надеющиеся перевалить через порог столетия, смотрели в будущее с неприязнью, так как в мире наступали перемены, и бывшее очарование уходило в небытие вместе с добродетелью. В разъедаемый ржавчиной мир вползала тревога, и куда подевались хорошие манеры, непринужденность и красота? Все пропало! Настоящие леди исчезли бесследно, да и верить слову джентльмена больше нельзя.

Наступило время застегнутых на все пуговицы ширинок, и мужское стремление к свободе выкипало, словно вода из чайника. Даже детские годы больше не приносят радости – не то что прежде, когда единственной заботой для ребенка был поиск подходящего камешка, не совсем круглого, но непременно плоского, обтекаемой формы. Такой легко завернуть в кусок кожи, отрезанной от старого башмака, и метнуть из рогатки. И куда только подевались все хорошие камешки, куда исчезли бывшее простодушие и бесхитрость?

Да и память у людей ослабла. А иначе почему ни за что не вспомнить пережитое чувство боли, радости или страсти, от которой перехватывает дыхание? Помнится только, что когда-то их испытывал. Пожилые мужчины смутно припоминают, как осторожно, словно доктора во время приема больных, щупали девочек, но они начисто забыли, да и не желают освежать в памяти едкий привкус душевного волнения, которое охватывает во время приступов юношеской хандры. И тогда падаешь лицом в молодые побеги овса и колотишь кулаками по земле, причитая сквозь рыдания: «О господи!» При виде подобного зрелища постаревшие мужчины обычно говорят: «С какой радости этот мальчишка валяется в траве? Так недолго и простудиться».

Увы, земляника утратила былую сладость, в любви нет прежней страстности, да и женские бедра уже не такие упругие!

Придя к такому выводу, некоторые мужчины успокаивались и с чувством выполненного долга ждали смерти, словно насадки, высиживающие в гнезде яйца.

Историю с неумным рвением творят миллионы историков. Нужно выбираться из этого уродливого века, заявляли некоторые из них. Прочь из эпохи мошенничества, кровавых мятежей, таинственных смертей и погони за общественными землями, для добычи которых были хороши любые средства.

Оглянемся в прошлое и вспомним, как наша малолетняя, не в меру самонадеянная нация, превозмогая тяготы, осваивала океанские берега. Едва мы успели встать на ноги, как снова пришлось сражаться с британцами. Мы их разбили, но проку в этом было немного, так как в обмен на победу нам остались сторевший Белый дом и десять тысяч вдов, которым выплачивалась пенсия из государственного бюджета.

Потом солдат отправили в поход на Мексику, который обернулся весьма поганым пикником. Кто бы объяснил, зачем нужно устраивать пикники и терпеть массу неудобств под открытым небом, когда можно с приятностью и без проблем славно покушать дома. Тем не менее война с Мексикой принесла две выгоды. Мы завладели обширными землями на Западе,

фактически удвоив собственную территорию, а кроме того, генералы получили возможность набраться военного опыта, и когда в стране вспыхнула братоубийственная бойня, наши военачальники, овладевшие нужными навыками, сумели превратить ее в кровавый кошмар.

Затем разгорелись споры:

– Можно ли иметь рабов?

– Почему бы и нет, если покупаешь раба честным путем.

– Эдак можно договориться, что и лошадей запретят покупать. Кто это посягает на мою собственность?

И вот мы уподобились человеку, который собственноручно разодрал себе лицо и теперь умывается кровью.

Гражданская война закончилась, и мы, медленно поднявшись с залитой кровью земли, отправились осваивать Запад.

За экономическим подъемом последовали спад, полное банкротство и депрессия.

Появились выдающиеся мошенники с громкими именами, которые опустошали карманы каждого, у кого там что-нибудь водилось.

Пошел он к черту, этот прогнивший насквозь век!

Переступим через порог и захлопнем за собой дверь! Закроем, как книгу, и начнем читать с новой главы, знаменующей новую жизнь. Закроем крышку мусорного ведра, где остался этот смердящий век, и будем жить с чистыми руками. Впереди ждет светлое будущее, не замаранное грязью и скверной новое столетие. Колода пока не перетасована, и любого ублюдка-шулера, что посмеет на нее посягнуть, мы распнем на кресте, окунув головой в унитаз.

И все равно никогда уже земляника не будет такой сладкой, да и женские бедра утратили былую упругость!

Глава 13

1

Порой на человека нисходит неземное блаженство, и тогда происходит озарение. Подобное случается почти с каждым, и ты чувствуешь, как оно нарастает и неуклонно приближается, словно огонек, бегущий по бикфордову шнуру навстречу динамиту. Появляется особое ощущение под ложечкой, радостный трепет во всем теле, и ты кожей впитываешь сладостный вкус воздуха, и каждый глубокий вдох вызывает восторг. Сначала испытываешь наслаждение, как после долгого сна, когда потягиваешься и сладко зеваешь, а дальше – вспышка в мозгу, и мир перед глазами начинает сверкать всеми красками. Возможно, вся жизнь прошла в серой безысходности, на унылой земле, среди темных угрюмых деревьев, и события, даже самые значительные и важные, прошли мимо безликим, блеклым строем. Но вдруг наступает озарение, и песенка сверчка улаживает слух, ноздри трепещут от аромата теплой земли, и пятна солнечного света, пробившегося сквозь листву деревьев, ласкают взгляд. И тогда все, что годами копилось в душе и сознании человека, выплескивается наружу мощным потоком, но это нисколько не умаляет его значимости. Полагаю, роль человека в мире, его ценность, измеряется количеством и характером посетивших его озарений. Человек переживает мгновенья озарения в одиночестве, но именно они связывают нас с окружающим миром и стоят у истоков любого творчества, выделяя каждого из толпы и одаривая индивидуальностью.

Не знаю, как это будет происходить в дальнейшем. Мир охвачен колоссальными переменами, и на сцену выходят неведомые нам силы, которые формируют лик будущего. Нам кажется, что за некоторыми из этих сил скрывается зло, но, возможно, дело не в них, а в их стремлении уничтожить дорогие нашему сердцу понятия, которые всегда считались правильными и действующими во благо. Действительно, два человека поднимут большой камень, с которым одному не справиться, и бригада рабочих изготовит детали и соберет автомобиль быстрее и качественнее того, кто станет делать эту работу в одиночку. И хлеб, испеченный в большой пекарне, стоит дешевле, а буханки не отличаются друг от друга по форме и вкусу. Однако как только наша пища, одежда и жилье станут изготавливаться в процессе массового производства, массовый метод неизбежно проникнет и в мышление, уничтожая любое инакомыслие. В наше время массовый или так называемый коллективный метод производства уже внедрился в экономику, политику и даже религию, и вот уже отдельные народы заменяют понятие «Бог» новым – «коллектив». Вот чем опасно время, в которое мне довелось жить. Скопившееся в мире напряжение достигло предела, превышение которого чревато катастрофой, и люди пребывают в растерянности и чувствуют себя несчастными.

В такое время вполне естественно и закономерно спросить себя: «А во что я верю? За что и против чего должен бороться?»

Мы – единственная особь на земле, способная творить, и имеется лишь одно орудие творчества – ум и душа отдельной личности. Никогда творческие работы не создавались вдвоем. Примеров плодотворного соавторства нет, будь то музыка, поэзия, математика или философия. Но когда чудо свершилось, группа людей может воспользоваться плодом творчества и развить и усовершенствовать первоначальную идею, но она не в силах изобрести что-либо новое. Драгоценный дар скрывается в мышлении индивидуума.

Но вот силы, сплоченные идеей коллективизма, объявили беспощадную войну этому бесценному дару, человеческому разуму. Стремясь надеть оковы на свободолюбивый бунтарский разум, притупить пытливість и одурманить, его подвергают всяческим унижениям, подавляют,

морят голодом и вколачивают железным молотом в жесткие рамки условностей и запретов. Похоже, человеческие особи встали на горестный путь самоубийства.

Я свято верю, что свободный пытливый ум отдельной личности является самой великой ценностью в мире, и готов бороться за право мыслить независимо без каких бы то ни было ограничений и препон. А сражаться я буду против любой идеологии, религии или правительства, которые ограничивают возможности личности или попросту ее уничтожают. На этом стою и стоять буду. Совершенно очевидны причины, которыми руководствуется построенная по некому шаблону система, прилагая все силы, чтобы убить свободный разум. Ведь только он, постигнув сущность такой системы, может ее сокрушить. Я это понимаю, ненавижу и буду бороться за спасение единственного различия между людьми и бессловесными тварями, лишенными способности созидать. Если потушить огонь озарения – мы погибли.

2

Адам Траск вырос в сером мире, лишенном радости, и вся его жизнь протекала под пыльной, подернутой паутиной завесой, за которой медленно проходила вереница дней, полных горестей и болезненной неудовлетворенности. Но вдруг в нее ворвалась Кэти, и к Адаму пришло озарение.

И не важно, что таких женщин, как Кэти, называют чудовищами. Возможно, нам не дано ее понять, но, с другой стороны, мы и сами способны как на великую добродетель, так и на смертный грех. Да и кто из нас, хотя бы мысленно, не ступал ногой в черные воды порока, пытаясь измерить их глубину?

Наверное, в душе каждого из нас имеется тайный отстойник, где зарождаются и крепнут злые, греховные помыслы. Однако он огорожен забором, и плавающая там дрянь, пытаясь взобраться по скользким стенам, неизменно падает вниз. Но разве не может случиться, что зло наберет силу, и скопившиеся нечистоты, выплеснувшись за ограду, вырвутся на волю? Не такого ли человека причисляют к чудовищам, и не сроднились ли мы с ним в глубинах наших собственных отстойников? Большая нелепость, признавая ангелов, не постигнуть сути демонов, ведь и тех и других сотворили мы сами.

Можно считать Кэти кем угодно, но именно она зажгла в жизни Адама искру озарения. Душа воспарила в облака, избавив от страха, ожесточения и горьких воспоминаний. Озарение наполняет окружающий мир светом и меняет всю картину, как осветительный снаряд, взметнувшийся над полем боя. Вероятно, и Адам видел Кэти совсем другой, таким сияющим был ореол, в котором девушка предстала перед его глазами. В сознании запечатлелся божественно прекрасный, непорочный образ прелестной нежной девушки, чистой и любящей. Кэти стала для мужа дороже всего на свете, и что бы она ни сказала или сделала, этот образ все равно бы не померк.

Она говорила, что не хочет ехать в Калифорнию, но Адам не слушал, потому что Кэти, которую он создал в воображении, взяла его за руку и первой отправилась в путь. Посетившее Адама озарение было таким ослепительно ярким, что он не замечал угрюмого настроения и страданий брата, не видел, как странно поблескивают его глаза. Он по дешевке продал свою долю фермы Чарльзу, добавил к полученной сумме деньги, доставшиеся по наследству от отца, и почувствовал себя свободным и богатым.

Братья стали друг другу чужими. На вокзале они обменялись рукопожатиями, и Чарльз, потирая шрам на лбу, наблюдал за отходящим поездом. Проводив Адама, он отправился в трактир, выпил четыре порции виски подряд и поднялся наверх. Чарльз, как заведено, заплатил девушке вперед, а когда у него ничего не получилось, рыдал в объятиях проститутки, пока та его не выставила. Свою ярость он выместил на ферме, выжимая из нее все соки, покупал новые участки, бурил колодцы и содержал хозяйство в идеальном порядке. Чарльз работал, не

зная ни покоя, ни отдыха, и богател день ото дня, однако богатство не приносило радости. Он пользовался всеобщим уважением, но так и не обзавелся друзьями.

Адам ненадолго задержался в Нью-Йорке, чтобы купить одежду для себя и жены, а затем супруги сели на поезд, который увез их на другой конец континента, и нетрудно догадаться, каким образом они оказались в Салинас-Вэлли.

В то время развивающиеся железнодорожные компании вели между собой ожесточенную борьбу за господство в стране, используя все доступные средства для увеличения своих перевозок. Не ограничиваясь рекламой в газетах, они выпускали яркие брошюры и плакаты с описанием красот и несметных богатств Запада. Реклама не преувеличивала – край был действительно сказочно богатым. Благодаря неукротимой энергии Лиланда Стэнфорда Южно-Тихоокеанская железная дорога под его предводительством добилась главенства на Тихоокеанском побережье не только в сфере транспорта, но и в политике. Ее рельсы потянулись к долинам. Вырастали новые города, осваивались и заселялись новые земли, так как для увеличения перевозок требовалось большое количество пассажиров.

Компания не обошла вниманием и узкую полосу Салинас-Вэлли, вытянувшуюся между двух горных хребтов. Адам внимательно изучил красочный рекламный плакат, утверждавший, что райские кущи являются лишь жалкой копией сказочной долины. После ознакомления с рекламной литературой только сумасшедший не загорелся бы желанием как можно скорее осесть в Салинас-Вэлли.

С покупкой земли Адам не торопился. Он приобрел повозку и стал разъезжать по окрестностям, беседуя со старожилами об условиях жизни, земле, наличии воды, погоде и урожаях. Делал это Адам не из праздного любопытства. Он приехал в Салинас-Вэлли, намереваясь построить дом, создать крепкую семью и, возможно, даже основать династию.

Адам объезжал ферму за фермой, брал в руки комочки земли и разминал их пальцами, строя грандиозные планы на будущее. Жителям долины он пришелся по душе, и они радовались, что Адам намерен осесть в их краях, так как сразу распознали в нем человека солидного и обстоятельного.

Тревожило Адама только состояние Кэти. Ей все время нездоровилось, и хотя она сопровождала мужа в поездках, интереса к его планам не проявляла. Однажды утром она пожаловалась на плохое самочувствие и осталась в гостинице в Кинг-Сити, а Адам, как обычно, отправился на очередную ферму. Вернулся он к пяти вечера и обнаружил, что жена умирает от неожиданно открывшегося кровотечения. К счастью, доктор Тилсон ужинал дома, и Адам вытащил его из-за стола, не дав доесть ростбиф. Быстро обследовав больную, врач с помощью тампонов принялся останавливать кровотечение, бросив Адаму через плечо:

– Будьте добры, спуститесь вниз.

– Она поправится?

– Да, я вас скоро позову.

Адам ласково погладил жену по плечу, и она улыбнулась в ответ.

Плотно закрыв дверь, доктор Тилсон подошел к кровати. От гнева его лицо налилось кровью.

– Зачем вы так поступили?

Губы Кэти сжались в тонкую линию.

– Муж знает, что вы беременны?

Женщина отрицательно покачала головой.

– Чем вы пользовались?

Кэти молча смотрела на врача.

Доктор Тилсон осмотрел комнату и, подойдя к комоду, вынул вязальную спицу и потряс перед лицом больной.

– Знакомая виновница всех бед, – пробормотал он. – Какая же вы дура. Едва не убили себя, а от ребенка все равно не избавились. Полагаю, помимо этого вы травили себя разной дрянью, наподобие камфоры, керосина и красного перца. Господи, и что вы, женщины, только творите!

Взгляд Кэти сделался стеклянным.

Врач придвинул стул к кровати и сел.

– Почему вы не хотите родить ребенка? – тихо спросил он. – У вас хороший муж, неужели вы его не любите? Что, так и будем молчать? Да скажите же что-нибудь, хватит упрямиться!

Кэти молчала, крепко сжав губы, и не мигая смотрела на доктора.

– Голубушка, – теряя терпение, сказал врач, – неужели не понимаете? Нельзя убивать зародившуюся жизнь. Уж если что и способно меня взбесить, то вот такое безобразие. Видит господь, я иногда теряю больных из-за недостатка знаний. Но я до конца борюсь за их жизнь. И вдруг на моих глазах совершается преднамеренное убийство. – Врач говорил все быстрее, страшась тягостного молчания, которое следовало за каждой его репликой. Лежащая на кровати женщина вызывала недоумение. Было в ней нечто чуждое человеческой природе. – Вы не знакомы с миссис Лорел? Бедняжка извелась от горя, день и ночь молит Господа послать ей ребенка. Все на свете отдала бы за счастье родить дитя. А вы протыкаете своего ребенка спицей. Ладно, – доктор Тилсон перешел на крик, – можете молчать и дальше, но я вам вот что скажу: ваше дитя живо, убить его не удалось, и вы дадите ему жизнь! Знаете, что говорится в законодательстве нашего штата об абортах? Не трудитесь, можете не отвечать! Только если вы еще раз попытаете избавиться от ребенка и преуспеете, я сразу же пойму, в чем дело, выдвину против вас обвинение и добьюсь соответствующего наказания. Надеюсь, у вас достаточно здравого смысла, чтобы понять серьезность моих намерений.

Кэти облизала пересохшие губы заостренным язычком, ее глаза утратили холодное выражение и засветились грустью.

– Простите, – прошептала она, – но вы всего не знаете.

– Так почему вы ничего не рассказываете? – Гнев доктора рассеялся, как туман. – Объясните, милая, в чем дело.

– Трудно об этом говорить. Адам такой хороший, сильный, а я... у меня дурная наследственность, эпилепсия.

– Не может быть!

– То есть у меня эпилепсии нет, но и дед, и отец, и брат страдали этой болезнью. Я не осмелилась признаться мужу.

– Бедная девочка, – посочувствовал врач, – не отчаивайтесь, скорее всего ребенок родится здоровым. Обещаете больше не делать глупостей?

– Да.

– Вот и хорошо. Я ничего не скажу вашему мужу. А теперь лягте и дайте посмотреть, прекратилось ли кровотечение.

Убедившись, что все в порядке, врач закрыл свой чемоданчик и положил спицу в карман.

– Загляну к вам завтра утром.

Едва мистер Тилсон спустился по узкой лестнице в вестибюль, как Адам атаковал его вопросами:

– Ну как она? Все обошлось? Что случилось? Можно к ней подняться?

– Да погодите вы, – усмехнулся доктор Тилсон и не удержался от привычной шутки, которую всегда произносил в подобных случаях: – Вашей жене нездоровится...

– Доктор...

– Но у нее единственная на свете болезнь, которая приносит радость.

– Как же это, доктор...

– Она ждет ребенка. – Довольный собой, мистер Тилсон быстро проскользнул мимо ошарашенного Адама. Трое мужчин, расположившихся возле печи, смотрели на него с добродушной усмешкой. – Лично я пригласил бы по такому случаю приятелей, скажем, человек трех, выпить и разделить со мной радость.

Его намек повис в воздухе, так как Адам уже поднимался на заплетающихся ногах по узкой лестнице.

...Внимание Адама привлекало ранчо Бордони, расположенное в нескольких милях к югу от Кинг-Сити, а точнее, на полдороге между Сан-Лукасом и Кинг-Сити.

Семейство Бордони владело девятыстами акрами земли, оставшимися от десяти тысяч, полученных прадедом миссис Бордони от испанской короны. Сами Бордони были швейцарцами, но миссис Бордони происходила из испанской семьи, осевшей в Салинас-Вэлли в стародавние времена, и являлась ее законной наследницей. Как часто случается с большинством старинных родов, Санчесы постепенно теряли свои земли. Часть проиграли в карты или продали для уплаты налогов, а порой землей расплачивались за приобретение предметов роскоши, таких как породистые лошади, драгоценности или любовь красивых женщин. Оставшиеся девятьсот акров располагались в центре первоначальных владений Санчесов, и именно там находились самые лучшие земли. Раскинувшиеся по берегам реки, они упирались с обеих сторон в предгорья, так как в этом месте Салинас-Вэлли сужается, а потом расширяется снова.

Старинный глинобитный дом Санчесов еще вполне годился для жилья. Он стоял в небольшой лощине среди холмов, представляющей собой долину Салинас-Вэлли в миниатюре, по которой струился никогда не пересыхающий ручей, являющийся главной ценностью. Именно поэтому Санчес построил здесь дом. Крошечную долину защищала тень от мощных виргинских дубов, и земля здесь была плодородной, покрытой густой зеленью, что не свойственно для этой части Салинас-Вэлли. Стены низкого дома имели четыре фута в толщину, а бревенчатые стропила и балки были скреплены ремнями из сыромятной кожи, предварительно смоченной водой. Высохнув, кожа дала усадку и надежно стянула бревна, а сами ремни затвердели, как железо, и практически не изнашивались. Такой способ строительства имеет лишь один недостаток: кожаные крепления могут перегрызть крысы, случись им завестись в доме.

Старинный дом, казалось, рос прямо из земли, и в этом имелась своеобразная прелесть. Бордони приспособил его под коровник. Хозяин приехал сюда из Швейцарии и унаследовал от своего народа страсть к чистоте. Не надеясь на толстые глинобитные стены, он построил на некотором расстоянии каркасный дом, а в глубоких проемах окон в старинном доме Санчесов виднелись коровьи головы.

Чета Бордони была бездетной, и когда супруга скончалась в расцвете лет, вдовец не на шутку затосковал по родным Альпам. Он хотел продать ранчо и вернуться на родину. Адам не спешил с покупкой земли, а Бордони запросил высокую цену и, пользуясь испытанным приемом торговцев, делал вид, что продажа ранчо его не слишком волнует. Бордони задолго до Адама понял, что тот непременно купит у него землю.

Адам намеревался обосноваться всерьез и на долгие годы, вырастить здесь будущих детей, которые продолжат его дело. Он боялся, что, купив ферму, найдет место получше, но земли Санчесов влекли к себе с неодолимой силой. С появлением Кэти Адам не сомневался, что впереди ждет долгая счастливая жизнь, и тем не менее действовал осмотрительно, тщательно обдумывая каждую мелочь. Он вдоль и поперек объездил в повозке и верхом земли Бордони, а зачастую отправлялся в путь пешком. Адам бурил землю, вдыхал ее запах и мял в пальцах, исследуя, что находится под верхним слоем, интересовался каждым диким растением, которое находил в поле, на берегах реки и склонах холмов. В местах, где почва была сырой, он опускался на колени и рассматривал причудливые рисунки, образованные следами животных: вот здесь прошел олень, а за ним кралась пума, а там пробежал койот и дикая кошка. Следы скунса и енота переплетались с отпечатками лапок ласки и кролика, а поверх всего выриси-

вывался узор, оставленный куропатками. Он бродил среди ив и сикомор, продираясь сквозь заросли ежевики, росшей вдоль русла реки, ласково поглаживал стволы виргинских и карликовых дубов, любовался земляничными и лавровыми деревьями и кустарниками тойона.

Бордони наблюдал за ним краем глаза, потягивая стакан за стаканом красное вино, изготовленное из винограда, выращенного на собственном небольшом винограднике, разбитом на склоне холма. Бордони не отказывал себе в удовольствии пропустить несколько стаканчиков после обеда, и Адам, никогда прежде не пробовавший вина, тоже к нему пристрастился.

Он то и дело спрашивал мнение Кэти об облюбованной земле, интересовался, нравится ли жене ранчо и будет ли она чувствовать себя здесь счастливой. Адам не слушал невразумительные ответы, свято веря, что Кэти полностью разделяет его энтузиазм. В холле гостиницы в Кинг-Сити он разговорился с мужчинами, собравшимися возле печки, чтобы почитать газеты, присланные из Сан-Франциско.

– Меня беспокоит только вода, – признался он как-то вечером. – Ведь без колодца не обойтись, а как глубоко придется бурить, не знаю.

– Вам надо поговорить с Сэмом Гамильтоном, – посоветовал фермер, одетый в брюки из грубой хлопчатой ткани. Он расположился у печи, закинув ногу на ногу. – Сэм лучше всех расскажет, где искать воду. Он в этом деле прямо-таки колдун. Да и колодцы роет замечательно. В этой части долины добрая половина всех колодцев – его работа.

– Еще бы ему не знать, – хмыкнул второй фермер. – Ведь на земле у самого Сэма нет даже захудалого ручейка.

– Как его найти? – поинтересовался Адам.

– Знаете что, мне все равно нужно съездить к Сэму за железными уголками, так что могу и вас захватить, – предложил фермер. – Мистер Гамильтон вам понравится. Замечательный человек.

– А уж какой шутник и забавник, – добавил его товарищ.

3

На ранчо Гамильтонов отправились на телеге Луиса Липпо. В дощатом кузове грохотали обрезки железа, на которых подпрыгивала на каждом ухабе предусмотрительно обернутая во влажный холст оленья нога. В те годы, отправляясь к кому-нибудь с визитом, брали с собой основательный запас съестного в качестве подарка хозяину, так как он непременно приглашал гостей отужинать, и отказ считался оскорблением. Однако неожиданно нагрянувшие гости уничтожили недельный запас еды, и каждый приличный человек считал своим долгом восполнить нанесенный ущерб. Четверть свиной туши или говяжий огузок считались достаточным вкладом. Вот Луис и прихватил с собой оленину, а Адам запасся бутылкой виски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.